

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БК

Джеймс Клавелл

УРАГАН

КНИГА 2

Бегство
из рая

Великолепный роман...
Сверкающий... Яркий...
Автор знает, о чем пишет.

Washington Post

The Big Book

Джеймс Клавелл

Ураган. Книга 2. Бегство из рая

«Азбука»

1986

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Клавелл Д.

Ураган. Книга 2. Бегство из рая / Д. Клавелл — «Азбука»,
1986 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-16455-0

Февраль 1979 года. Иран. Шах бежал, и к власти пришел аятолла Хомейни. В стране кипят страсти, активно действуют фанатики ислама, революционеры всякого толка, не остаются в стороне и спецслужбы великих держав, крайне заинтересованных в иранской нефти. Спокойная жизнь пилотов вертолетной компании, которой негласно управляет Благородный Дом, закончилась. В такой обстановке компания разрабатывает операцию по вывозу вертолетов и людей из страны, где царит разруха, фанатизм и насилие, и приступает к ее осуществлению. Задача осложняется тем, что все вертолеты должны вылететь со своих баз одновременно, а иначе операция не состоится... «Ураган» – это последний роман «Азиатской саги» Клавелла.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16455-0

© Клавелл Д., 1986
© Азбука, 1986

Содержание

Часть третья	7
Четверг	7
Глава 42	7
Пятница	22
Глава 43	22
Глава 44	30
Глава 45	37
Суббота	49
Глава 46	49
Глава 47	66
Глава 48	76
Воскресенье	88
Глава 49	88
Понедельник	100
Глава 50	100
Глава 51	106
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Джеймс Клавелл
Ураган
Книга 2
Бегство из рая

James Clavell
WHIRLWIND

Copyright © 1986 by James Clavell
All rights reserved

thebigbook.

Серия «The Big Book»

Карты выполнены Вадимом Пожидаевым-мл.

© Е. А. Куприн, перевод, 2019

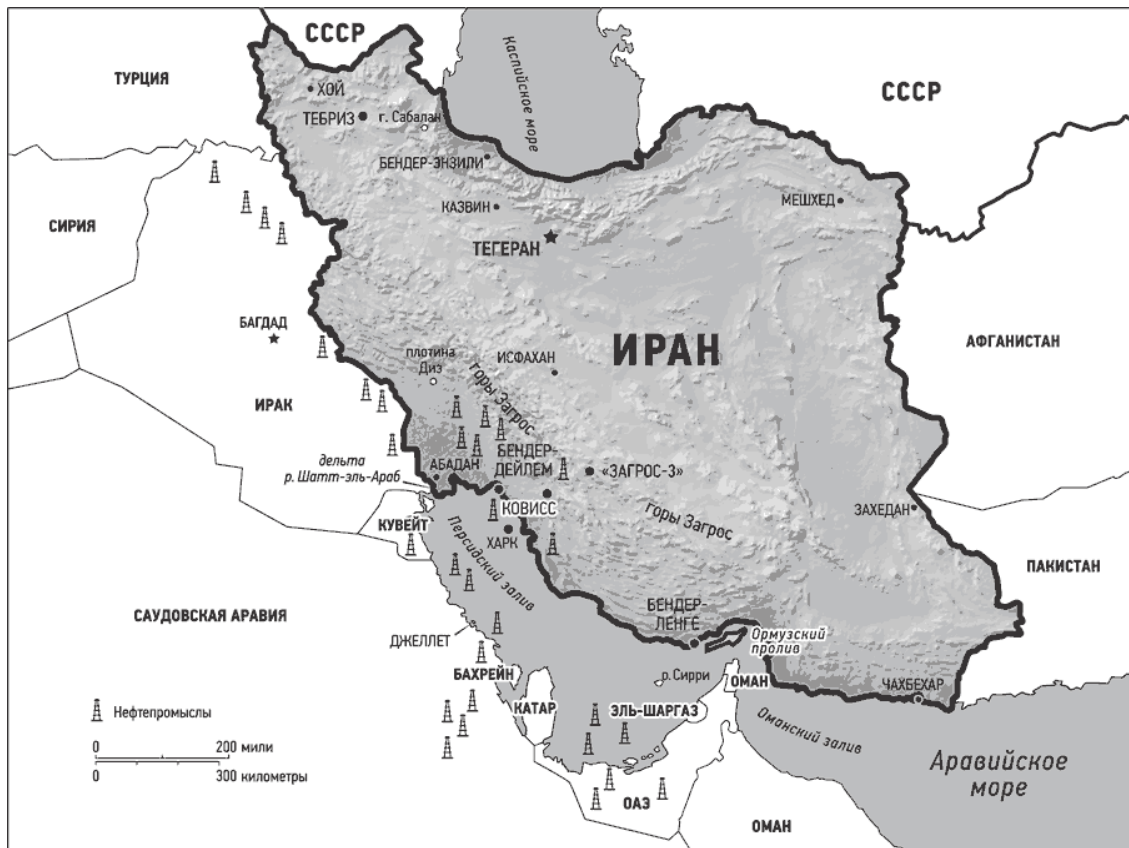
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается
ШИГАЦУ

Часть третья

Четверг
22 февраля

Глава 42

К СЕВЕРО-ЗАПАДУ ОТ ТЕБРИЗА. 11:20. Сидя на ступеньках трапа в пассажирском отсеке своего 212-го, который он посадил высоко на горном склоне, Эрикки мог видеть далеко вглубь территории Советской России. Внизу река Аракс текла на восток, в сторону Каспия, петляя в ущельях и обозначая собой большую часть иранско-советской границы. Повернув голову влево, он мог заглянуть в Турцию, увидеть взметнувшуюся на пятнадцать тысяч пятьсот футов вершину горы Арарат. 212-й стоял недалеко от входа в пещеру, где располагался секретный американский пункт наблюдения.

Когда-то располагался, подумал Эрикки с хмурой усмешкой. Вчера днем при посадке альтиметр показал восемь тысяч пятьсот шестьдесят два фута над уровнем моря. Разношерстная группа левых феодалов, которую он привез с собой, с криками бросилась брать пещеру штурмом, но американцев там не оказалось. Чимтарга, осмотрев пещеру, обнаружил, что все ценное оборудование разбито и ни одной шифровальной книги не осталось. Свидетельств поспешного бегства полно, но ничего по-настоящему ценного найти не удалось.

– Мы все равно заберем из пещеры все, – приказал Чимтарга своим людям, – выпотрошим дочиста, как и все остальные. – Повернувшись к Эрикки, он спросил: – Вы сможете сесть вон там? – Он показал вверх, где был виден комплекс радиолокационных мачт. – Я хочу их снять.

– Не знаю, – ответил Эрикки.

Граната, которую ему дал Росс, все еще была у него под мышкой, закрепленная липкой лентой, – Чимтарга и его подручные не стали его обыскивать, – и его нож пукко по-прежнему покоился в ножнах у него за спиной.

– Слетаю посмотрю.

– Слетаем посмотрим, капитан. Посмотрим вместе, – сказал Чимтарга с коротким смешком. – Тогда у вас не возникнет искушения нас покинуть.

Эрикки поднялся с ним туда на вертолете. Мачты крепились к толстым бетонным основаниям на северном склоне горы – небольшой выровненный участок прямо перед их зависшим вертолетом.

– Если сегодняшняя погода продержится, сесть тут можно, но если ветер усилится, то ничего не выйдет. Я мог бы зависнуть и спустить вас на лебедке. – Он улыбнулся, хищно оскалив зубы.

– Нет уж, спасибо, – рассмеялся Чимтарга. – Я на тот свет до срока не тороплюсь.

– А для советского, особенно для советского кагэбэшника, вы ничего.

– Вы тоже ничего. Для финна.

С воскресенья, когда Эрикки начал летать с Чимтаргой, тот успел ему понравиться – не то чтобы человек из КГБ мог по-настоящему нравиться или вызывать доверие, думал он. Но Чимтарга держался с ним вежливо и обходился по справедливости, всегда давал ему положенную долю от всего, что они ели. Прошлой ночью он распил с финном бутылку водки и уступил ему лучшее место для сна. Они провели ночь в деревне в двадцати километрах к югу отсюда на коврах, брошенных прямо на земляной пол. Чимтарга сказал ему, что эти места были главным образом курдской территорией, но деревня тайно поддерживала феодалов и они здесь были в безопасности.

– Тогда зачем приставлять ко мне охранника?

– Здесь безопасно для нас, капитан, но не для вас.

Прошлой ночью, во дворце хана, когда Чимтарга и охранники пришли за ним сразу же после ухода Росса, его отвезли на базу ВВС. В темноте и против всех правил Иранского управления воздушным движением он прилетел в деревню в горах к северу от Хоя. Там, уже на рассвете, они взяли на борт столько вооруженных людей, сколько вмещал вертолет, и направились к первому из двух американских пунктов радиолокационного наблюдения. Он оказался таким же опустевшим и разрушенным, как и этот.

– Кто-то, должно быть, проболтался, что мы собрались к ним в гости, – с отвращением произнес Чимтарга. – Чертовы шпионы, в душу их мать!

Позже Чимтарга пересказал Эрикки то, что ему нашептали местные жители: американцы эвакуировались позавчера вечером, улетели на вертолетах без опознавательных знаков и очень больших.

– Было бы хорошо поймать их с поличным, пока они шпионили. Очень хорошо. По слухам, эти ублюдки видели вглубь нашей территории на тысячу миль.

– Вам повезло, что их здесь не оказалось. Могло выйти целое сражение, получился бы международный инцидент.

– А мы-то тут при чем? – расхохотался Чимтарга. – Совсем ни при чем. Это все курды опять занимаются, понимаете ли, своими грязными делами. Прямо бандиты какие-то, а? На них бы все и свалили. Сволочи проклятые, а? Со временем бы тела обнаружались – на курдской земле. Для Картера и его ЦРУ этого было бы достаточно.

Эрикки шевельнулся на ступенях трапа, холодный металл подморозил ему зад. Финн чувствовал себя усталым и угнетенным. Прошлой ночью он опять плохо спал – мучили кошмары про Азаде. С тех пор как появился Росс, он ни одной ночи не спал спокойно.

Ты дурак, думал он про себя уже в тысячный раз. Знаю, только от этого не легче. Похоже, вообще ничего не помогает. Может быть, это полеты тебя так достают. Слишком много часов в слишком плохих условиях, слишком много ночных вылетов. А потом еще и о Ноггере надо думать. И еще Ракоци, и эти убийства все время висят над душой. И Росс. И больше всего – Азаде. Все ли у нее в порядке?

Он постарался поговорить с ней по поводу Ясноглазого Джонни на следующее утро, помириться.

– Признаю, я почувствовал ревность. Ревновать глупо. Я поклялся древними богами моих предков, что смогу жить с твоими воспоминаниями о нем, и я смогу и буду, – говорил он, но, произнеся это вслух, не почувствовал очищения. – Я просто не думал, что он окажется таким... настолько мужчиной и таким... таким опасным. Этот его кукри вполне мог бы поспорить с моим ножом.

– Нет, мой милый. Никогда. Я так рада, что ты – это ты, а я – это я и что мы вместе. Как мы сможем отсюда выбраться?

– Не все из нас, не все вместе зараз, – честно признался он. – Солдатам лучше выбираться отсюда, пока есть возможность. С Ноггером и с ними, и пока ты здесь... не знаю, Азаде. Я пока не знаю, как нам отсюда сбежать. Придется подождать. Может быть, нам удастся пробраться в Турцию...

Эрикки посмотрел на восток, где лежала Турция, такая близкая сейчас и такая далекая, пока Азаде находилась в Тебризе – в тридцати минутах лета отсюда. Но когда? Если бы мы добрались до Турции, и если бы мой вертолет не конфисковали, и если бы мне удалось дозвониться, мы могли бы долететь до Эль-Шаргаза, двигаясь вдоль границы. Если, если, если! Боги моих предков, помогите мне!

Вчера вечером за водкой Чимтарга был таким же неразговорчивым, как и всегда, но пить он умел, и бутылку они распили до последней капли, рюмка за рюмкой.

– На завтрашний вечер у меня припасена еще одна, капитан.

– Хорошо. Когда отпадет надобность во мне?

– Еще дня два-три, чтобы закончить здесь, потом назад – в Тебриз.

– А там?

– Там видно будет.

Если бы не водка, Эрикки обложил бы его трехэтажным матом. Он встал и взглянул на иранцев, стаскивавших оборудование в одну кучу для погрузки. Большая его часть выглядела совершенно обыкновенно. Когда он двинулся вперед, хрустя ботинками по снегу, его охранник

бросился следом. Никаких шансов сбежать. За все эти пять дней ему не представилось ни единой возможности. «Нам нравится ваша компания», – как-то заметил Чимтарга, прочитав мысли Эрикки, и его раскосые глаза прищурились в улыбке.

Наверху Эрикки увидел нескольких человек, демонтировавших мачты радаров. Пустая трата времени, подумал он. Даже я знаю, что ничего особенного в них нет. «Это не важно, капитан, – сказал ему Чимтарга. – Моему хозяину нравятся большие объемы. Он сказал брать все. Больше лучше, чем меньше. Да и вам-то чего волноваться – оплата у вас почасовая». Снова смешок, без издевки.

Почувствовав, что у него затекла шея, Эрикки нагнулся вперед и коснулся руками носков ботинок, потом, не выпрямляясь, расслабил руки, дал голове свободно повиснуть и помотал ею туда-сюда, описывая как можно более широкий полукруг, чтобы ее вес растянул сухожилия, связки, мышцы и убрал спазмы, не форсируя процесс, используя только собственный вес головы.

– Что вы делаете? – спросил Чимтарга, подходя к нему.

– Здорово помогает от боли в шее. – Эрикки снова надел черные очки, без них отраженный от снега свет начинал резать глаза. – Если делать это упражнение два раза в день, шея болеть никогда не будет.

– А у вас тоже шея болит? Меня эти боли донимают постоянно, приходится ходить к врачу-хиропрактику два раза в год, не реже. Так это помогает?

– Стопроцентно. Мне это упражнение показала официантка. От таскания подносов целый день у них постоянно болят спина и шея, как и у пилотов, – жизнь такая. Попробуйте, убедитесь сами. – (Чимтарга наклонился, как Эрикки минуту назад, и помотал головой.) – Нет, неправильно. Дайте голове и рукам повиснуть свободно, вы слишком напряжены.

Чимтарга последовал его совету, почувствовал, как в шее что-то хрустнуло, позвонки расслабились, и, когда снова выпрямился, сказал:

– Это просто чудесно, капитан. С меня причитается.

– Считайте, что я расплатился за водку.

– Это стоит больше, чем бутылка вод...

Эрикки тупо уставился на него, когда из груди Чимтарги плеснуло кровью вслед пуле, прошившей его насквозь со спины, и только потом услышал сухой треск выстрела, за которым тут же последовали другие. Прятавшиеся в засаде горцы высыпали из-за камней и деревьев, издавая боевые кличи и вопя «Аллах-у акбаррр», поливая огнем все вокруг. Нападение было коротким и жестоким. Эрикки видел, как люди Чимтарги валились, словно подкошенные, по всему плато; с ними быстро покончили. Его собственный охранник успел открыть огонь при первом выстреле, но в него тут же попали, и сейчас бородатый горец встал над ним и с торжествующим лицом добил его прикладом. Остальные бросились вглубь пещеры. Еще стрельба, потом все стихло.

Два человека направились к Эрикки, и он поднял руки, чувствуя себя глупо и беспомощно; сердце колотилось в груди. Один из иранцев перевернул Чимтаргу и выстрелил в него еще раз. Второй пробежал мимо Эрикки и запрыгнул в салон 212-го, чтобы убедиться, что там никто не прячется. Тот, что пристрелил Чимтаргу, выпрямился и теперь стоял прямо перед Эрикки, тяжело дыша. Это был маленький человек с оливкового цвета кожей, бородатый, с черными глазами и волосами, его одежда была грубой, и от него воняло.

– Опустите руки, – сказал он по-английски с тяжелым акцентом. – Я шейх Баязид, я здесь главный. Нам нужны вы и ваш вертолет.

– Чего вы от меня хотите?

Вокруг них горцы добивали раненых, снимая с трупов все мало-мальски ценное.

– Экстренная эвакуация. – Баязид чуть заметно улыбнулся, увидев выражение лица Эрикки. – Многие из нас работают на нефти и скважинах. Кто этот пес? – Иранец пихнул Чимтаргу ногой.

– Он называл себя Чимтаргой. Он был советским. Я думаю, еще и из КГБ.

– Конечно советским, – грубо сказал иранец. – Конечно из КГБ. Все советские в Иране из КГБ. Документы, пожалуйста. – Эрикки протянул ему свое удостоверение. Горец прочел его, кивнул, наполовину самому себе, и, к удивлению Эрикки, вернул удостоверение. – Почему вы возите эту советскую собаку? – Он молча слушал, темнея лицом, пока Эрикки рассказывал ему, как Абдолла-хан заманил его в ловушку. – Абдолла-хан не из тех, кого можно сердить. Руки у Абдоллы Жестокого очень длинные, даже в землях курдов.

– Вы курды?

– Курды, – ответил Баязид; солгать было легко.

Он опустился на колено и обыскал Чимтаргу. Никаких документов, немного денег, которые он сунул в карман, больше ничего; пистолет в кобуре и патроны он тоже забрал себе.

– У вас бак полный?

– На три четверти.

– Я хочу лететь на двадцать миль на юг. Я покажу. Потом заберем раненого, затем полетим в Резайе, там больница.

– Почему не в Тебриз, это гораздо ближе.

– Резайе в Курдистане. Курды там в безопасности, иногда. Тебриз принадлежит нашим врагам: иранцам, шаху, Хомейни – разницы нет. Полетим в Резайе.

– Хорошо. Заграничная больница подойдет лучше всего. Я бывал там раньше, и у них есть вертолетная площадка. Экстренная эвакуация для них привычное дело. Мы можем там дозаправиться, у них есть вертолетное топливо, по крайней мере, оно у них было в... раньше. – Баязид на минуту задумался. – Хорошо. Да. Летим прямо сейчас.

– А после Резайе... что потом?

– Потом, если хорошо нам послужите, может быть, отпустим вас, чтобы вы забрали свою жену у хана Горгонов. – Шейх Баязид повернулся и крикнул своим людям, чтобы они потоплавились и селились в вертолет. – Заводите, пожалуйста.

– А что с ним? – Эрикки показал на Чимтаргу. – И с остальными?

– Звери и птицы быстро очистят это место.

Погрузка в вертолет и взлет не заняли у них много времени. Эрикки теперь наполняла надежда. Маленькую деревеньку они отыскали без труда. Забирать надо было старую женщину.

– Она наш предводитель.

– Я не знал, что женщины могут быть предводителями.

– Почему нет, если они достаточно мудрые, достаточно сильные и из хорошей семьи? Мы – мусульмане-сунниты, не левые и не еретики-шииты, которым, как скоту, нужен мулла между ними и Богом. Бог есть Бог. Летим прямо сейчас.

– Она говорит по-английски?

– Нет.

– Выглядит она очень больной. Она может не перенести перелет.

– На все воля Аллаха.

Однако она пережила часовой перелет, и Эрикки сел на вертолетную площадку. Заграничную больницу построили, оборудовали и содержали зарубежные нефтяные компании. Весь полет прошел на малой высоте, Эрикки держался подальше от Тебриза и военных аэродромов. Баязид сидел рядом с ним в кабине пилота, шесть вооруженных охранников сопровождали их верховную предводительницу в пассажирском отсеке. Она неподвижно лежала на носилках, была в сознании, явно страдала от сильной боли, но не жаловалась.

Врач и санитары появились на площадке через несколько секунд после посадки. Врач, в белом халате, надетом поверх толстого свитера, с большим красным крестом на рукаве, вокруг воспаленных глаз залегли темные круги, был американцем тридцати с небольшим лет. Он опустился на колени возле носилок, остальные ждали в молчании. Женщина издала тихий стон, когда он коснулся ее живота, хотя его руки были руками целителя. Через минуту он мягко заговорил с ней на плохом турецком. По ее лицу скользнула мимолетная улыбка, и она кивнула и поблагодарила его. Он сделал знак санитарам, и те на руках вынесли носилки из вертолета. По приказу Баязида два вооруженных горца отправились вместе с ними.

Врач обратился к Баязиду, с трудом подбирая слова:

– Ваше превосходительство, я нужно имя и возраст и... – Он замолчал, подыскивая слово. – История, медицинская история.

– Говорите по-английски.

– Хорошо, спасибо, ага. Я доктор Ньюбегг. Боюсь, ей недолго осталось, ага, пульс у нее едва прощупывается. Она в возрасте, и мне кажется, что у нее внутреннее кровотечение. Она, случайно, недавно не падала?

– Говорите медленнее, пожалуйста. Падать? Да-да, два дня назад. – Баязид замолчал, услышав звуки стрельбы неподалеку, потом продолжил: – Да, два дня назад. Она поскользнулась в снегу и упала на камень, боком на камень.

– Думаю, у нее внутри идет кровь. Я сделаю что могу, но... извините, добрых вестей я не обещаю.

– Иншаллах.

– Вы курды?

– Курды. – (Опять стрельба, теперь уже ближе. Все повернулись в ту сторону, откуда доносился треск выстрелов.) – Кто это?

– Не знаю, боюсь, все время одни и те же, – встревоженно ответил врач. – «Зеленые повязки» против левых, левые против «зеленых повязок», против курдов... Много всяких группировок, и все вооружены. – Он устало потер глаза. – Я сделаю все для старой леди... Может быть, вам лучше пойти со мной, ага, расскажете детали по дороге. – Он заторопился прочь.

– Док, а топливо у вас есть? – крикнул ему вслед Эрикки.

Врач остановился и непонимающе уставился на него:

– Топливо? А-а, вертолетное топливо? Не знаю. Топливная цистерна сзади.

Он начал подниматься по лестнице к главному входу, ветер трепал полы его белого халата.

– Капитан, – сказал Баязид, – вы подождете, пока я не вернусь. Здесь.

– Но топливо? Я не мо...

– Ждать здесь. Здесь. – Баязид бросился вслед за доктором.

Двое его людей последовали за ним. Двое остались с Эрикки.

Коротая время, Эрикки все проверил. Баки почти пусты. Периодически в больницу прибывали грузовики с ранеными, их встречали врачи и ординаторы. Многие с любопытством поглядывали на вертолет, но никто не приближался. Охранники внимательно следили за этим.

Во время перелета сюда Баязид рассказывал:

– Столетиями мы, курды, хотим быть независимыми. Мы отдельный народ, у нас свой язык, свои обычаи. Сейчас курдов, наверное, шесть миллионов – в Азербайджане, Курдистане, за советской границей, по эту сторону Ирака и в Турции. – Он почти выплюнул это слово. – Веками мы боремся с ними со всеми. Вместе или поодиночке. Мы держим горы. Мы хорошо сражаемся. Салах ад-Дин, он был курдом. Слышали о таком? – Салах ад-Дин, или Саладин, был по-рыцарски благородным и великодушным мусульманским противником Ричарда Львиное Сердце во время его Третьего крестового похода в двенадцатом веке. Салах ад-Дин про-

возгласил себя султаном Египта и Сирии и захватил Иерусалимское королевство в тысяча сто восемьдесят седьмом году, разгромив объединенные силы крестоносцев.

– Да, я слышал о нем.

– Сегодня среди нас другие Салах ад-Дины. Однажды мы снова завоюем все святые места, а Хомейни, предатель ислама, будет втоптан в джуб.

Эрикки спросил:

– Вы устроили засаду на Чимтаргу и остальных и прикончили их всех только из-за одной экстренной эвакуации?

– Конечно. Они враги. Ваши и наши. – Баязид улыбнулся своей кривой улыбкой. – В наших горах ничего не происходит без нашего ведома. Наш предводитель заболела – вы рядом. Мы видим, как ушли американцы, видим, как пришли стервятники, и вас узнали.

– О? Как это?

– Рыжий Нож? Неверный, который давит наемных убийц, как вшей, которому потом в награду дают горгонскую девку? Пилот, который вывозит пострадавших? – Темные, почти как у лани, глаза смеялись. – О да, капитан, вас хорошо знают. Многие из нас работают и на лесозаготовках, не только на нефти – человеку нужна работа. Все равно хорошо, что вы не советский и не иранец.

– После того как мы доставим ее в больницу, вы поможете мне против хана Горгонов?

Баязид рассмеялся:

– Ваша кровная вражда – это ваша кровная вражда, не наша. Абдолла-хан за нас, пока. Мы не пойдем против него. Что будете делать вы – в руках Аллаха.

На дворе перед больницей было холодно, легкий ветер делал воздух еще холоднее. Эрикки ходил взад-вперед, разгоняя кровь. Я должен вернуться в Тебриз. Я должен вернуться, и потом как-нибудь я заберу Азаде, и мы вместе улетим.

Выстрелы, раздавшиеся совсем близко, заставили вздрогнуть его и охранников. За воротами больницы движение машин замедлилось, послышалось бибиканье, сначала раздраженное, потом – очень быстро – остервенелое. Мимо пробежали какие-то люди. Снова стрельба, и те, кто был в автомобилях, застрявших в пробке, выскочили наружу и попрятались или пустились наутек. По эту сторону ворот находилось широкое свободное пространство, с одного края которого, на вертолетной площадке, стоял его 212-й. Бешеная стрельба раздавалась все ближе и ближе. На верхнем этаже больницы зазвенели разбитые пулями стекла. Оба охранника вжимались в снег за шасси его вертолета. Эрикки был в ярости оттого, что его машина стоит такая неприкрытая, что он не знает, куда ему бежать, что делать, взлететь он не успеет, да и топлива нет, чтобы куда-то лететь. Несколько шальных пуль просвистели мимо, и он пригнулся. Маленькое сражение за стенами больницы набирало силу. Потом стрельба вдруг смолкла так же неожиданно, как и началась. Люди вылезли из укрытий, снова загудели клаксоны автомобилей, и движение скоро стало таким же обычным и нервным, как всегда.

– Иншаллах, – пробормотал один из горцев, потом вдруг передернул затвор и взял автомат наперевес.

Маленький грузовичок с топливом выехал из-за больницы, направляясь к ним, за рулем сидел молодой иранец с широкой улыбкой на лице. Эрикки двинулся ему навстречу.

– Привет, кэп, – радостно произнес водитель с выраженным нью-йоркским акцентом. – Мне сказали, чтобы я вас заправил. Ваш бесстрашный командир, шейх Баязид, договорился на этот счет. – Он приветствовал горцев на диалекте турецкого языка; они тут же расслабились и тоже поздоровались с ним. – Кэп, накачаем вашу птичку по самую макушку. У вас запасные канистры есть или специальные баки?

– Нет. Только обычные. Меня зовут Эрикки Йокконен.

– Ясное дело. Рыжий Нож. – Юноша широко улыбнулся. – Вы в этих краях вроде легенды. Я один раз заправлял вас – может, с год тому назад. – Он протянул руку. – Я Али «Бензин». Али Реза то есть.

Они пожали руки, и, продолжая беседовать, молодой иранец начал закачивать топливо в баки вертолета.

– Вы ходили в американскую школу? – спросил Эрикки.

– Черт, нет! Меня эта больница вроде как усыновила, много лет назад, еще до того, как эту новую построили, я тогда мальчишкой был. В старые дни эта больница работала в одном из «Золотых гетто» на восточном краю города... Ну, вы знаете, кэп, «Вход только для американских сотрудников» и все такое, в складском помещении «ЭксТекс». – Юноша улыбнулся, аккуратно завинтил крышку одного топливного бака и начал наполнять следующий. – Первого дока, который взял меня в больницу, звали Эйб Вайс. Классный мужик, просто классный. Он мне зарплату положил, научил пользоваться мылом, носками, ложками, туалетом – черт, всем этим иранским штукам, которые были в диковину уличным крысам вроде меня! – ни родителей, ни дома, ни имени, вообще ничего. Он называл меня своим хобби. Даже имя мне дал. Потом однажды взял и уехал. – Эрикки заметил боль в глазах юноши, которую тот тут же спрятал. – Передал меня доку Темплтону, и тот продолжал делать все то же самое. Иногда бывает трудно разобраться, кто я и что. Вроде курд, а вроде и нет; вроде янки, а вроде и нет; иранец – не иранец, еврей – не еврей, мусульманин – не мусульманин. – Он пожал плечами. – Бог его разберет, кэп. Весь мир, всё сразу, наверное. А?

– Да. – Эрикки бросил взгляд на больницу.

Баязид спускался по ступеням со своими бойцами, рядом санитары несли носилки. Женщина лежала на них покрытая с головы до ног.

– Улетаем сразу, как заправимся, – коротко бросил Баязид.

– Мне очень жаль, – сказал Эрикки.

– Иншаллах.

Они наблюдали, как санитары пристраивают носилки в пассажирский отсек. Баязид поблагодарил их, и они ушли. Скоро вертолет был полностью заправлен.

– Спасибо, мистер Реза. – Эрикки протянул руку. – Спасибо.

Парень смотрел на него, открыв рот:

– Никто еще никогда не называл меня мистером, кэп, ни разу. – Он горячо и долго жал руку Эрикки. – Спасибо... Понадобится топливо, прилетайте в любое время – будет.

Баязид забрался на сиденье рядом с Эрикки, пристегнул ремень, надел головные телефоны; вой двигателей набирал силу.

– Летим в деревню, откуда прилетели.

– А что потом? – спросил Эрикки.

– Я буду советоваться с новым предводителем, – сказал Баязид, но про себя подумал: за этого человека и его вертолет дадут богатый выкуп, может быть, хан, может быть, Советы или даже мой собственный народ. Моему народу нужен каждый риал, который мы сможем раздобыть.

НЕПОДАЛЕКУ ОТ БАЗЫ «ТЕБРИЗ-1», В ДЕРЕВНЕ АБУ-МАРД. 18:16. Азаде взяла чашку с рисом и чашку с хорешем, поблагодарила жену старосты и прошла по грязному, перемешанному с отбросами снегу в лачугу, стоящую чуть в стороне от остальных. Ее лицо осунулось, кашель звучал пугающе. Постучав, она вошла в низкую дверь.

– Привет, Джонни. Как ты себя чувствуешь? Лучше?

– Я в порядке, – ответил он, но это было неправдой.

Первую ночь они провели в пещере недалеко отсюда, прижавшись друг к другу, дрожа от холода.

– Азаде, мы не можем здесь оставаться, – сказал он на рассвете. – Мы замерзнем насмерть. Нам нужно попытаться счастья на базе.

Они прокрались туда по снегу и наблюдали из укрытия. Они видели обоих механиков, а время от времени даже Ноггера Лейна и 206-й. База была заполнена вооруженными людьми. Даяти, директор базы, перебрался в дом Эрикки и Азаде – он сам, его жена и дети.

– Сыновья и дочери собаки! – прошипела Азаде, глядя, как его жена разгуливает в ее зимних сапогах. – Может быть, нам удастся проскользнуть в дома механиков. Они нас спрячут.

– Они повсюду ходят только с охраной. Готов поспорить, их охраняют даже ночью. Но кто эти охранники – «зеленые повязки», люди хана или кто?

– Я не узнаю ни одного из них, Джонни.

– Они охотятся за нами, – сказал он; настроение у него было хуже некуда, смерть Гуэнга терзала и мучила его. И Гуэнг, и Тензинг были с ним с самого начала. И еще был Роузмонт. А теперь – Азаде. – Еще одна ночь на открытом воздухе, и тебе конец, нам обоим конец.

– Наша деревня, Джонни. Абу-Мард. Она принадлежит нашей семье больше столетия. Они преданы нам, я знаю, что преданы. День или два мы там будем в безопасности.

– Когда за мою голову назначена награда? И за тебя? Они пошлют человека к твоему отцу.

– Я попрошу их не делать этого. Я скажу, что Советы пытались меня похитить и что ты мне помогаешь. Это правда. Я скажу, что нам нужно спрятаться, пока мой муж не вернется. Джонни, он всегда был очень популярен. За эти годы его экстренные эвакуации спасли жизнь многим людям.

Джонни взглянул на нее, в голове у него роились десятки причин не ходить туда.

– Деревня стоит на дороге, почти на самой дороге, и...

– Да, конечно, ты совершенно прав, и мы сделаем так, как ты скажешь, но она тянется глубоко в лес. Мы могли бы там укрыться: этого никто не ждет.

Он видел, как она устала.

– Как ты себя чувствуешь? Насколько сильной?

– Не сильной, но в порядке.

– Мы могли бы пойти пешком, пройти несколько миль по дороге... Нам нужно будет обойти дорожную заставу, это гораздо менее опасно, чем деревня. А?

– Я... я предпочла бы не ходить. Я могла бы попробовать. – Она нерешительно помолчала мгновение, потом сказала: – Я предпочла бы никуда не ходить, сегодня – нет. Ты иди. Я подожду. Эрикки может вернуться сегодня.

– А если он не вернется?

– Я не знаю. Ты иди.

Он обернулся на базу. Гадючье гнездо. Идти туда – самоубийство. С возвышения, на котором они прятались, ему было все видно до самого шоссе. У дорожной заставы по-прежнему стояли вооруженные люди – «зеленые повязки» и полиция, как он предполагал, – машины ждали, когда можно будет проехать. Теперь нас никто не станет подвозить, подумал он, только за вознаграждение.

– Ты отправляйся в деревню. Я пережду в лесу.

– Без тебя рядом они просто отправят меня назад к отцу. Джонни, я знаю их.

– Возможно, они предадут тебя в любом случае.

– На все воля Аллаха. Но мы сможем поесть и согреться, может быть, даже отдохнуть ночью. На рассвете мы могли бы тихонько ускользнуть. Может, нам удастся раздобыть у них машину или грузовик – у старосты есть старенький «форд-пикап». – Она подавила чих.

Вооруженные люди были недалеко. Наверняка и по лесу ходят патрули. По дороге сюда им пришлось дать крюк, чтобы обойти один такой. Деревня – это безумие, думал он. Чтобы

обойти заставу на дороге, нам понадобится несколько часов при свете дня, ночью же... Мы не можем провести еще одну ночь под открытым небом.

– Давай пойдем в деревню, – сказал он.

И вот они пришли сюда вчера, и Мустафа, староста, выслушал ее рассказ, пряча глаза от Росса. Новость об их появлении передавалась из уст в уста, и скоро вся деревня ее знала, и эта новость добавилась к другой, о награде за диверсанта и похитителя дочери хана. Староста предоставил Россу однокомнатную хижину с земляным полом и старыми, покрытыми плесенью коврами. Хижина стояла довольно далеко от дороги, на дальнем краю деревни. Мустафа отметил про себя твердый как сталь взгляд, спутанные волосы и щетину на щеках, и его карабин, и кукри, и тяжелый от патронов рюкзак. Азаде он пригласил в свой дом. В этой хижине было две комнаты. Ни электричества, ни водопровода. Туалетом служил джуб.

Вчера вечером, как стемнело, какая-то старуха принесла Россу горячей еды и бутылку воды.

– Спасибо, – сказал он; у него болела голова, и жар уже начинал расплзаться по всему телу. – Где ее высочество?

Женщина только пожала плечами. Ее лицо было в глубоких морщинах и рябое от перенесенной оспы, во рту торчали коричневые обломки зубов.

– Пожалуйста, попросите ее принять меня.

Позже за ним послали. В комнате старосты, в присутствии его самого, его жены, некоторых из детей и нескольких старейшин, он приветствовал Азаде так, как чужеродный мог бы приветствовать благородную даму. Она, разумеется, была в чадре и сидела на коленях лицом к двери. Ее лицо было желтого, нездорового оттенка, но он подумал, что это могла быть игра света от пламени потрескивавшей масляной лампы.

– Салам, ваше высочество, благополучно ли ваше здоровье?

– Салам, ага, да, благодарю вас, а ваше?

– Небольшой жар, мне кажется. – Он увидел, как ее глаза на миг сверкнули. – У меня есть лекарство. Вам нужно?

– Нет. Нет, благодарю вас.

В окружении стольких глаз и ушей он не мог сказать то, что хотел.

– Возможно, мне будет позволено приветствовать вас завтра. Мир вам, ваше высочество.

– И вам.

Он долго не мог заснуть. И она тоже. С рассветом деревня пробудилась, задымились костры, женщины доили коз, овощной хореш ставили тушиться на огонь, добавляя для питательности то небольшое, что было: кусок курицы, в некоторых хижинах кусок козлятины или ягнятины – мясо было старым, жестким и попахивало. Риса полные миски, но этого никогда не хватало. В хорошие времена ели два раза в день: утром и перед тем, как темнело. У Азаде были деньги, и она платила за их еду. Это не осталось незамеченным. Она попросила, чтобы сегодня в вечерний хореш, который будут есть все домашние, положили целую курицу, и заплатила за нее. Это тоже не осталось незамеченным.

Перед наступлением темноты она сказала:

– Я пойду отнесу ему еду.

– Но, ваше высочество, это неправильно, чтобы вы прислуживали ему, – заявила жена старосты. – Я отнесу миски. Можем пойти вместе, если хотите.

– Нет, мне лучше пойти одной, пото...

– Да защитит нас Аллах, ваше высочество. Одной? К мужчине, который вам не муж? О нет, это будет выглядеть неподобающе, совсем неподобающе. Давайте миски, я отнесу еду.

– Хорошо, спасибо. На все воля Аллаха. Благодарю вас. Вчера вечером он говорил, что у него жар. Это может оказаться чума. Я знаю, что неверные носят в себе злые болезни, к

которым мы не привыкли. Я только хотела избавить вас от возможных страданий. Спасибо, что вы избавили меня от этого.

Вчера вечером все в доме видели покрытое потом лицо неверного. Всем было известно, какой злой народ эти неверные, большинство из них поклоняются Сатане и сами колдуны. Почти все тайно считали, что Азаде была околдована, сначала Рыжим Ножом, а теперь вот диверсантом. Жена старосты молча протянула миски Азаде, и та пошла через деревню по снегу.

Сейчас она смотрела на него в полумраке хижины, в которой окном служила дыра в стене, без стекла, почти полностью прикрытая куском мешковины. Воздух был тяжелым от запаха мочи и отбросов из джуба снаружи.

– Ешь, ешь, пока горячее. Я не могу оставаться долго.

– Ты в порядке? – Перед ее приходом он лежал под единственным одеялом, полностью одетый, и дремал, но сейчас сидел, скрестив ноги и внимательно глядя на нее. Жар немного спал благодаря лекарству из его аптечки, но вот желудок был в расстройстве. – Выглядишь ты так себе.

Она улыбнулась:

– Ты и сам выглядишь не лучше. Я в порядке. Ешь.

Он был очень голоден. Суп оказался жидким, но он понимал, что для его желудка это даже лучше. Новый спазм начал подниматься в животе, но он сдержал его, и тот прошел.

– Как думаешь, тебе удастся от них ускользнуть? – спросил Джонни между полными ложками, стараясь есть медленно.

– Тебе удалось бы, мне – нет.

Проведя весь день в полудреме, чтобы набраться сил, Джонни попробовал составить план. Один раз он вышел и зашагал прочь из деревни. Сотни глаз приковались к нему, все наблюдали за ним. Он дошел до края деревни, потом вернулся назад. Но старый пикап он заметил.

– Как насчет грузовичка?

– Я спросила у старосты. Он говорит, что машина сломана. Правда это или нет, я не знаю.

– Долго оставаться тут нам нельзя. Какой-нибудь патруль обязательно сюда забредет.

Наша единственная надежда – бежать.

– Или угнать двести шестой вместе с Ноггером.

Он взглянул на нее:

– Со всеми этими людьми на базе?

– Один мальчуган сказал мне, что они сегодня вернулись в Тебриз.

– Ты уверена?

– Не уверена, Джонни. – По ней прокатилась дрожь беспокойства. – Но ребенку незачем лгать. Я... я была тут учительницей до того, как вышла замуж... единственной учительницей, которая у них когда-либо была, и я знаю, что они меня любили. Мальчишка сказал, что на базе остались один-два человека.

Новая холодная волна прокатилась по ней, и она почувствовала слабость. Столько лжи, столько проблем за последние недели, подумала она. Неужели прошло всего несколько недель? Столько ужаса с тех пор, как Ракоци и мулла ворвались к Эрикки и ко мне после той сауны. Теперь все так безнадежно. Эрикки, где ты? – хотелось закричать ей. – Где же ты?

Росс доел суп и рис до последнего зернышка, прикидывая в уме все за и против, пытаясь составить какой-нибудь план. Азаде сидела на коленях напротив и видела его спутанные волосы, грязное лицо, его усталость и тревогу.

– Бедный Джонни, – пробормотала она и коснулась его, – не много удачи я тебе принесла, не правда ли?

– Не говори глупостей. Это не твоя вина, ни в чем из случившегося ты не виновата. – Он покачал головой. – Ни в чем. Послушай, вот что мы сделаем: сегодня заночуем здесь, завтра с рассветом отправимся в путь. Попробуем базу, если там ничего не получится, пойдем дальше пешком. Ты постарайся уговорить старосту помочь нам и держать рот на замке, его жену тоже. Остальные жители деревни, должно быть, послушаются его, если он им прикажет; по крайней мере, это даст нам какое-то время. Пообещай ему большую награду, когда все опять придет в норму, и вот... – Он сунул руку в рюкзак, в потайное отделение, и достал оттуда золотые монеты, десять штук. – Отдай ему пять, остальные сохрани на крайний случай.

– Но... как же ты? – произнесла она; ее глаза широко открылись и загорелись надеждой при виде такого богатого пешкеша.

– У меня есть еще десять, – ответил он, солгав легко и естественно. – Средства на крайний случай, спасибо правительству ее величества.

– О, Джонни, я думаю, теперь у нас есть шанс... Для них это огромные деньги.

Они оба взглянули на окно, когда ветер зашелестел мешковиной. Азаде встала и поправила занавеску как смогла. Кусок все равно не прикрывал дыру целиком.

– Ладно, – сказал он, – подойди, сядь. – (Она подчинилась, сев ближе к нему, чем раньше.) – Держи. На всякий случай. – Он протянул ей гранату. – Просто прижми рычаг, выдерни за кольцо чеку, сосчитай до трех и бросай. До трех, не до четырех.

Азаде кивнула, подтянула чадру наверх и осторожно опустила гранату в один из карманов лыжной куртки. Ее лыжные штаны в обтяжку были заправлены в сапоги.

– Спасибо. Теперь я чувствую себя лучше. Безопаснее. – Невольно она коснулась его и тут же пожалела об этом, ибо ощутила огонь. – Я... Мне лучше идти. Я принесу тебе поесть с рассветом. Потом мы уйдем.

Росс встал и открыл ей дверь. Снаружи было темно. Ни он, ни она не заметили фигуру, метнувшуюся прочь от окна, но оба чувствовали на себе взгляды чужих глаз, пожирающих их со всех сторон.

– Как нам быть с Гуэнгом, Джонни? Ты думаешь, он отыщет нас?

– Он будет смотреть в оба, где бы он ни был. – Росс почувствовал, как живот опять начинает скручивать. – Спокойной ночи, спи сладко.

– Добрых снов.

Они всегда говорили это друг другу на ночь в старые времена. Их взгляды соприкоснулись, сердца тоже, и обоих это чувство согрело и в то же время наполнило тяжелой тревогой. Потом она повернулась, и темная ткань чадры почти сразу сделала ее невидимой. Он видел, как открылась дверь в дом старосты, впуская ее, и закрылась снова. Росс услышал натужный рев грузовика, поднимавшегося по дороге в гору, потом мимо, громко сигналив, промчалась машина, и скоро все стихло. Накатил новый спазм, и в этот раз он с ним не справился и присел на корточки. Боль была сильнейшей, но вышло из него совсем чуть-чуть, и он возблагодарил Бога, что Азаде уже ушла. Набрал левой рукой снега, он подтерся. Глаза по-прежнему смотрели на него со всех сторон. Сволочи! – подумал он, затем вернулся в хижину и сел на грубый соломенный матрас.

В темноте он смазал маслом свой кукри. Точить его не было нужды, так как сделал это раньше. Джонни уснул, не вложив кукри в ножны.

ДВОРЕЦ ХАНА. 23:19. Врач взял хана за кисть и еще раз посчитал пульс.

– Вам необходимо хорошо отдохнуть, ваше высочество, – встревоженно произнес он, – и принимать эти таблетки по одной каждые три часа.

– Каждые три часа... да, – сказал Абдолла-хан, голос его звучал слабо, дыхание было прерывистым.

Абдолла-хан полулежал, опершись на подушки на постели, устроенной на толстых коврах. Рядом с постелью сидели Наджуд, его старшая дочь тридцати пяти лет, и Айша, его третья жена, которой было семнадцать, с белыми как мел лицами. У двери стояли два охранника, Ахмед сидел на коленях рядом с врачом.

– Теперь... теперь оставьте меня, – попросил Абдолла-хан.

– Я вернусь на рассвете с машиной «скорой помощи» и...

– Никаких «скорых помощей»! Я останусь здесь! – Лицо хана побагровело, грудь снова пронзила боль. Они смотрели на него затаив дыхание. Когда он снова смог говорить, то проскрипел гортанно: – Я останусь... здесь.

– Но, ваше высочество, у вас уже был один сердечный приступ, хвала Аллаху, весьма легкий, – сказал доктор дрожащим голосом. – Невозможно предугадать, когда у вас может... У меня здесь нет никакого оборудования. Вам необходимо немедленное лечение и наблюдение врача.

– Все... все, что вам нужно, привезите сюда. Ахмед, позаботься об этом!

– Да, ваше высочество. – Ахмед взглянул на врача.

Доктор убрал стетоскоп и тонометр в старомодный саквояж. У двери он надел ботинки и вышел. Наджуд и Ахмед последовали за ним. Айша колебалась. Она была крошечной, ее выдали замуж два года назад, и она родила сына и дочь. Лицо хана покрывала мертвенная бледность, и дыхание было тяжелым и сиплым. Айша на коленях подобралась поближе к постели и взяла его за руку, но он сердито отдернул руку, потирая грудь, и обругал ее. Ее страх усилился.

За дверями зала врач остановился. У него было старое лицо, все в морщинах, поэтому выглядел он гораздо старше своих лет, седые волосы, совсем белые.

– Ваше высочество, – обратился он к Наджуд, – ему лучше лечь в больницу. Тебриз не подойдет. Тегеран был бы гораздо лучше. Ему следует поехать в Тегеран, хотя переезд мог бы... Больница в Тегеране лучше, чем здесь. У него слишком высокое давление, оно у него было слишком высоким много лет, но на все воля Бога.

– Все, что вам нужно, мы доставим сюда, – заявил Ахмед.

Врач сердито вскинулся на него:

– Дурак, я не могу привезти сюда операционный блок вместе с аптекой и стерильной обстановкой!

– Он умрет? – выпалила Наджуд с широко открытыми глазами.

– В срок, положенный Аллахом, только в срок, положенный Аллахом. Давление у него слишком, слишком высокое... Я не чародей, и у нас осталось мало лекарств. Вы что-нибудь знаете о том, что вызвало приступ? Какая-то ссора была или что?

– Нет, ссоры не было, но это точно Азаде. Это все опять она, моя сводная сестрица. – Наджуд начала ломать руки. – Это из-за нее, из-за того, что она бежала с этим диверсантом вчера утром, это бы...

– Каким еще диверсантом? – ошеломленно переспросил доктор.

– Тем диверсантом, которого все ищут, врагом Ирана. Только я уверена, что он не похитил ее, я уверена, что она с ним сбежала. Как он смог бы похитить ее из дворца? Это она вызвала у его высочества такой гнев. Мы все в ужасе со вчерашнего утра...

Тупая ведьма! – подумал Ахмед. Взрыв безумной, ревушей ярости вызвали люди из Тегерана, Хашеми Фазири и этот неверный, говорящий на фарси, и то, что они потребовали от хозяйина и на что хозяйину пришлось согласиться. Такой пустяк – отдать им советского, притворявшегося другом, который на самом деле был врагом, – это, конечно, не повод, чтобы взорваться? Хозяин поступил очень умно, что сразу привел все в движение: послезавтра этот русский, подгоревшее блюдо, возвращается через границу, чтобы угодить в сеть, и два врага из Тегерана возвращаются в ту же сеть. Скоро хозяин примет решение, и тогда я начну действовать. Тем временем Азаде и диверсант надежно закупорены в деревне по воле хозяйина – староста при-

слал известие об этом сразу же, как только они появились. Немного на земле людей таких же умных, как хозяин, и только Бог решит, когда наступит его срок, никак не эта собака-доктор.

– Пойдемте, – сказал он. – Прошу извинить меня, ваше высочество, но нам нужно привезти медсестру, лекарства и оборудование. Доктор, нам надо спешить.

Дверь в дальнем конце коридора открылась. На пороге стояла Айша, еще более бледная, чем раньше.

– Ахмед, его высочество желает, чтобы вы зашли на минуту.

Когда они остались одни, Наджуд схватила врача за рукав и зашептала:

– Насколько плох его высочество? Вы должны сказать мне правду. Я должна знать.

Врач беспомощно поднял руки:

– Я не знаю, не знаю. Я ждал чего-то похуже этого уже... уже год, если не больше. Приступ был не сильный. Следующий может быть массивным или слабым, наступить через час или через год, я не знаю.

Наджуд была в панике с того самого момента, когда хан рухнул на пол несколько часов назад. Если хан умрет, его законным наследником станет Хаким, брат Азаде; оба брата Наджуд умерли во младенчестве. Сыну Айши едва исполнился годик. Живых братьев у хана не осталось, поэтому наследовать ему будет Хаким. Но Хаким в немилости, и хан лишил его наследства, поэтому должно быть назначено регентство. Ее муж Махмуд был старшим из зятьев. Он и станет регентом, если хан не распорядится иначе.

А почему он должен распорядиться иначе? – думала она, чувствуя, как ее желудок опять превращается в бездонную пропасть. Хан знает, что я могу направлять своего мужа и сделать всех нас сильными. Сын Айши – пфуй, вечно больной младенец, такой же болезненный, как и его мать. На все воля Аллаха, но младенцы умирают. Он не угроза, а вот Хаким – Хаким угроза.

Она вспомнила, как ходила к хану, когда Азаде вернулась из школы в Швейцарии.

– Отец, я к тебе с дурными вестями, но ты должен знать правду. Я подслушала разговор Хакима и Азаде. Ваше высочество, она сказала ему, что у нее был ребенок, но с помощью врача она его исторгла.

– Что?

– Да... да, я сама слышала, как она это сказала.

– Азаде не могла... Азаде не стала бы, она не могла так поступить!

– Допросите ее, только, умоляю, не говорите, откуда вы это узнали. Спросите ее именем Аллаха, допросите ее, пусть врач ее осмотрит, но подождите, это еще не все. Против ваших желаний Хаким по-прежнему намерен стать пианистом, и он сказал ей, что собирается сбежать, и попросил Азаде поехать вместе с ним в Париж. «Тогда ты сможешь выйти замуж за своего любовника», – сказал он, но Азаде ответила: «Отец вернет тебя домой, он силой заставит нас вернуться. Он никогда не позволит нам уехать без его дозволения, никогда». Тогда Хаким сказал: «Я уеду! Я не собираюсь торчать тут и попусту растрачивать свою жизнь. Я уезжаю!» Она опять: «Отец никогда этого не позволит, никогда». – «Тогда ему лучше умереть», – сказал Хаким, и она согласилась.

– Я... я не... я этому не верю!

Наджуд вспомнила, как лицо отца сделалось лиловым и как она перепугалась.

– Клянусь Аллахом, я слышала, как они это говорили, ваше высочество, как перед Богом. Потом они решили придумать план... – Она вся съежилась, когда он закричал на нее, приказывая передать ему сказанное слово в слово.

– Слово в слово, Хаким сказал: «Немного яда в его пахлаву или в питье, мы можем подкупить слугу, может быть, нам удастся подкупить одного из его слуг, чтобы он убил его, или мы можем оставить ворота открытыми на ночь, чтобы наемные убийцы... Есть тысячи способов для любого из его многочисленных врагов сделать это для нас, его все ненавидят. Нам нужно все продумать и набраться терпения...»

Ей было легко плести свою ложь, затягивая ее пряди все туже и туже, пока она сама вскоре не начала верить в нее, хотя и не до конца.

Аллах простит меня, уверенно говорила она себе, как обычно это делала. Аллах простит меня. Азаде и Хаким всегда ненавидели нас, всю остальную семью, желали нам смерти, хотели забрать все наше наследство себе, они и эта их ведьма-мать, которая околдовала отца злыми чарами и заставила его отвернуться от нас на столько лет. Восемь лет он был во власти ее колдовства: Азаде то да Азаде се, Хаким такой да Хаким разэтакий. Восемь лет он был равнодушен к нам и к нашей матери, своей первой жене, не обращал внимания на меня, не задумываясь выдал замуж за этого увальня Махмуда, за этот вонючий, теперь лишившийся мужской силы, злобный, храпящий кусок сала, и поломал мне всю жизнь. Я надеюсь, мой муж сдохнет, изъеденный червями, но не раньше, чем станет ханом, чтобы мой сын стал ханом после него.

Отец должен избавиться от Хакима прежде, чем умрет. Да продлит Аллах его дни, чтобы он успел это сделать! Он должен успеть это сделать до своей смерти, и Азаде должна быть унижена, отвергнута, тоже погублена... даже лучше, поймана во время прелюбодеяния с этим диверсантом, тогда моя месть будет полной.

**Пятница
23 февраля**

Глава 43

НЕПОДАЛЕКУ ОТ БАЗЫ «ТЕБРИЗ-1», В ДЕРЕВНЕ АБУ-МАРД. 06:17. На рассвете лицо другого Махмуда, исламско-марксистского муллы, было искажено от ярости.

– Ты возлежала с этим мужчиной? – орал он. – Как перед Богом, отвечай, ты возлежала с ним?

Азаде сидела перед ним на коленях, пораженная паникой:

– Вы не имеете права врываться в...

– Ты возлежала с этим мужчиной?

– Я... я верна своему... своему мужу, – охнула она.

Всего лишь несколько мгновений назад они с Россом сидели на ковре в его лачуге, быстро доедая то, что она принесла с собой, радуясь, что были вместе, готовые немедленно отправиться в путь. Староста с благодарностью и почтением принял пешкеш – четыре золотые монеты ему, и одну она тайно передала его жене, – а потом сказал, чтобы они сразу же, как поедят, потихоньку выскользнули из деревни с того края, где стоял лес, и благословил их. Вдруг дверь распахнулась, внутрь ворвались чужие люди, толпой навалились на Росса и выволокли обоих наружу, швырнув ее к ногам Махмуда и осыпая Росса ударами.

– Я верна, я клянусь в этом, я вер...

– Верна? Почему ты не в чадре? – кричал он.

Большинство жителей деревни уже собралось вокруг них, молчаливые и напуганные. С полдюжины вооруженных мужчин стояли, опершись на свои винтовки; двое стояли над Россом, который лежал без сознания лицом в снегу, красном от крови, струйкой сбегавшей по рассеченному лбу.

– Я была... Я пришла в чадре, но я... я сняла ее, пока ела...

– Ты сняла чадру в доме с закрытой дверью, чтобы поесть с чужим мужчиной? Что еще ты сняла с себя?

– Ничего, ничего, – ответила она, еще больше паникуя и плотнее запахиваясь в свою курточку с расстегнутой молнией. – Я только ела, и он не чужой, он старый мой друг... старый друг моего мужа, – торопливо поправились она, но ее оговорка не прошла незамеченной. – Абдолла-хан мой отец, и вы не имеете никакого пра...

– Старый друг? Если ты невиновна, тебе нечего бояться! Перед лицом Аллаха, ты возлежала с ним? Поклянись!

– Староста, пошлите за моим отцом, пошлите за ним!

Мустафа не тронулся с места. Все вокруг впились в нее взглядом. Беспомощная, Азаде увидела кровь на снегу, ее Джонни застонал, приходя в себя.

– Клянусь Аллахом, я верна своему мужу! – вскричала она.

Крик прокатился над всеми ними, проник в сознание Росса и выдрал его из забвения.

– Отвечай на вопрос, женщина! Да или нет. Во имя Аллаха, ты возлежала с ним? – Мулла возвышался над ней, как больной ворон, жители деревни ждали, все ждали, ждали дерева, ждал ветер – даже Бог. Иншаллах.

Страх оставил ее. На его место пришла ненависть. Глядя в глаза человеку по имени Махмуд, она поднялась на ноги.

– Клянусь Аллахом, я всегда была и остаюсь верной своему мужу! – провозгласила она. – Клянусь Аллахом, да, я любила этого человека, много лет тому назад.

– Блудница! Распутница! Ты открыто признаешь свою вину. Ты будешь наказана в соот...

– Нет! – Крик Росса покрыл слова муллы. Англичанин поднялся на колени, и хотя два моджахеда уперлись винтовками ему в затылок, он не обращал на них внимания. – Ее высочество не виновата. Я... я один виноват, только я, один я!

– Ты понесешь положенное наказание, неверный, можешь не беспокоиться, – сказал Махмуд и повернулся к жителям деревни. – Вы все слышали, как эта блудница призналась в прелюбодеянии, вы все слышали, как этот неверный признался в прелюбодеянии. Для нее есть только одно наказание. Для неверного... Как следует поступить с неверным?

Жители деревни ждали. Мулла был не их муллой, и родом он был не из их деревни, и муллой он был не настоящим, а исламско-марксистским. Он пришел сюда незванным. Никто не знал, почему он здесь появился, люди знали лишь то, что он возник внезапно, как гнев Аллаха, со своими левыми приспешниками – тоже не из их деревни. Не настоящие шииты, а всего лишь безумцы. Разве не говорил имам пятьдесят раз, что все подобные люди были безумцами, которые почитали Аллаха лишь на словах, втайне поклоняясь сатанинскому Марксу-Ленину?

– И так? Должен ли он разделить ее наказание?

Ему никто не ответил. Мулла и его люди были вооружены.

Азаде чувствовала на себе сверлящие взгляды, но больше не могла ни пошевелиться, ни сказать что-нибудь. Она просто стояла там, ее колени дрожали, голоса доносились словно издалека, даже крики Росса: «Вы не имеете права судить меня или ее. Вы оскверняете имя Аллаха...» – оборвавшиеся, когда один из иранцев, стоявших над ним, пихнул его ногой в спину, а когда Росс ткнулся лицом в снег, наступил ему сапогом на шею, придавив к земле.

– Оскопить его, и дело с концом, – произнес он.

А другой добавил:

– Нет, это женщина его искушала. Разве я не видел вчера вечером, как она поднимала перед ним свою чадру в хижине? Вы только посмотрите на нее, как она искушает нас всех. Разве правильное наказание для него не сто плетей?

Третий предложил:

– Он касался ее руками, отрубите ему руки.

– Хорошо, – кивнул Махмуд. – Сначала руки, потом кнут. Привяжите его!

Азаде попыталась крикнуть, протестуя против такого зла, но ни один звук не вырвался наружу, кровь гудела у нее в ушах, желудок сжимался, разум затуманился, когда ее Джонни, сопротивляющегося, брыкающегося, рывком подняли на ноги, чтобы привязать к двум стропилам, торчавшим из-под крыши одной из лачуг. Азаде вспомнила, как однажды, когда они с Хакимом были детьми, он, желая похвастаться перед ней, поднял камень и запустил им в кошку, вспомнила, как кошка пронзительно мяукнула, перекувыркнувшись от удара, потом встала на лапы, снова упала, чуть живая, и попыталась отползти в сторону, все время пронзительно мяукая, пока охранник не пристрелил ее, только теперь... теперь Азаде знала, что никто не пристрелит ее. Она с воплем метнулась к Махмуду, выставив вперед скрюченные пальцы с ногтями, но силы покинули ее, и она потеряла сознание.

Махмуд взглянул на нее сверху вниз.

– Отнесите ее к стене, – приказал он своим людям, – потом принесите ее чадру. – Он повернулся к жителям деревни. – Кто у вас тут мясник? Кто работает деревенским мясником? – Ему никто не ответил, и его голос стал жестче. – Староста, кто ваш мясник?

Староста тут же показал на человека в толпе, низкорослого, в грубой одежде.

– Абрим, Абрим наш мясник.

– Ступай и принеси свой самый острый нож, – сказал ему Махмуд. – Остальные пусть собирают камни.

Абрим отправился исполнять приказание.

– На все воля Аллаха, – бормотали друг другу жители деревни.

– Кто-нибудь когда-нибудь видел побивание камнями? – спросил кто-то.

Очень старая женщина ответила:

– Я видела это один раз. Это было в Тебризе, когда я была маленькой девочкой. – Ее голос дрогнул. – Прелюбодейка была женой хозяина лавки на базаре. Ее любовник тоже был базари, и ему отрубили голову перед мечетью, потом мужчины побили ее камнями. Женщины тоже могли бросать камни, если хотели, но они не бросали, я не видела ни одной, которая сделала бы это. Это заняло много времени, побивание камнями, и меня потом много лет преследовали ее вопли.

– Прелюбодеяние – великое зло и должно быть наказано, кто бы его ни совершил, даже она. Коран говорит, сто плетей мужчине... Мулла устанавливает наказание по закону, не мы, – сказал староста.

– Но он не настоящий мулла, и имам предупреждал против их зла!

– Мулла есть мулла, и закон есть закон, – мрачно произнес Мустафа, в глубине сердца желая, чтобы хан был унижен, а эта женщина, внушавшая предосудительные мысли их детям, была уничтожена. – Собирайте камни.

Махмуд стоял в снегу, не обращая внимания ни на холод, ни на жителей деревни, ни на диверсанта, который стонал, ругался и отчаянно пытался освободиться от пут, ни на женщину, неподвижно лежавшую у стены.

Сегодня утром, до рассвета, когда он пришел на базу, чтобы взять ее под свой контроль, он услышал новость о том, что диверсант, которого все искали, был в деревне, был там вместе с ней. Женщиной из сауны, подумал он, чувствуя, как в нем поднимается злоба, той, которая так бесстыдно показывала себя, высокородным отродьем проклятого хана, который притворяется нашим покровителем, а на самом деле предал нас, предал меня, уже попытавшись убить меня вчера вечером – пулеметная очередь снаружи мечети после последней молитвы, которая убила многих, но не меня. Хан попытался сделать так, чтобы убили меня, меня, который находится под защитой священного слова о том, что ислам вместе с Марксом-Лениным – это единственный способ помочь миру подняться с колен.

Махмуд перевел на нее глаза, увидел длинные ноги в голубых лыжных штанах, непокрытые волосы, рассыпавшиеся по плечам, груди, натянувшие спереди ее бело-голубую лыжную куртку, ненавидя ее за поднимавшееся в нем искушение. Один из его людей набросил на нее чадру. Она негромко простонала, но в сознание не пришла.

– Я готов, – сказал мясник, пробуя лезвие пальцем.

– Сначала правую руку. – Махмуд повернулся к своим людям. – Перевяжите ему руки в предплечье.

Они туго перетянули ему руки полосами мешковины, выдранной из окна хижины. Жители деревни начали напирать, чтобы получше все видеть, а Росс собрал всю свою волю, чтобы не дать ужасу прорвать дамбу внутри него, видя только щербатое от оспин лицо поверх мясничьего ножа, грязные усы и спутанную бороду, пустые глаза, большой палец, рассеянно проверяющий остроту лезвия. Потом краем глаза он уловил какое-то движение. Росс увидел, что Азаде пришла в себя, и вспомнил.

– Граната! – закричал он. – Азаде, граната!

Она ясно услышала его и полезла рукой в карман, пытаясь вытащить ее оттуда, пока он кричал, снова и снова, еще больше ошарашивая мясника, привлекая внимание всех к себе. Мясник с проклятием сделал шаг вперед, крепко схватил его за правую руку, поражаясь ей, покрутил ее туда-сюда с ножом наготове, прикидывая, где ему будет удобнее резать сухожилия сустава, дав Азаде как раз достаточно времени, чтобы встать на ноги и метнуться вперед, преодолев несколько шагов, которые разделяли их. Она с размаху врезалась в него, опрокинув на спину, нож полетел в снег. Мгновенно развернувшись к Махмуду, она вырвала чеку и замерла, дрожа, сжимая рычаг в своей маленькой ладони.

– Отойдите прочь от него! – вскричала она. – Прочь!

Махмуд не шевельнулся. Все остальные бросились врассыпную, кого-то сбили с ног, все торопились убраться с площади, подальше от опасности, крича и ругаясь.

– Быстро, сюда, Азаде! – крикнул Росс. – Азаде!

Она услышала его сквозь туман, застилавший ее сознание, и подчинилась, отступив назад, ближе к нему, не спуская глаз с Махмуда; в уголках ее рта заблестели пузыри пены. Потом Росс увидел, как Махмуд повернулся и отошел к одному из своих людей, стоявших на безопасном расстоянии, и простонал, понимая, что сейчас произойдет.

– Быстро возьми нож и перережь веревки, – сказал он, чтобы отвлечь ее. – Не отпускай рычаг... Я пока пригляжу за ними.

За ее спиной он видел, как мулла взял винтовку у одного из своих людей, передернул затвор и повернулся к ним. Нож мясника уже был у нее в руке, и она потянулась к веревкам, привязывавшим его правую руку к стропилу. Росс знал, что пуля убьет или ранит ее, рычаг взрывателя освободится, четыре секунды ожидания – и потом забвение для них обоих, но быстрое, и чистое, и без надругательств.

– Я всегда любил тебя, Азаде, – прошептал он и улыбнулся, и она посмотрела на него, пораженная, и улыбнулась в ответ.

Прогремел винтовочный выстрел, и его сердце остановилось, потом еще один и еще, но они были сделаны не Махмудом, а пришли из леса, и Махмуд теперь корчился и вопил от боли на снегу. Потом вслед за выстрелами прилетел голос:

– Аллах-у акбар! Смерть всем врагам Аллаха! Смерть всем левым, смерть врагам имама!

С ревом ярости один из моджахедов бросился в сторону леса и умер. Остальные тут же в панике разбежались, спеша укрыться. Через несколько секунд площадь опустела, были слышны только захлебывающиеся подвывания Махмуда; чалма слетела с его головы и валялась рядом. В лесу командир группы ликвидаторов Туде из четырех человек, которая выслеживала муллу со вчерашнего дня, заткнул ему рот пулеметной очередью, после чего все четверо отступили вглубь леса так же бесшумно, как и появились.

Росс и Азаде тупо смотрели на опустевшую деревню.

– Не может быть... не может быть... – бормотала она по-прежнему безумно.

– Не отпускай рычаг! – хрипло скомандовал он. – Не отпускай рычаг. Быстро перережь веревки... Скорей!

Нож был острым как бритва. Ее руки дрожали и двигались медленно, и один раз она порезала его, но не сильно. Освободившись от пут, Росс в ту же секунду схватил гранату. Его руки покалывало тысячью иголок и сильно ломило, но он удержал рычаг и снова задышал. Пошатываясь, Росс шагнул в лачугу, отыскал свой кукри, запутавшийся в одеяле, когда на него набросились, сунул его в ножны и взял свой карабин. На пороге он остановился.

– Азаде, возьми свою чадру и рюкзак и иди за мной. – (Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.) – Скорей!

Она подчинилась ему, как робот, и он вывел ее из деревни в лес, держа в правой руке гранату, в левой – карабин. Они бежали, спотыкаясь, с четверть часа, потом Росс остановился и прислушался. Их никто не преследовал. Азаде, тяжело дыша, стояла за его спиной. Он увидел, что она захватила с собой свой рюкзачок, но забыла чадру. Ее голубой лыжный костюм был хорошо заметен на снегу и среди деревьев. Он снова заторопился вперед. Она, пошатываясь, последовала за ним; говорить она не могла. Еще сотня шагов, и по-прежнему никакой опасности.

Останавливаться рано. Он двинулся дальше, теперь уже медленнее, отбитый бок невыносимо ломило, рвота подступила к самому горлу, граната все еще была на взводе, Азаде шатало еще больше. Росс нашел тропинку, которая вела к базе с обратной стороны. Их по-прежнему никто не преследовал. Недалеко от небольшого холма позади жилища Эрикки он остановился, поджидая Азаде, и тут желудок его взбунтовался, он покачнулся, упал на колени, и его вырвало. Росс кое-как поднялся и полез на холм, где их будет труднее заметить. Когда Азаде присоединилась к нему, она еле держалась на ногах, судорожно ловя ртом воздух. Она без сил осела на снег рядом с ним, борясь с тошнотой.

Внизу у ангара Росс видел 206-й, один из механиков мыл вертолет. Хорошо, подумал Джонни, может быть, его готовят к полету. Трое вооруженных революционеров сгрудились на ближайшей веранде под козырьком над порогом одного из трейлеров и курили, прячась от несильного ветра. Никаких признаков жизни на остальной территории базы, хотя Росс заметил дымок, поднимающийся над трубами жилища Эрикки, еще одного трейлера, где жили механики, и кухни. Со своего места он мог видеть дорогу. Дорога по-прежнему была перекрыта, люди охраняли заставу, останавливая некоторые грузовики и легковые машины.

Его взгляд вернулся к иранцам на веранде, и он вспомнил Гуэнга и то, как его тело болталось, словно мешок с костями, в кузове грузовичка в грязи у них под ногами. Может быть, под ногами этих самых людей, может быть, нет. На мгновение от силы обуявшей его ярости у него заболела голова. Он коротко оглянулся на Азаде. Спазм у нее прошел, однако она все еще

была в шоке, не видя его по-настоящему; струйка рвоты стекала по ее подбородку. Рукавом Росс вытер ей лицо.

– Мы теперь в полном порядке, отдохни немного, потом двинемся дальше.

Она кивнула и откинулась назад на руки, опять погрузившись в собственный мир. Росс снова сосредоточился на базе.

Прошло десять минут. Почти никаких перемен. Покрывало облаков над головой было грязно-серым, отяжелевшим от снега. Двое вооруженных иранцев вошли в контору, и Росс время от времени видел их силуэты в окнах. Третий почти не обращал внимания на 206-й. Другого движения не было. Потом из кухни появился повар, помочился в снег и вернулся назад. Росс подождал еще. Теперь один из охранников оставил контору и побрел по снегу к трейлеру механиков, винтовка М-16 болталась у него на плече. Он открыл дверь и скрылся внутри, но через секунду снова возник на пороге. С ним был высокий европеец, одетый как летчик, и еще один человек. Росс узнал пилота Ноггера Лейна и второго механика. Механик что-то сказал Лейну, потом помахал рукой и вернулся в трейлер. Охранник и пилот направились к 206-му.

Похоже, все, подумал Росс, чувствуя, как учащенно забилося сердце. Он неуклюже проверил карабин – граната, зажата в правой руке, мешала ему, – потом достал из рюкзака два последних запасных магазина и последнюю гранату и сунул их в боковой карман. Внезапно на него накатило страх, и ему захотелось бежать. О Боже, помоги мне бежать куда-нибудь, заплакать, оказаться в безопасности у себя дома, где угодно, лишь бы подальше отсюда!..

– Азаде, я сейчас спущусь вниз, – заставил сказать он себя. – Приготовься бежать к вертолету, когда я крикну или махну рукой. Готова? – Он видел, как она взглянула на него, кивнула, рот выговорил беззвучное «да», но он не был уверен, удалось ли ему до нее достучаться. Он повторил все еще раз и ободряюще улыбнулся. – Не волнуйся.

Она молча кивнула.

Потом Росс расстегнул ножны кукри и ринулся вниз с холма, как дикий зверь, вышедший на охоту.

Он проскользнул за трейлер Эрикки, сауна прикрывала его. Внутри он услышал голоса детей и женщины. Пересохший рот, теплая граната в руке. Короткими перебежками – от укрытия к укрытию: огромные бочки, штабели труб, поленицы с пилами, с каждым шагом все ближе и ближе к конторе. Выглянул из-за угла: охранник с пилотом приближаются к ангару, иранец на веранде лениво посматривает на них. Дверь конторы открылась, еще один охранник вышел наружу, и рядом с ним оказался еще один человек, постарше, покрупнее, чисто выбритый, возможно европеец, он был одет получше и вооружен пулеметом «Стен». На толстом ремне, которым он был подпоясан, висел кукри в ножнах.

Росс отпустил рычаг взрывателя. Тот, тенькнув, отлетел. «Раз, два, три», – он вышел из-за укрытия, швырнул гранату в людей на веранде в сорока шагах от него и снова нырнул за металлический бак, уже готовя вторую.

Они увидели его. На мгновение застыли неподвижно, потом, когда бросились на землю, граната взорвалась, разворотив большую часть веранды и навеса, убив одного из них, оглушив другого и покалечив третьего. В ту же секунду Росс выскочил из укрытия с карабином на изготовку, новая граната крепко зажата в правой руке, палец левой – на спусковом крючке. На веранде никакого движения не было, а вот у двери ангара механик и пилот рухнули в снег, в панике накрыв головы руками, охранник метнулся к ангару и на мгновение оказался один. Росс выстрелил, промахнулся, бросился к ангару, заметил запасной выход сзади и устремился к нему. Аккуратно приоткрыв дверь, он прыгнул внутрь. Противник был напротив, присев за запасным двигателем и целясь в сторону входной двери, их разделяло пустое пространство. Росс разнес ему голову из карабина, звук выстрела гулко запрыгал по ангару, отскакивая от стен из гофрированного металла, а Росс побежал ко второй двери. В дверном проеме он увидел механика и Ноггера Лейна, вжавшихся в снег рядом с 206-м. Не выходя наружу, он крикнул им:

– Быстро! Сколько здесь еще солдат? – (Ответа не последовало.) – Черт подери, ответьте мне!

Ноггер Лейн приподнял голову, его лицо было белым.

– Не стреляйте, мы гражданские, англичане... Не стреляйте!

– Сколько еще здесь солдат?

– Их... их было пятеро... пять человек... один, который здесь, а остальные в... в конторе... думаю, в конторе...

Росс бегом вернулся к запасному выходу, упал на пол и выглянул наружу на уровне пола. Никакого движения. Контора находилась в пятидесяти ярдах от него, единственным прикрытием мог служить грузовик, стоявший в стороне. Росс вскочил на ноги и бегом бросился к грузовику. Пули с визгом чиркнули по металлу, потом все стихло. Он успел заметить, что автоматический огонь вели из разбитого окна конторы.

Позади грузовика был небольшой пяточок мертвого пространства, и там оказалась канава, которая протянулась достаточно близко к конторе. Если они предпочтут остаться в укрытии, они мои. Если выбегут наружу, как им следовало бы, зная, что я один, шансы будут на их стороне.

Росс пополз на животе, чтобы нанести последний удар. Кругом все стихло: ветер, птицы, противник. Все замерло в ожидании. Вот и канава. Быстро ползти не получилось. Подобрался поближе. Голоса, потом скрип двери. Снова тишина. Еще ярд. Еще один. Пора. Он напрягся, уперся ногами в снег, аккуратно снял с гранаты чеку, сосчитал до трех, вскочил на ноги, поскользнулся, но сумел удержаться, бросил гранату в разбитое окно мимо человека, который стоял там с пулеметом, глядевшим в его сторону, и снова бросился на снег. Взрыв оборвал начавшуюся пулеметную очередь, едва не разорвав ему барабанные перепонки, и в следующий миг Росс снова был на ногах и бежал к трейлеру, стреляя на ходу. Он перепрыгнул через труп и ворвался в трейлер, непрерывно стреляя. Вдруг его карабин захлебнулся, и в животе образовалась пустота, пока он одним движением выбрасывал старый и с треском вставлял новый магазин. Он еще раз выстрелил в пулеметчика и остановился.

Тишина. Потом пронзительный крик где-то рядом. Росс осторожно отпихнул ногой разбитую дверь и вышел на веранду. Кричавший был без ног, он обезумел от боли, но был еще жив. На ремне поперек живота висел кукри, раньше принадлежавший Гуэнгу. Ярость ослепила Росса, и он, нагнувшись, вырвал клинок из ножен.

– Ты раздобыл это на дорожной заставе? – прокричал он на фарси.

– Помогите мне, помогите мне, помогите мне... – Взрыв слов на каком-то незнакомом языке, потом: – Ктовыктовы... кто... помогите мнееее... – Человек продолжал вопить, и к воплям примешивалось: – Помогитемнепомогитемнепомогитемне да я убил диверсанта... помогитемне...

С воплем, от которого стыла в жилах кровь, Росс рубанул клинком и, когда багрово-черная пелена спала с глаз, обнаружил, что смотрит в лицо отрубленной головы, которую держал высоко в левой руке. С отвращением он бросил ее на землю и отвернулся. Несколько секунд Росс не соображал, где он, потом его сознание очистилось, в ноздри ударил запах крови и кордита, он обнаружил, что находится в развороченном трейлере, и огляделся.

Вся база словно застыла, но снизу к ним бежали люди от заставы на дороге. Возле вертолета Ноггер Лейн и механик все так же неподвижно лежали в снегу. Он бросился к ним, пригибаясь на бегу.

Ноггер Лейн и механик Арберри увидели, как он бежит к ним, и их охватила паника – небритый, со спутанными волосами и дикими глазами маньяк из горцев, моджахедов или федаинов, черт их разберет, говорящий на чистом английском, чьи руки были в крови, вытекшей из головы, которую он всего несколько секунд назад на их глазах с безумным воплем отру-

бил одним ударом, с окровавленным ножом-мечом в руке, с еще одним – в ножнах на поясе, с карабином – в другой. Они поднялись на колени, держа руки высоко над головой.

– Не убивайте нас... мы свои, гражданские, не убивайте на...

– Заткнитесь! Приготовьтесь к взлету. Быстро!

Ноггер Лейн был ошарашен.

– Что?

– Да торопитесь же, черт бы вас побрал! – зло рявкнул Росс, взбешенный выражением их лиц; у него совершенно вылетело из головы, как выглядит он сам. – Вы, – он ткнул в сторону механика окровавленным кукри Гуэнга, – вы видите вон тот холм?

– Да... да, сэр, – проскрипел Арберри.

– Бегите туда как можно быстрее, там женщина, приведите ее с собой... – Росс замолчал, увидев Азаде, которая появилась из-за кромки леса и побежала вниз по склону в их сторону. – Отставить, бегите приведите сюда второго механика, живее, ради бога, эти ублюдки с дорожной заставы будут здесь с минуты на минуту, торопитесь!

Арберри бросился бежать, холодея от ужаса, но еще больший ужас ему внушали маленькие фигурки, двигавшиеся к ним снизу по дороге.

Росс мгновенно повернулся к Ноггеру Лейну:

– Я же сказал вам запускать двигатель.

– Да... слушаюсь, сэр... эта... эта женщина... это, случайно, не Азаде, не жена Эрикки, а?

– Да... Я сказал, запускайте двигатель!

Никогда Ноггер Лейн не готовил вертолет к взлету быстрее, чем сейчас; механики были еще быстрее. Азаде находилась еще в сотне шагов, а противник уже был слишком близко. Поэтому Росс нырнул под вращавшиеся лопасти и встал между ней и ими и расстрелял в них второй магазин. Их головы попрятались, и они рассыпались в разные стороны. С громким проклятием Росс швырнул пустой магазин. Несколько голов появились снова. Короткая очередь, потом еще одна – он берег патроны – опять заставили их попрятаться. Азаде почти рядом, но задыхается и бежит уже не так быстро. Собрав последние силы, она, едва не теряя сознание, упала в дверной проем вертолета, выбросив вперед руки; механики втащили ее внутрь. Росс, отступая, дал еще очередь, спиной втиснулся на переднее сиденье, вертолет поднялся в воздух, и они полетели прочь.

Глава 44

БАЗА ВВС В КОВИССЕ. 17:20. Старк пододвинул к себе карту, которую ему сдали. Туз пик. Он охнул, суеверный, как большинство пилотов, но потом с важным видом просто добавил к остальным в своей руке. Они впятером сидели в его бунгало и играли в покер: Фредди Эйр, док Натт, Папаша Келли и Том Лочарт, который прилетел из Загроса с грузом запчастей, продолжая эвакуацию их базы, вчера вечером, когда уже было поздно возвращаться. Из-за приказа, запрещающего всякие полеты сегодня, в священный день, он застрял здесь до рассвета завтрашнего дня. В камине потрескивали дрова: день выдался холодным. Перед каждым из них лежали кучки риалов, самая большая – перед Келли, самая маленькая – перед доктором Наттом.

– Сколько карт, Папаша? – спросил Эйр.

– Одну, – без колебаний ответил Келли, сбросил свою карту и положил оставшиеся четыре на стол перед собой рубашкой вверх.

Келли, бывший военный летчик сорока с небольшим лет, был высоким, худошавым британцем с морщинистым лицом и жидкими светлыми волосами. Прозвище Папаша он получил, потому что у него было семеро детей и еще один на подходе.

Эйр картинным жестом послал ему карту. Келли просто глядел на нее какое-то время, потом, не открывая, медленно смешал с остальными, затем аккуратно собрал их все в стопку,

взял в руки, посмотрел, сдвигая карты совсем чуть-чуть, чтобы был виден самый краешек справа, одну за другой, и радостно выдохнул.

– Брехня! – сказал Эйр, и все они рассмеялись.

Кроме Лочарта, который задумчиво смотрел в свои карты. Старк нахмурился: он тревожился за него, но был очень рад, что Том сегодня остался здесь. Нужно было поговорить о тайном письме Гэваллана, который ему привез на своем 125-м Джон Хогг.

– Тышу риалов для начала, – сказал док Натт.

Все посмотрели на него, поскольку обычно он никогда не ставил больше сотни.

Лочарт рассеянно бросил взгляд на свои карты, по-настоящему не интересуясь игрой, его мысли были в Загросе – и с Шахразадой. Вчера вечером Би-би-си рассказала о серьезных столкновениях, произошедших во время марша женщин в Тегеране, Исфахане и Мешхеде, и о новых демонстрациях, запланированных на сегодня и на завтра.

– Для меня многовато будет. – Лочарт бросил карты на стол.

– Ваша тысяча, док, и еще две сверху, – сказал Старк, и уверенность дока Натта растаяла без следа.

Натт сменил две карты, Старк – одну, Эйр – три.

Келли посмотрел на свой «стрит», 4–5–6–7–8.

– Твои две тысячи, Дюк, и еще три сверху!

– Бросил! – тут же откликнулся Эйр, выбрасывая свои две пары: короли и десятки.

– Без меня, – сказал Натт со вздохом облегчения, потрясенный собственной опрометчивостью минуту назад, и выбросил три дамы, которые ему сдали с самого начала, уверенный, что Старк натянул свой «стрит», «флеш» или «фул хаус».

– Твои три, Папаша, и еще тридцать... тысяч, – ласково пропел Старк, чувствуя себя очень хорошо.

Он разбил пару шестерок, чтобы оставить у себя четыре червы в надежде на «флеш». С тузом пик «флеш» получился совсем провальным, но при этом выигрышной комбинацией, если его блеф удастся и Келли испугается.

Все глаза обратились к Келли. В комнате стало тихо. Даже Лочарт неожиданно заинтересовался исходом партии.

Старк терпеливо ждал, следя за своим лицом и руками, его беспокоила аура спокойной уверенности, окружавшая Келли, и гадал, что будет делать, если Келли поднимет ставку еще выше, заранее зная реакцию Мануэлы на то, что он готов поставить недельную зарплату на несостоявшийся «флеш».

Ну, для начала она живот надорвет от хохота, подумал он и улыбнулся.

Келли потел. Он заметил неожиданную улыбку Старка. Один раз он уже подловил его на блефе, но это было много недель назад, и тогда речь шла не о тридцати тысячах, а всего о четырех. Я не могу позволить себе потерять недельную зарплату, и все же этот сукин сын, возможно, блефует. Что-то подсказывает мне, что Дюк блефует, а лишняя недельная зарплата мне бы никак не помешала. Келли еще раз взглянул на свои карты, чтобы убедиться, что его «стрит» действительно был «стритом». Конечно, это чертов «стрит» – и Дюк блефует! Он почувствовал, как его рот открывается, чтобы сказать: «Я добыю твои тридцать тысяч», но вместо этого произнес:

– Да пошел ты в задницу, Дюк! – швырнул карты на стол, и все рассмеялись.

Кроме Старка. Тот собрал выигрыш, сунул свои карты в колоду и перемешал, чтобы уже никто не мог их увидеть.

– Готов поспорить, Дюк, что ты блефовал, – ухмыльнулся Лочарт.

– Я? Это со «стрит флешем»-то? – невинно поинтересовался Дюк посреди веселых возгласов и восклицаний и взглянул на часы. – Мне пора отправляться на обход. Давайте сделаем перерыв, продолжим после ужина, а? Том, не хочешь составить мне компанию?

– Конечно. – Том надел свою куртку и вышел вслед за Старком наружу.

В нормальные времена это было лучшее время дня для них обоих – перед самым закатом, когда полеты закончились, все вертолеты вымыты, заправлены и готовы к завтрашнему дню, впереди – возможность выпить, время немного почитать, написать несколько писем, послушать музыку, поесть, позвонить домой, потом – спать.

Обход показал, что база в полном порядке.

– Давай пройдемся, Том, – предложил Старк. – Когда ты возвращаешься в Тегеран?

– Как насчет прямо сейчас?

– Торопишься, а?

– Да. Я знаю, что Шахразада была на этом марше женщин, хотя и сказал ей, чтобы она туда не ходила. Ну и потом все остальное.

Вчера вечером Лочарт рассказал Старку о ее отце и все по поводу сбитого НВС. Старк был в шоке, до сих пор еще не пришел в себя и вновь благословил свою удачу за то, что ничего не знал об этом, когда Хусейн и его «зеленые повязки» забрали его на допрос.

– Мак сейчас уже, наверное, разыскал Шахразиду. Он позаботится о том, чтобы с ней ничего не случилось.

Когда Лочарт прибыл, они связались с Мак-Ивером по высокочастотной связи, которая в кои-то веки работала хорошо, и попросили его позаботиться о ее безопасности. Через несколько минут опять будет их ежедневный сеанс связи с управлением компании в Тегеране, единственный, который им был разрешен. «В отношении вас введены ограничения, но только пока все не вернется в норму, после чего вы сможете пользоваться рацией сколько захотите. Сейчас это может произойти в любой день», – сказал майор Чангиз, начальник базы. И хотя их разговоры прослушивались с главной вышки на базе ВВС, эти сеансы помогали им не сойти с ума и придавали их жизни некое подобие нормальности.

– После того как в воскресенье «Загрос-3» переберется сюда окончательно со всем оборудованием и всеми людьми, почему тебе не взять двести шестой в понедельник, прямо с утра? Я договарюсь с Маком, – сказал Старк.

– Спасибо, это было бы классно. – Теперь, когда его собственная база закрылась, Лочарт формально находился в подчинении у Старка.

– А ты не подумывал, чтобы вообще убраться отсюда, к чертям, полететь на двести двенадцатом вместо Скота? Когда он выберется сюда с «Загроса», я думаю, с ним все должно быть в порядке. Или, еще лучше, улететь на нем вместе вам обоим? Я поговорю с Маком.

– Спасибо, но не надо. Шахразада не может оставить свою семью прямо сейчас.

Некоторое время они шли молча. Ночь быстро опускалась на базу, холодная, но ясная, воздух был пропитан тяжелым запахом бензина с огромного нефтеперерабатывающего завода неподалеку, который до сих пор был почти полностью закрыт и погружен в темноту, за исключением высоких труб с факелами сжигавшегося попутного газа. На базе уже появился свет в окнах большинства бунгалов, в ангарах и на кухне – у них были собственные резервные генераторы на случай отключения электроэнергии на военной базе. Майор Чангиз заверил Старка, что теперь не существует никакой опасности саботажа на силовой установке базы.

– Революция полностью завершилась, капитан, имам взял власть в свои руки.

– А левые?

– Имам приказал уничтожить их, если только они не станут верны нашему Исламскому государству, – тяжело и зловеще сказал майор Чангиз. – Левых, курдов, бехаистов, чужеземцев – любых врагов. Имам знает, что делать.

Имам. Во время допроса в комитете Хусейна Старк наблюдал все то же самое. Почти как если бы Хомейни был полубогом, подумал он. Хусейн был главным судьей и обвинителем в комнате суда – части мечети, – заполненной враждебно настроенными людьми всех возрастов, все с зелеными повязками, пять судей – никого из посторонних.

– Что вам известно о побеге врагов ислама из Исфахана на вертолете?

– Ничего.

Тотчас же один из оставшихся судей – все они были молодыми людьми, грубыми и едва умевшими читать, – воскликнул:

– Он виновен в преступлениях против Бога и преступлениях против Ирана как эксплуататор на службе американских сатанистов! Виновен!

– Нет! – возразил Хусейн. – Это суд права, действующий по законам Корана. Он здесь, чтобы отвечать на вопросы, а не за преступления, пока еще нет. Он не обвиняется ни в каких преступлениях. Капитан, расскажите нам все, что вам известно об исфаханском преступлении.

Воздух в комнате был зловонным. Старк не видел вокруг ни одного дружелюбного лица, а ведь всем им было известно, кто он такой, все они знали о сражении с феодалами в Бендер-Дейлеме. Его страх стал тупой болью, которая пришла с пониманием, что здесь ему никто не поможет, что он в их власти.

Он набрал в грудь побольше воздуха и заговорил, тщательно подбирая слова.

– Именем Бога Всемилостивого, Милосерднейшего! – произнес он, начав так, как началась первая сура Корана, и по комнате пробежал удивленный шепоток. – Я ничего не знаю сам, ничего из этого не видел своими глазами и ни в чем из этого не участвовал. А был в Бендер-Дейлеме в это время. Насколько мне известно, ни один из моих людей не имеет к этому никакого отношения. Я знаю лишь то, что Затаки из Абадана сообщил мне, когда вернулся из Исфахана. Вот его слова в точности: «Мы слышали, что во вторник какие-то приспешники шаха, все офицеры, бежали на юг в вертолете, который пилотировал какой-то американец. Да проклянет Аллах всех сатанистов!» Вот все, что он сказал. Вот все, что я знаю.

– Ты сатанист! – торжествующе оборвал его один из судей. – Ты американец. Ты виновен.

– Я человек Книги, и я уже доказал, что я не сатанист. Если бы не я, многие из вас были бы мертвы.

– Если бы мы погибли на базе, то сейчас были бы в раю, – сердито отозвался один из «зеленых повязок» в дальнем углу комнаты. – Мы исполняли труд Божий. К тебе это не имело никакого отношения, неверный.

Крики согласия. Внезапно Старк издал рев ярости.

– Клянусь Богом и Пророком Бога! – вскричал он. – Я – человек Книги, и Пророк дал нам особые привилегии и защиту! – Теперь его трясло от гнева, страх исчез, он досыта наелся этим балаганным судом, их слепотой, тупостью, невежеством, фанатизмом. – В Коране говорится, чтобы люди Книги не преступали границ правды в своей вере, как и не следовали желаниям тех, кто уже свернул и заставил многих других свернуть с прямого пути. Я не преступил, – хрипло закончил он, сжимая пальцы в кулаки, – и пусть Аллах проклянет того, кто скажет иначе.

Они все как один уставились на него, пораженные, даже Хусейн.

Один из судей нарушил молчание:

– Ты... ты повторяешь наизусть слова Корана? Ты и по-арабски читаешь так же хорошо, как говоришь на фарси?

– Нет. Не читаю, но Ко...

– Значит, у тебя был учитель, мулла?

– Нет. Нет, я чи...

– Тогда ты колдун! – воскликнул еще кто-то. – Как еще ты можешь знать Коран, если у тебя не было учителя и ты не читаешь по-арабски, на священном языке Корана?

– Я прочел его на английском, моем родном языке.

Еще большее изумление и недоумение, пока не заговорил Хусейн:

– То, что он говорит, правда. Коран переведен на многие чужеземные языки.

Молодой иранец с лицом, изрытым оспой, близоруко шурясь, уставился на него сквозь очки с толстыми треснувшими линзами:

– Если он переведен на другие языки, ваше превосходительство, то почему его нет на фарси, чтобы мы могли его читать, если бы умели читать?

– Язык Священного Корана – арабский, – ответил Хусейн. – Чтобы по-настоящему знать Священный Коран, правоверный должен уметь читать по-арабски. Муллы всех стран учат арабский по этой причине. Пророк, чье имя да будет благословенно, был арабом. Аллах говорил с ним на этом языке, чтобы другие потом записали за Ним. Чтобы истинно познать Священную Книгу, ее нужно прочесть так, как она была написана. – Хусейн обратил свои черные глаза на Старка. – Перевод всегда хуже оригинала. Не правда ли?

Старк заметил любопытное выражение его глаз.

– Да, – сказал он, следуя своей интуиции, которая подсказывала, что ему лучше согласиться. – Да, да, это так. Я бы хотел прочесть Священный Коран в оригинале.

Снова молчание. Молодой человек в очках спросил:

– Если вы знаете Коран настолько хорошо, что можете повторять его наизусть, как мулла, то почему вы не мусульманин, почему вы не правоверный?

Старк замялся, почти в панике, не зная, что ему ответить, но понимая, что ошибочный ответ наверняка будет означать смерть. Молчание стужалось, потом он услышал собственный голос:

– Потому что Бог еще не снял кожу, закрывающую мои уши, равно как и не открыл пока еще мой дух. – Потом добавил невольно: – Я не сопротивляюсь, я жду. Я жду терпеливо.

Настроение в комнате поменялось почти ощутимо. Теперь молчание было добрым. Сочувствующим. Хусейн мягко произнес:

– Идите к имаму, и ваше ожидание закончится. Имам откроет ваш дух для славы Аллаха. Имам откроет ваш дух. Я знаю, я сидел у ног имама. Я слышал, как имам проповедовал Слово, давая Закон, распространяя вокруг Покой Аллаха. – (По комнате пронесся вздох, и все сейчас сосредоточились на мулле, смотрели в его глаза и горевший в них свет – даже Старк, который ощутил леденящий холод и одновременно с ним душевный подъем.) – Разве имам не пришел, чтобы освободить дух этого мира? Разве имам не появился среди нас, чтобы очистить ислам от зла и распространить ислам по всему миру, передать послание Аллаха... как это было обещано? Имам есть.

Это слово повисло в комнате. Они все поняли. Понял и Старк. «Махди!» – подумал он, пряча свое потрясение. Хусейн намекает, что Хомейни на самом деле махди, легендарный «скрытый имам», который исчез много веков назад и, как верят шииты, просто спрятался от глаз людей, – бессмертный, который, как обещал Аллах, однажды вернется, дабы очистить веру, открыть подлинный смысл Корана.

Старк видел, как они смотрели на муллу во все глаза. Многие кивали, по лицам других струились слезы, восторг поднял их всех над собой, дал удовлетворение, и не было среди них ни одного, кто бы не верил или усомнился. Боже милосердный, обескураженно подумал Старк, если иранцы облекут Хомейни в эту мантию, его власти не будет предела, двадцать, тридцать миллионов мужчин, женщин, детей будут отчаянно желать угодить ему, с радостью пойдут на смерть по малейшей его прихоти. Да и почему бы нет? Махди гарантирует им место в раю, именно гарантирует!

Кто-то произнес:

– Бог велик.

Остальные эхом повторили, и все разом заговорили друг с другом, Хусейн направлял их беседу, о Старке все забыли.

По прошествии времени его заметили и отпустили с напутствием:

– Повидайте имама, повидайте и уверуйте...

Возвращаясь в лагерь, Старк испытывал странную легкость в ногах. Он вспомнил, что никогда раньше воздух не казался ему столь сладостным, никогда еще радость жизни так не наполняла его. Может быть, это оттого, что я был близок к смерти, подумал он. Я был уже мертвецом, а потом каким-то непостижимым образом мне вернули жизнь. Почему? И Том, почему он избежал участи, уготованной ему в Исфахане, на плотине Диз и даже в самом НВС? Есть ли причина? Или все это просто удача?

И сейчас, глядя в сумерках на Лочарта, Старк глубоко переживал за него. Ужасно, что так получилось с НВС, ужасно, что так получилось с отцом Шахразеды, ужасно, что Том и Шахразада угодили в тупик, из которого нет выхода. Скоро им обоим придется выбирать: вместе в изгнание, откуда они, вероятно, никогда уже сюда не вернуться, или расставание, тоже, вероятно, навсегда.

– Том, есть особый разговор. Совершенно секретный, строго между нами. Джонни Хогг привез письмо от Энди Гэваллана. – Они были на безопасном удалении от базы, шагая по дороге, тянувшейся вдоль забора из восьми рядов колючей проволоки, и можно было не бояться, что их подслушают, но Старк все равно понизил голос. – Если коротко, Энди в большом сомнении по поводу нашего будущего здесь и говорит, что подумывает об эвакуации, чтобы снизить убытки.

– Это ни к чему, – тут же ответил Лочарт, и в его голосе появилась неожиданная колючесть. – Все нормализуется, по-другому просто быть не может. Энди надо перетерпеть все это. Мы же терпим, значит и он тоже сможет.

– Он уже и так натерпелся выше крыши, Том. Это элементарная экономика, ты знаешь это не хуже любого другого. Нам не платят за работу, которую мы сделали месяцы назад, у нас сейчас нет достаточно работы для всех пташек и пилотов, которые находятся здесь и которых он оплачивает из Абердина. В Иране полная неразбериха, и у нас, куда ни кинь взгляд, одни проблемы и неприятности.

– Ты хочешь сказать, поскольку «Загрос-3» прикрыли, бухгалтерам придется списывать огромные убытки? Это не моя вина, черт подери, что...

– Не заводись, Том. Энди тут частным образом шепнули, что все иностранные авиакомпании, совместные предприятия или еще там какие, особенно вертолетные, собираются национализировать в самом что ни на есть ближайшем, черт их дерит, будущем.

Лочарт почувствовал, как его сердце наполняется неожиданной надеждой. Разве это не идеальный предлог, чтобы остаться? Если они украдут – национализировать – наших пташек, им все равно понадобятся опытные пилоты. Я говорю на фарси, я мог бы обучать иранцев, это же и должен быть их конечный план, и... и как быть с НВС? Все упирается в НВС, беспомощно подумал он, все всегда возвращается к НВС.

– Дюк, откуда он это узнал?

– Энди говорит, что источник заслуживает абсолютного доверия. Что он спрашивает у нас – у тебя, Скрэга, Руди и у меня, – так это, если они с Маком подготовят реально осуществимый план, поведем ли мы и все пилоты, сколько их потребуется, наших пташек в неизвестные голубые дали за Персидским заливом?

Лочарт уставился на него, разинув рот:

– Господи, ты хочешь сказать, без разрешений и... вообще без всего?

– Ага... Только не ори так громко.

– Он с ума сошел! Как бы мы смогли скоординировать Бендер-Ленге, Бендер-Дейлем, Ковисс и Тегеран, ведь всем нужно будет взлететь одновременно, а расстояние у всех разное.

– Как-нибудь придется исхитриться. Энди говорит, либо так, либо закрываться совсем.

– Ушам своим не верю! Компания действует по всему миру.

– Он считает, если мы потеряем Иран, компании конец.

– Ему легко говорить, – с обидой произнес Лочарт. – Для него это просто деньги. Легко выкручивать нам руки, когда у тебя все миленько и безопасенько и все, чем ты рискуешь, – это только деньгами. Он думает, что, если эвакуирует только сотрудников и оставит здесь все остальное, «С-Г» всплывет пюзом кверху?

– Да. Именно это он и утверждает.

– Я этому не верю.

Старк пожал плечами. Их уши уловили чуть слышный вой, похожий на крик баншей. Лочарт со Старком обернулись и начали всматриваться в дальний конец летного поля. В сгущающихся сумерках им едва-едва удалось разглядеть Фредди Эйра с его шотландской волынкой там, где, по общему согласию, ему было разрешено упражняться в игре на этом инструменте.

– Черт! – выругался Старк с кислой миной. – Эти звуки сводят меня с ума.

Лочарт пропустил его слова мимо ушей:

– Ты, конечно же, не согласишься участвовать в этом чертовом угоне, потому что именно угонем это все и будет! Я ни за что не подпишусь на это. – Он увидел, как Старк пожал плечами. – А что остальные говорят?

– Они еще не знают, и их до поры не спросят. Как я сказал, пока это все между нами. – Старк бросил взгляд на часы. – Скоро время выходить на связь с Маком. – Он заметил, как по телу Лочарта пробежала дрожь. Ветер доносил похоронный плач волынки. – Будь я проклят, если знаю, как кто-то может утверждать, что это музыка, – заметил он. – О плане Энди стоит подумать, Том. В качестве последнего средства.

Лочарт не ответил; ему было плохо, сумерки – плохо, все вокруг – плохо. Даже воздух был плохой, отравленный соседством с нефтеперерабатывающим заводом. И ему захотелось быть сейчас в Загросе, высоко в горах, поближе к звездам, где воздух и земля не были отравлены, и всем существом отчаянно хотелось быть в Тегеране, где все было загрязнено и отравлено еще больше, но там была она.

– На меня не рассчитывайте, – сказал он.

– Подумай об этом, Том.

– Я подумал. Я пас. Это безумие, вся эта затея. Как только ты все сам продумаешь, то сразу поймешь, что это план, придуманный бешеной собакой.

– Как скажешь, старина. – Старк спрашивал себя, когда его друг поймет, что он, Лочарт, больше, чем любой из них, был принят в расчет – так или иначе.

Глава 45

ОТЕЛЬ «ИНТЕРНЕСНЛ», ЭЛЬ-ШАРГАЗ. 18:42.

– Ты смог бы это сделать, Скрэг? – спросил Гэваллан; солнце клонилось к закату.

– Энди, мне было бы легко умыкнуть мои пять птичек и всех ребят из Бендер-Ленге, – ответил Скрэггер. – Понадобился бы подходящий денек, и нам пришлось бы пройти ниже радаров Киша, но мы могли бы это сделать, если ребята захотят стать соучастниками в этом деле. Но чтобы и со всеми нашими запчастями тоже? Никак не получится, невозможно.

– Ты бы сделал это, если бы было возможно? – спросил Гэваллан.

Он прибыл сегодняшним рейсом из Лондона. Деловые новости из Абердина были одна хуже другой: «Импириэл эр» наращивала давление, подрезая его в Северном море своими низкими расценками, нефтяные компании старались выжать из него все до последнего, и Линбар созвал специальное заседание совета для расследования «возможных» просчетов в управлении «С-Г».

– Ты бы сделал это, Скрэг? – снова спросил Гэваллан.

– Только сам по себе, а все остальные должны быть в безопасности за пределами Ирана.

– А твои ребята согласились бы?

Потягивая пиво, Скрэггер на мгновение задумался. Они сидели за столиком на одной из безупречных террас, окружавших плавательный бассейн самого нового из отелей, построен-

ного в этом крошечном эмирате. На террасе тут и там виднелись другие посетители, но рядом никого не было. Благоухающий воздух, температура двадцать с небольшим градусов, ветерок, которого как раз хватало, чтобы подрагивали ветви пальм, и обещание чудесного вечера впереди.

– Эд Восси согласился бы. – Скрэггер ухмыльнулся. – В нем достаточно австралийского презрения к законам и американской легкости на подъем. Не думаю, чтобы Вилли Нойхтрайтер согласился. Ему будет тяжело нарушить столько правил, когда не ему на хвост наступили и не его благополучию грозит беда. А что говорит Дюк Старк? И Том Лочарт, и Руди?

– Еще не знаю. В среду я послал Дюку письмо через Джонни Хогга.

– Это вроде бы опасно, нет?

– И да и нет. Джонни Хогг – надежный курьер, но это большая проблема – наладить безопасную связь. Том Лочарт скоро будет в Ковиссе. Ты слышал о Загросе?

– Как не слышать! Они там в горах все на голову больные. А что старина Руди?

– Не знаю пока, как с ним безопасно связаться. Может, Мак что-нибудь придумает. Я утром лечу на сто двадцать пятом в Тегеран, и мы должны встретиться и переговорить в аэропорту. Потом я сразу вернусь, у меня билет на ночной рейс до Лондона.

– Ты, я смотрю, слегка подталкиваешь ситуацию, а, сынище?

– Есть у меня пара-тройка проблем, Скрэгг. – Гэваллан внимательно разглядывал свой бокал, рассеянно покручивая виски вокруг кубиков льда внутри.

Мимо них проходили постояльцы отеля и среди них три девушки в бикини, с золотистым оттенком кожи, длинными черными волосами, с небрежно наброшенными на плечи полотенцами. Скрэггер заметил их, вздохнул, потом опять сосредоточился на Гэваллане.

– Энди, мне, возможно, придется доставить Касиги на завод «Иран-Тода» через день-другой. Старина Жорж не разгибает перед ним спины, упершись лбом в колени, с тех самых пор, как Касиги согласился платить ему на два доллара больше. Касиги думает, что к Рождеству нефть будет стоить все двадцать долларов за баррель.

Эта новость встревожила Гэваллана еще больше.

– Если это произойдет, взрывная волна прокатится по всем промышленно развитым странам; инфляция опять взлетит до небес. Полагаю, уж если это кому и известно, так им. – Ранее, едва Скрэггер упомянул Касиги и компанию «Тода», Гэваллан отреагировал мгновенно: «Струанз» поставлял команды и арендовал многие из судов, которые строила «Тода шиппинг», и они были старыми партнерами. – Много лет назад я знал босса этого Касиги, человека по имени Хиро Тода. Он об этом не упоминал?

– Нет, ни разу. Ты встречался с ним? Где? В Японии?

– В Гонконге. Тода вел дела с Благородным Домом – это компания, на которую я раньше работал. В те дни «Тода шиппинг» занималась главным образом строительством кораблей и не была еще тем огромным конгломератом, каким является сегодня. – Лицо Гэваллана стало жестким. – Моя семья с давних времен была из шанхайских китайских торговцев. Наша компания была практически разорена во время Первой мировой, потом мы объединились со «Струанз». Мой старик был в Нанкине в тридцать первом году, когда японцы устроили там резню, а потом попался им в руки в Шанхае сразу после Пёрл-Харбора и уже не пережил лагеря для военнопленных. – Гэваллан разглядывал отражения на бокале, мрачней все больше и больше. – Мы потеряли много добрых друзей в Шанхае и Гонконге. Я не могу простить им того, что они творили в Китае, никогда не прощу, хотя, с другой стороны, надо ведь жить дальше, так? Приходит день, когда нужно зарывать топор, хотя стоит иногда поглядывать на старые следы от их зубов.

– И я чувствую то же самое. – Скрэггер пожал плечами. – Касиги вроде ничего. Где он сейчас?

– В Кувейте. Возвращается завтра, и я должен отвезти его в Бендер-Ленге на консультации, назначенные на утро.

– Если ты полетишь на завод «Иран-Тода», как думаешь, у тебя получится подскочить повидаться с Руди? Может быть, прозондировать его?

– Отличная мысль, Энди.

– Когда увидишь Касиги, упомяни при случае, что я знаю его председателя правления.

– Конечно, конечно упомяну. Я мог бы поинтересоваться у него, не... – Он замолчал, глядя поверх плеча Гэваллана. – Посмотри-ка, Энди, воистину сладостная картина для измученного взора!

Гэваллан повернулся на запад. Закат был совершенно неземной красоты: далекие облака расписаны красными, пурпурными, охряными, золотыми красками, солнце, почти на три четверти опустившееся за горизонт, окрасило воды Персидского залива в кровавый цвет, легкий ветерок играл пламенем свечей на крахмальных скатертях, уже постеленных для ужина на террасе ресторана.

– Ты прав, Скрэг, – тотчас согласился он. – Неподходящий сейчас момент, чтобы быть серьезным. Дела подождут. В мире нет картин великолепнее тех, что рисует заходящее солнце.

– А? – Скрэггер недоуменно уставился на него. – Господи ты боже мой, да я не закат имел в виду, а девчонку.

Гэваллан вздохнул. Девчонкой была Паула Джанкани в крошечном бикини, только что вышедшая из бассейна внизу под ними: капельки воды на коже поблескивали и вспыхивали бриллиантами в лучах заходящего солнца, она вытирала полотенцем то ноги, то руки, то спину, то опять ноги, потом накинула прозрачный купальный халатик, полностью и с веселым удовольствием отдавая себе отчет в том, что вокруг не было ни одного мужчины, который не оценил бы это представление, или женщины, которая ей не завидовала бы.

– Ты похотливый сукин сын, Скрэг.

Скрэггер рассмеялся и сказал, еще больше подчеркивая свой австралийский выговор:

– Тока одна радость в жизни у меня и осталась, хрен старый! Нет, ты глянь, эту Паулу прям хоть в книжку вставляй.

Гэваллан изучающе посмотрел на нее:

– Ну-у, в итальянских девушках вообще обычно есть что-то сверхособенное, но эта юная леди... она не такая потрясающая красавица, как Шахразада, и в ней нет такой экзотической тайны, как в Азаде, но я с тобой согласен, Паула – уникальное создание.

Вместе со всеми остальными они провожали ее взглядом, когда она шла между столиками, возбуждая страсть и зависть, тянувшиеся за ней подобно шлейфу, пока не исчезла в огромном холле отеля. Они сегодня ужинали все вместе: Паула, Дженни, Мануэла, Скрэггер, Гэваллан, Шандор Петрофи и Джон Хогг. «Боинг-747» Паулы снова был в Дубае, в нескольких милях по шоссе от отеля, ожидая разрешения вернуться в Тегеран за новой партией итальянских граждан, и Дженни Мак-Ивер случайно встретила ее, когда ходила по магазинам.

– Энди, старина, – вздохнул Скрэггер, – мне непременно хотелось бы ей вставить, можешь не сомневаться.

– Толку тебе от этого все равно никакого не будет, Скрэг. – Гэваллан коротко хохотнул и заказал себе еще виски с содовой у безупречно одетого официанта-палестинца, мгновенно возникшего рядом с их столиком.

Некоторые из гостей отеля уже были элегантно и дорого одеты для чудесного вечера: последняя парижская мода, глубокие вырезы на платьях, накрахмаленные белые смокинги – или дорогая повседневная одежда. Гэваллан был в превосходно сшитом костюме для тропиков, Скрэггер надел традиционную форму: белая рубашка с коротким рукавом с погонами и наградными планками, черные брюки и ботинки.

– Еще пивка, Скрэг?

– Нет, спасибо, приятель. Я доработаю этот бокальчик и подготовлюсь для Пульсирующей Паулы.

– Мечтать не вредно! – Энди снова посмотрел на закат.

Гэваллан чувствовал себя лучше, его старый друг помог ему собраться, когда он расклеился. Солнце почти совсем скрылось за горизонтом, прекрасное как никогда, и он вспомнил закаты в Китае в былые дни, переносясь мыслями в Гонконг, к Кэти и Иэну, к веселью в Большом Доме на Пике – вся семья в добром здравии и прекрасном настроении, – к их собственному дому на мысе Шек-О, когда они жили вместе, а Мелинда и Скот были еще детьми и носились туда-сюда по всему дому, а далеко внизу сампаны, джонки и корабли всех размеров купались в лучах закатного солнца над спокойным морем.

Краешек солнца скрылся за полосой воды. С большой торжественностью Гэваллан несколько раз негромко хлопнул в ладоши.

– Это ты чего вдруг, Энди?

– А? О, извини, Скрэг. В былые дни мы имели привычку аплодировать солнцу, Кэти и я, в ту самую секунду, когда оно исчезало. Чтобы поблагодарить его за то, что оно есть, и за показанное нам уникальное представление, за то, что мы живы и можем им наслаждаться. Вот именно этот закат ты видишь в последний раз в жизни. Такой, как сегодня. Ты больше никогда не увидишь его снова. – Гэваллан пригубил виски, глядя на отсвет закатившегося солнца. – Первый человек, который поделился со мной этой мыслью, был удивительным парнем, мы стали большими друзьями – до сих пор дружим. Великий человек, и жена у него тоже потрясающая женщина. Как-нибудь я тебе о них расскажу. – Он повернулся спиной к западу, наклонился вперед и тихо спросил: – Бендер-Ленге. Ты думаешь, это возможно?

– Да. Если бы речь шла только о нас в Бендер-Ленге. Конечно, нам все равно пришлось бы все тщательно спланировать, радар на Кише сейчас дерганый, как никогда, но мы смогли бы проскользнуть под ним в подходящий день. Большая проблема заключается в том, что наш наземный иранский персонал вместе с нашим ныне дружелюбным, но фанатично настроенным комитетом и нашим новым недружелюбным клоуном из «Иран ойл» буквально в несколько минут сообразят, что мы дали деру, не могут не сообразить, когда все птички разом поднимутся в воздух и исчезнут. Они тут же завопят: «Тревога!», и Иранское управление воздушным движением тут же даст по радио ориентировки по нам в Дубай, Абу-Даби, сюда – по сути, вообще всем от Омана до Багдада, включая саудовцев и Кувейт, – с приказом задержать нас немедленно по прибытии. Даже если мы все благополучно сюда доберемся... Ну, старый шейх – отличный парень, либерал и друг, но, черт, он не сможет пойти против Тегерана, когда они будут в своем праве, даже если бы они были и не правы. Он не может себе позволить затеять драку с Ираном: у него довольно большой процент шиитов среди его суннитов, не такой высокий, как в одних странах Персидского залива, более высокий, чем в других.

Гэваллан встал, подошел к краю террасы и посмотрел вниз на Старый город – некогда великий порт ловцов жемчуга, пиратская крепость, рынок рабов, торговый центр, называвшийся, подобно Сухару в Омани, Воротами в Китай. С древних времен залив был золотым морским звеном, связывавшим Средиземноморье – в ту пору центр всего мира – и Азию. Морские финикийские торговцы, которые изначально были родом из Омана, господствовали над этим невообразимо богатым торговым маршрутом, выгружая товары из Азии и Индии в Шатт-эль-Арабе, откуда короткими караванными путями они доставлялись на рынки, образовав со временем в Средиземноморье свою морскую империю, основав города-государства, подобные Карфагену, которые могли угрожать самому Риму.

Обнесенный стенами Старый город с плоскими крышами был прекрасен в свете умирающего дня, неисторченный и защищенный от современных построек, с господствующей над ним крепостью шейха. За эти годы Гэваллан познакомился с шейхом и научился восхищаться им. Его маленькое государство было окружено эмиратами, но оставалось независимым, суве-

ренным анклавом, протянувшимся вглубь от побережья едва на двадцать миль при длине береговой полосы в семь. Но и на земле, и в море, на сотню миль до самых территориальных вод Ирана, под ним лежало несколько миллиардов баррелей нефти, до которых было легко добываться. Поэтому Эль-Шаргаз имел Старый город и отдельный от него новый город с дюжиной современных отелей и небоскребов и с аэропортом, который пусть и впритык, но мог принимать «Боинги-747». Его богатство было ничтожным в сравнении с Эмиратами, или Саудовской Аравией, или Кувейтом, но его хватало, чтобы обеспечить избыток всего, если выбирать это «все» с головой. Шейх был таким же мудрым, как и его умудренные знанием жизни и света финикийские предки, таким же яростно независимым, и, хотя сам он не умел ни читать, ни писать, его сыновья окончили лучшие университеты в мире. Он, его семья и его племя владели всем, его слово было законом, он был суннитом, не фундаменталистом, и терпимо относился к своим иностранным подданным и гостям при условии, что они вели себя как положено.

– Он также ненавидит Хомейни и всех фундаменталистов, Скрэг.

– Да. Но задирать Хомейни он все равно не посмеет. Это нам не поможет.

– Это нам не повредит. – Гэваллан чувствовал себя очищенным закатом. – Я планирую зафрахтовать пару грузовых семьсот сорок седьмых, перегнать их сюда, и когда наши вертолеты прибудут, мы снимем с них лопасти, до упора набьем их утробы и двинем отсюда на всех парах. Быстрота – ключ к успеху. И планирование.

Скрэггер присвистнул:

– Ты и в самом деле намерен проверить это?

– Я и в самом деле намерен посмотреть, сможем ли мы проверить это, Скрэг, и каковы наши шансы. Дело самое серьезное, если мы потеряем все наши иранские вертолеты, оборудование и запчасти, мы закроемся. Страховки у нас никакой нет, и мы по-прежнему должны платить по своим счетам. Ты партнер, ты можешь сам посмотреть все цифры сегодня вечером. Я привез их тебе. И Маку.

Скрэггер подумал о своей доли в компании – все, что он имел, – и о Нелл, своих детях и их общих детях в Сиднее, и о ферме в Балдуне, которая в течение ста лет была их семейным хозяйством по разведению овец и коров, которую они потеряли во время великой засухи и к которой он присматривался уже много-много лет, мечтая снова ее выкупить.

– Энди, мне не нужно на цифры смотреть. Если ты говоришь, что дело плохо, значит плохо. – Он рассматривал рисунки облаков на небе. – Я тебе вот что скажу: я позабочусь о Бендер-Ленге, если ты сможешь придумать план и если остальные согласятся. После ужина мы, может быть, с часок сможем поговорить о технической стороне вопроса, а потом за завтраком закончим. Касиги не вернется из Кувейта раньше девяти утра. Мы расставим все по местам.

– Спасибо, Скрэг. – Гэваллан хлопнул его по плечу, возвышаясь над ним. – Я чертовски рад, что ты оказался здесь, чертовски рад, что ты был с нами все эти годы. Впервые я начинаю думать, что у нас есть шанс и что я не занимаюсь пустыми мечтами.

– Одно условие, старина, – добавил Скрэг.

Гэваллан тут же насторожился:

– Я не могу помочь с твоим медицинским освидетельствованием, если там что-то окажется не в порядке. Никак не смо...

– Может, помолчишь? – Скрэггер был задет за живое. – Это не имеет отношения к Грязному Дункану и моему медосмотру. Там все будет нормально, пока мне не стукнет семьдесят три. Нет, мое условие касается сегодняшнего ужина: ты посадишь меня рядом с Паулой Светозарной, затем Дженни, Мануэлу – рядом со мной с другой стороны, а этого приплясывающего от возбуждения венгра Шандора – в дальнем конце стола рядом с Джоном Хоггом.

– Идет!

– Ладушки! Так что ты, приятель, не волнуйся, меня на пяти войнах дрючило достаточное число генералов, чтобы я чему-то научился. Пора переодеться к ужину. – Эти разговоры

про Бендер-Ленге уже становились скучными, тут и думать нечего. Он пружинящей походкой зашагал прочь, худой и стройный.

Гэваллан протянул кредитку улыбающемуся официанту-палестинцу.

– Это не нужно, сахиб, пожалуйста, просто подпишите счет, – сказал официант, потом тихо добавил: – Если мне будет позволено дать совет, эфенди, когда будете расплачиваться, не пользуйтесь «Америкэн экспресс», для администрации это самая дорогая карта.

Озадаченный, Гэваллан оставил чаевые и ушел.

На другом конце террасы два человека наблюдали, как он уходит. Оба были хорошо одеты, обоим было за сорок, один – американец, другой – житель Ближнего Востока. У обоих в ушах были вставлены крошечные телефоны. Ближневосточный житель поигрывал старомодной перьевой ручкой, и, когда Гэваллан проходил мимо хорошо одетого араба и очень привлекательной европейской девушки, увлеченно беседовавших друг с другом, человеку с перьевой ручкой стало любопытно, он направил ее в их сторону и перестал ею поигрывать. Тут же оба они услышали в своих наушниках:

– Дорогая, пятьсот долларов – это гораздо выше рыночной цены, – говорил мужчина.

– Это зависит от того, какие рыночные силы действуют в вашем отношении, мой дорогой, – ответила она с приятным центральноевропейским выговором, и они увидели, как она ласково улыбнулась. – Гонорар включает самое качественное шелковое белье, которое вы желаете порвать на куски, и щуп, который вы просите вставить, когда наступит ваш момент истины. Опыт есть опыт, и особые услуги требуют особого обращения. Если ваше расписание оставляет только время с шести до восьми завтра вечером...

Голоса исчезли, когда человек повернул колпачок и положил ручку на стол с кривой усмешкой. Это был красивый мужчина, занимавшийся импортом-экспортом ковров ручной работы, как и многие поколения его предков, получивший образование в Америке. Его звали Аарон бен Аарон, его основная работа – майор израильской специальной разведки.

– Никогда бы не подумал, что Абу бин Талак такой шалун, – сухо произнес он.

Его собеседник хмыкнул:

– Они все с выкрутасами. А вот девушку я бы за проститутку не принял.

Длинные пальцы Аарона поигрывали ручкой, он все никак не мог с ней расстаться.

– Славная штучка, Гленн, экономит уйму времени. Жаль, что у меня не было такой несколько лет назад.

– В этом году КГБ выпустил новую модель, работает на сто шагов. – Гленн Вессон сделал глоток бурбона со льдом. Он был американцем, много лет торговал нефтью. Его настоящая профессия – штатный сотрудник ЦРУ. – Она не такая миниатюрная, как эта, но очень эффективна.

– А ты мог бы раздобыть нам несколько штук?

– Вам самим это легче сделать. Просто вашим ребятам надо поговорить с Вашингтоном. – (Они увидели, как Гэваллан исчез в холле отеля.) – Интересно.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Аарон.

– Что мы могли бы бросить Британскую вертолетную компанию на растерзание волкам Хомейни в любой момент – вместе со всеми их пилотами. Этого было бы достаточно, чтобы Талбот треснул от расстройства, и Роберт Армстронг, и вся Эм-ай-6, так что идея, в общем-то, неплохая. – Вессон негромко рассмеялся. – Талботу время от времени нужно вставлять покрепче. А что за проблема с «С-Г»? Ты полагаешь, они прикрыты для Эм-ай-6?

– Мы точно не знаем, что они собой представляют, Гленн, но подозреваем как раз обратное, вот почему я и считал, что тебе это тоже следует послушать. Слишком много совпадений. На поверхности все чисто, при этом у них работает французский пилот Сессон, который спит – и содержит – с Сайадой Бертолен, тайным курьером ООП с широкими связями; у них есть

финн Эрикки Йокконен, тесно связанный с Абдолла-ханом, который точно является двойным агентом и больше склоняется на сторону КГБ, чем на нашу, к тому же он яростный антисемит. Йокконен в большой дружбе с сотрудником финской разведки Кристианом Толлоненом, который подозрителен по определению, семейные связи Йокконена в Финляндии сделали бы его идеальным супертайным агентом Советов. До нас только что долетел шепоток, что он со своим двести двенадцатым сейчас на Сабалане, помогает Советам демонтировать оборудование на ваших секретных точках радиолокационного наблюдения, разбросанных по всем горам.

– Господи! Ты уверен?

– Нет, я же сказал, шепоток долетел. Но мы проверяем эту информацию. Потом этот канадец Лочарт. Лочарт через свою жену входит в семью известного базаари и антисиониста, прямо сейчас в его квартире проживают агенты ООП, он...

– Да, но мы слышали, что квартиру реквизируют, и не забывай: он попытался помочь этим прошахским и произраильским офицерам бежать.

– Да, но их все равно сбили, они все мертвы, а вот он любопытным образом уцелел. Валик и генерал Селади наверняка были бы в числе приближенных к любому кабинету в изгнании или даже входили бы в него. Мы потеряли еще двух очень ценных людей. Лочарт под подозрением, его жена и ее семья – за Хомейни, а это означает – против нас. – Аарон сардонически ухмыльнулся. – Разве мы не самый великий Сатана после вас? Далее: американец Старк помогает отбить нападение федаинов на Бендер-Дейлем, становится очень большим другом еще одного фанатика, Затаки, бешеного врага шаха и Израиля, кото...

– Кого?

– Вооруженного борца с шахским режимом, интеллектуала, мусульманина-суннита, который организовал забастовки на нефтяных промыслах Абадана, взорвал три полицейских участка и сейчас возглавляет Революционный комитет Абадана и скоро покинет этот мир. Выпьешь еще что-нибудь?

– Конечно, спасибо. То же самое. Ты упомянул Сайаду Бертолен. Мы тоже за ней приглядываем. Полагаешь, ее можно перевербовать?

– Я бы не доверял ей. Лучшее, что можно сделать, – это просто следить за ней и посмотреть, на кого она нас выведет. Мы разыскиваем ее контролирующего – пока безуспешно. – Аарон сделал заказ для Вессона и попросил водки для себя. – Возвращаясь к «С-Г». Итак, Затаки – враг. Старк говорит на фарси, как и Лочарт. Оба вращаются в дурной компании. Дальше, Шандор Петрофи: венгерский диссидент, у которого семья по-прежнему живет в Венгрии, еще один потенциальный агент КГБ или как минимум орудие в их руках. Руди Луц, немец, чьи близкие родственники живут за «железным занавесом», всегда на подозрении, Нойхтрайтер в Бендер-Ленге – то же самое. – Он кивнул в сторону столика, за которым сидел Скрэггер. – Старик – просто обученный убийца, наемник, которого можно с одинаковым результатом натравить на нас, на вас, на кого угодно. Гэваллан? Тебе следует сказать вашим людям в Лондоне, чтобы они начали за ним присматривать. Не забывай, это он нанял всех остальных, и не забывай, он британец. Вполне возможно, вся его организация – это прикрытие для КГБ и...

– Ну уж нет! – отрезал Вессон, почувствовав внезапное раздражение. Черт подери, думал он, почему эти ребята такие параноики, даже старина Аарон, лучший из всех, что есть. – Все это слишком притянута за уши. Невозможно.

– Почему же нет? Он вполне мог бы водить вас за нос. Британцы в этом деле большие мастера. Как Филби, Маклин, Блейк и все остальные.

– Как Кросс. – Губы Вессона растянулись в узкую улыбку. – В этом ты прав, старина.

– Кто?

– Роджер Кросс. Лет десять назад он был мистером Супершпионом, но так глубоко законспирированным, прикрытым и замаскированным, как это умеют только англичане. Он один из Клуба старых друзей, гнуснейших предателей, какие когда-либо бывали.

– А кем был Кросс?

– Бывшим боссом и другом Армстронга со времени его работы в гонконгской специальной службе в старые времена. Официально – мелкий заместитель директора в Эм-ай-6, а на самом деле – главный в их суперподразделении, специальной разведке, предатель, которого прикончил КГБ по его собственной просьбе как раз перед тем, как мы собирались взять этого сукина сына.

– У вас есть доказательства, что они его устранили?

– Конечно. Отравленная стрела с близкого расстояния, стандартная процедура, это его и отправило к праотцам. Мы загнали его в угол, ему ни за что бы не удалось выкрутиться, как остальным. Мы держали его в руках, тройного агента. В то время у нас был свой человек в советском посольстве в Лондоне, парень по имени Броднин. Он сдал нам Кросса и исчез, бедолага, должно быть, кто-то его вычислил.

– Эти проклятые британцы, они плодят шпионов, как вшей.

– Неправда, у них есть и ребята, которые их замечательно ловят. Предатели есть у всех нас.

– У нас нет.

– Не зарекайся, Аарон, – угрюмо произнес Вессон. – Предателей полно повсюду: со всеми этими утечками информации в Тегеране до и после отъезда шаха, в нашем лагере должен быть еще один предатель где-то наверху.

– Талбот или Армстронг?

Вессон поморщился:

– Если это один из них, нам тогда лучше сразу уйти на пенсию.

– Именно этого враг от вас и добивается: сложить руки и обратиться к чертям с Ближнего Востока. Мы не можем, поэтому думаем иначе, – сказал Аарон, его глаза были темными и холодными, лицо – замкнутым, он внимательно смотрел на американца. – Кстати, почему нашему старому другу полковнику Хашеми Фазиру должно сойти с рук убийство новой караванной джандарма САВАМА, генерала Джанана?

Вессон побледнел:

– Джанан мертв? Ты уверен?

– Заминированный автомобиль, вечером в понедельник. – Глаза Аарона прищурились. – С чего такая печаль? Он что, был одним из ваших?

– Мог бы быть. Мы... э-э... вели переговоры. – Вессон поколебался, потом вздохнул. – Но Хашеми еще жив? Мне казалось, он в списке Революционного комитета на вынесение срочного приговора.

– Он был в нем, теперь нет. Сегодня утром я слышал, что его имя вычеркнули, звание подтвердили, внутренняя разведка восстановлена – предположительно, с одобрения, поступившего сверху. – Аарон пригубил водку. – Если он опять в милости после всего, что сделал для шаха и для нас, то должен иметь очень высокого покровителя.

– Кого? – Вессон увидел, как его собеседник пожал плечами, скользнув взглядом по террасам, и его улыбка исчезла. – Это могло бы означать, что он работал на аятоллу все это время.

– Может быть. – Аарон опять принялся поигрывать ручкой. – Еще один любопытный факт. Во вторник Хашеми видели садящимся в сто двадцать пятый компании «С-Г» в аэропорту Тегерана вместе с Армстронгом. Они летали в Тебриз и вернулись оттуда часа через три с небольшим.

– Будь я проклят!

– И что все это в итоге дает?

– Господи, не знаю, но думаю, нам лучше это выяснить. – Вессон еще больше понизил голос. – Одно можно сказать наверняка: если Хашеми удалось снова оказаться в фаворе, ему точно известно, где зарыты очень большие и важные собаки. Такая информация была бы крайне ценной... крайне ценной, скажем, для шаха.

– Шаха? – Губы Аарона начали было растягиваться в улыбку, но замерли, когда он увидел выражение лица Вессона. – Вы не можете серьезно думать, что у шаха есть шансы вернуться?

– И не такое бывало, старина, – с уверенным видом произнес Вессон и прикончил выпивку. Почему эти ребята никак не могут понять, что творится в мире? – думал он. Пора им поумнеть, перестать быть такими зашоренными насчет Израиля, ООП и всего Ближнего Востока и дать нам место для маневра. – Конечно же, у шаха есть шанс, хотя я поставил бы на его сына. Как только Хомейни убьют и похоронят, начнется гражданская война, армия возьмет власть в свои руки и им понадобится фигура вождя. Из Резы получится великий конституционный монарх.

Аарон бен Аарон с трудом убрал с лица недоумение, пораженный тем, что Вессон до сих пор мог быть таким наивным. После всех тех лет, что ты провел в Иране и в странах Персидского залива, рассуждал он, как ты до сих пор не можешь правильно понять те взрывные силы, которые раздирают Иран на части? Если бы перед ним сидел другой человек, он бы проклял Вессона за ту тупость, которую тот олицетворял, за сотни сигналов тревоги, оставленных без внимания, за горы тайных разведдонесений, собранных ценой большой крови и даже ни разу не просмотренных, за все те годы, что они умоляли политиков, генералов, разведчиков – американских и иранских, – предупреждая их о готовом вспыхнуть пожаре.

Все напрасно. Столько лет. Воля Бога, подумал он. Бог не хочет, чтобы нам было легко. Легко? За всю нашу историю нам никогда не было легко. Никогда, никогда, никогда.

Он заметил, что Вессон внимательно наблюдает за ним.

– Что?

– Подожди, сам увидишь. Хомейни – старик, он не протянет и года. Он стар, и время на нашей стороне. Погоди, сам увидишь.

– Подожду. – Аарон отложил в сторону свое желание начать яростно спорить. – А пока насущная проблема: «С-Г» может оказаться фасадом для вражеских групп. Если подумать, пилоты вертолетов, специализирующиеся на обслуживании нефтяных месторождений, являются ценным материалом для любых диверсий и саботажа, если обстановка ухудшится.

– Конечно. Но Гэваллан хочет уйти из Ирана. Ты сам слышал.

– Может, он знал, что его подслушивают, или он устраивает это для отвода глаз.

– Да полно тебе, Аарон. Думаю, с ним все в порядке, а все остальное – просто совпадение. – Вессон вздохнул. – Хорошо, я приставлю к нему людей, и он даже на унитаз не сядет, чтобы ты об этом не узнал, но, черт возьми, старина, вы, ребята, видите врагов везде: под кроватью, на потолке и под ковром.

– А почему бы нет? Их полно вокруг – известных, неизвестных, активных, выжидающих.

Аарон методично следил за всем, что происходило вокруг, проверяя вновь входящих, ожидая встретить врагов, зная об огромном количестве вражеских агентов в Эль-Шаргазе и в регионе залива. И нам известно о врагах здесь, в Старом городе и в новом городе, по дороге вниз, в Оман, и по дороге наверх, в Дубай, Багдад, Дамаск, Москву, Париж, Лондон, через океан в Нью-Йорк, к югу от обоих мысов и к северу от полярного круга, везде, где есть люди, и они не евреи. Только еврей автоматически не попадает под подозрение, да даже и в этом случае в наше время приходится быть осторожным.

Есть многие среди избранного народа, которым не нужен Сион, которые не хотят идти на войну или платить за войну, не хотят понять, что Израиль висит на волоске, когда шах, наш единственный союзник на Ближнем Востоке и единственный из всей ОПЕК поставщик нефти для наших танков и самолетов, оказался изгнанным, не хотят знать, что нас прижали спиной

к Стене Плача и мы должны сражаться и умирать, чтобы защитить данную нам Богом землю Израиля, которую мы с Божьей помощью вернули себе такой ценой!

Он посмотрел на Вессона, американец ему нравился, он прощал ему его недостатки, восхищаясь им как профессионалом, но жалея его: он не был евреем и потому оставался под подозрением.

- Я рад, что родился евреем, Гленн. Это настолько облегчает жизнь.
- Каким образом?
- Ты знаешь, чего тебе ждать.

НА ДИСКОТЕКЕ, ОТЕЛЬ «ШАРГАЗ». 23:52. В зале преобладали американцы, британцы и французы, было несколько японцев и азиатов. Европейцы, в основном мужчины от двадцати пяти до сорока пяти лет, приезжали работать в странах залива, а потому должны были быть молодыми, крепкими, предпочтительно неженатыми, чтобы выжить в этой тяжелой, лишенной женского общества обстановке. Некоторые успели выпить и вели себя шумно. Мужчины, уродливые и не слишком, страдающие от избыточного веса и не полные, но в основном поджарые, пребывали в расстроенных чувствах и были готовы взорваться, как вулкан. Встречались и жители Эль-Шаргаза и других стран залива, но только богатые, принявшие западный образ жизни, утонченные, – все мужчины. Большинство из них сидели наверху, потягивали коктейли и плотоядно оглядывали присутствовавших женщин, а те немногие, кто танцевал на небольшой площадке внизу, выделяли па с европейками: секретаршами, сотрудницами посольств, авиакомпаний, медсестрами или сотрудницами других отелей – партнерши были нарасхват. Ни одной шаргазской или арабской женщины здесь не было.

Паула танцевала с Шандором Петрофи, Дженни – со Скрэггером, а Джонни Хогг – щека к щеке с девушкой, которая была так увлечена тем разговором на террасе.

- Как долго вы здесь пробудете, Александра? – промурлыкал он.
- До следующей недели, всего до следующей недели. Потом я должна буду вернуться к мужу в Рио.
- О, но вы так молоды, чтобы быть замужем! И вы здесь одна все это время?
- Да, одна, Джонни. Это так грустно.

Он не ответил, просто чуть крепче прижал ее к себе и благословил свою судьбу за то, что поднял книгу, которую она случайно уронила в холле отеля. Пульсирующий свет на мгновение ослепил его, потом он заметил Гэваллана наверху; тот стоял у перил, мрачный, погруженный в свои мысли, и ему снова стало жаль его. Сегодня днем он с неохотой договорился для него о ночном авиарейсе в Лондон, попытавшись убедить его отдохнуть денек.

- Я знаю, что разница во времени из-за перелетов для вас – сущий ад, сэр.
- Нет, Джонни, спасибо, все нормально. Мы по-прежнему вылетаем в Тегеран в десять?
- Да, сэр. Наше разрешение, как и раньше, имеет первоочередность, и потом чартер до

Тебриза.

- Будем надеяться, что там все пройдет гладко, просто туда и обратно.
- Джон Хогг почувствовал, как девушка прижалась к нему низом живота.
- Поужинаем завтра? Я должен вернуться часам к шести.
 - Может быть. Но только не раньше девяти.
 - Превосходно.

Гэваллан некоторое время смотрел на танцующих, едва видя их, потом повернулся, спустился по лестнице и вышел на террасу первого этажа. Ночь была чудесной: огромная луна, безоблачное небо. До самой окружавшей их стены простирались акры красиво подсвеченных, прекрасно ухоженных садов, кое-где виднелись серебристые зонтики поливальных аппаратов.

«Шаргаз» был самым большим отелем в крошечном государстве, с одной стороны – море, с другой – пустыня, восемнадцатипэтажное основное здание, пять ресторанов, три бара, зал для

коктейлей, кофейня, дискотека, два плавательных бассейна, сауны, хамамы, теннисные корты, оздоровительный центр, торговая галерея с дюжиной бутиков, дорогих сувенирных лавок и магазином ковров Аарона, салоны-парикмахерские, видеотека, пекарня, электроника, комната связи с телексом, печатные машинки, все номера, включая многокомнатные, как во всех современных европейских отелях, с кондиционерами, ванными комнатами с биде со входом прямо из спален и круглосуточным обслуживанием – большей частью улыбающиеся пакистанцы, – срочная химчистка, сиюминутная глажка, цветной телевизор в каждой комнате, свой канал с кинофильмами, канал новостей фондовых рынков и спутниковая телефонная связь со всеми столицами мира.

Все верно, подумал Гэваллан, но все равно это гетто. И хотя правители Эль-Шаргаза, Дубая и Шарджи – люди либеральные и терпимые, поэтому иностранцы могут заказывать в отелях спиртное, могут даже покупать его, но да поможет вам Бог, если вы попытаетесь перепродать его мусульманину, а наши женщины могут водить машины, ходить по магазинам, гулять, нет никаких гарантий, что все это продлится и дальше. В нескольких сотнях ярдов отсюда жители Эль-Шаргаза живут так же, как жили веками, а в нескольких милях, по ту сторону границы, спиртное запрещено, женщины не могут ездить на машинах или появляться на улице в одиночку, должны покрывать волосы, руки и плечи и носить просторные шаровары, а еще дальше, в настоящей пустыне, люди существуют в слое жизни, где нет места жалости.

Несколько лет назад он взял «рейнджровер» и проводника и вместе с Мак-Ивером, Дженни и своей новой женой Морин отправился в пустыню, чтобы провести ночь в одном из оазисов на краю Руб-эль-Хали. Был прекрасный весенний день. Через несколько минут после того, как они проехали аэропорт, дорога превратилась в тропинку, которая быстро сошла на нет, и они медленно покатали по каменистой земле, накрытой голубой чашей неба. Остановились, чтобы пообедать, потом двинулись дальше, иногда по песку, иногда по камням, кружа по пустыне, где никогда не выпадал дождь и ничего не росло. Ничего. Снова вперед. Когда они остановились и выключили мотор, тишина навалилась на них, как физическое тело, солнце набросилось на них, а пространство поглотило их.

Ночь была иссиня-черной, звезды – огромными, палатки – прочными, и ковры – мягкими, и тишина вокруг стала еще глубже, пространство – еще обширнее, в голове не укладывалось, что может существовать столько пространства.

– Я ненавижу это, Энди, – прошептала Морин. – Это пугает меня до смерти.

– Меня тоже. Не знаю почему, но пугает.

Во все стороны от пальм оазиса пустыня простиралась до самого горизонта, дразнящая и неземная.

– Эта огромность словно высасывает из тебя жизнь. А представь, как это все выглядит летом!

Морин вздрогнула:

– Она заставляет меня чувствовать себя ничтожней самой маленькой песчинки. Сокрушает меня, каким-то образом забирает мое равновесие. Ладно, парень, одного раза достаточно. Мне подавай Шотландию – ну, щепотку Лондона, – а здесь ноги моей больше не будет.

И она так никогда и не вернулась. Как Нелл у Скрэгга, подумал он. Не кори их. И мужикам-то в заливе – не сахар, а уж женщинам... Он огляделся. Дженни выходила на террасу через высокую стеклянную дверь, обмахиваясь веером, выглядя гораздо моложе, чем в Тегеране.

– Привет, Энди. Ты, как всегда, оказался всех мудрее: внутри такая духота, и весь этот дым, брр!

– Я никогда особым танцором не был.

– Единственное время, когда я могу потанцевать, – это когда Дункана нет рядом. Он такой закоснелый, все время брюзжит. – Она нерешительно помолчала. – По поводу завтрашнего рейса, как думаешь, я мо...

– Нет, – мягко ответил он. – Пока еще нет. Через недельку или около того. Подожди, когда пыль уляжется.

Она кивнула, не скрывая своего разочарования:

– Что сказал Скрэг?

– Да... если остальные согласятся и план будет реальным. Мы хорошо поговорили и утром еще завтракаем вместе. – Гэваллан приобнял ее и дружески прижал к себе. – Не переживай за Мака, я прослежу, чтобы с ним все было в порядке.

– У меня для него еще одна бутылка виски, ты ведь не будешь возражать?

– Положу ее в свой дипломат. Иранское управление воздушным движением предупредило нас, что в запасах продовольствия на самолете не должно быть спиртного, но это не беда, я довезу ее на руках.

– Тогда, наверное, не стоит, не в этот раз. – Его мрачное настроение тревожило Дженни, оно было ему совсем не свойственно. Бедный Энди, всякому видно, что он места себе не находит от беспокойства. – Энди, можно мне предложить кое-что?

– Конечно, Дженни.

– Используй этого полковника и Робертса, нет, Армстронга, этих больших шишек, которых тебе приходится возить в Тебриз. Почему бы не попросить их завернуть на обратном пути в Ковисс, сказать, что тебе нужно забрать оттуда кое-какие двигатели для ремонта, а? Тогда ты сможешь поговорить с Дюком напрямую.

– Отличная мысль. Садись, пять с плюсом.

Она приподнялась на носочках и по-сестрински поцеловала его:

– Ты и сам ничего соображаешь. Ну а я возвращаюсь на поле боя. Я не пользовалась такой популярностью со времен войны. – Она рассмеялась, и он тоже. – Спокойной ночи, Энди.

Гэваллан вернулся в свой отель, стоявший рядом на той же дороге. Он не заметил людей, следивших за ним, как не заметил того, что его комнату обыскивали, все его бумаги прочли и установили прослушивающие устройства в номере и в телефоне.

Суббота
24 февраля

Глава 46

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЭРОПОРТ ТЕГЕРАНА. 11:58. Дверь пассажирского салона 125-го закрылась за Робертом Армстронгом и полковником Хашеми Фазиром. В кабине пилота Джон Хогг поднял большой палец, показывая Гэваллану и Мак-Иверу, стоявшим на бетоне рядом с машиной, что все в порядке, и покатил на взлетную полосу, направляясь в Тебриз. Гэваллан только что прибыл из Эль-Шаргаза, и это был первый момент, когда они с Мак-Ивером остались одни.

– Как дела, Мак? – спросил он.

Ледяной ветер дергал за их теплую зимнюю одежду и подымал вокруг столбики снежной пыли.

– Проблемы, Энди.

– Это я знаю. Рассказывай быстро.

Мак-Ивер наклонился ближе к нему:

– Я только что узнал, что у нас не больше недели, потом запретят все полеты в ожидании национализации.

– Что? – Гэваллан вдруг перестал ощущать холод и вообще все вокруг. – Талбот тебе сказал?

– Нет, Армстронг, несколько минут назад, когда полковник ходил в туалет и мы остались наедине. – Лицо Мак-Ивера перекосилось. – Этот ублюдок сообщил мне со своей гладкой напускной вежливостью: «Я бы не рассчитывал больше чем на десять дней, будь я на вашем месте. Неделя у вас, пожалуй, точно есть. И не забывайте, Мак-Ивер, в закрытый рот мухи не залетают».

– Бог мой, ему известно, что мы что-то планируем?

Порыв ветра забросал их колючими снежинками.

– Не знаю. Я просто не знаю, Энди.

– А что насчет НВС? Он о нем упоминал?

– Нет. Когда я спросил у него про эти бумаги, он сказал лишь: «Они в надежном месте».

– Он не говорил, когда мы сегодня должны встретиться?

Мак-Ивер покачал головой:

– «Если вернусь вовремя, то свяжусь с вами». Сволочь! – Он резко распахнул дверцу автомобиля.

В смятении Гэваллан смахнул снег с куртки и скользнул в приятное тепло. Стекла машины запотели. Мак-Ивер включил обогреватель стекол и поставил обдув на максимум, печка уже работала на полную, потом он пихнул в щель магнитофонную кассету, сделал звук погромче, выругался, убавил его снова.

– Что еще не так, Мак?

– Да практически все! – выпалил Мак-Ивер. – Эрикки похитили Советы или КГБ, и он торчит где-то на севере возле турецкой границы со своим двести двенадцатым, занимаясь бог знает чем... Ноггер думает, что его заставили помогать им потрошить тайные американские пункты радиолокационного слежения. Ноггер, Азаде, два наших механика и британский капитан едва успели унести ноги из Тебриза, спасая свои жизни. Они вернулись вчера и сейчас сидят у меня в квартире. По крайней мере, сидели, когда я уходил сегодня утром. Бог мой, Энди, ты бы видел их состояние, когда они появились! Капитан оказался тем же самым, который спас Чарли в Дошан-Талпехе и которого Чарли тогда подкинул до Бендер-Энзили...

– Что он сделал?

– Это была тайная операция. Парень – капитан в гуркхском полку, его зовут Росс, Джон Росс, от него и от Азаде трудно было добиться чего-то толкового, Ноггер тоже был изрядно возбужден. Сейчас они, по крайней мере, в безопасности, но... – Голос Мак-Ивера вдруг сорвался. – Извини, что приходится говорить тебе это, но мы потеряли механика в Загросе, Долбаря Джордона, его застрелили, и...

– Боже милостивый! Старик Долбарь мертв?

– Да... да, боюсь, что так, и твоего сына задело... несильно, – торопливо добавил Мак-Ивер, когда Гэваллан побледнел. – Скот в порядке, с ним все нормально...

– Насколько несильно?

– Пуля прошла навывлет через правое плечо. Кость не задета, только мягкие ткани... Жан-Люк сказал, что у них есть пенициллин, медик, рана чистая. Скот не сможет завтра вести двести двенадцатый в Эль-Шаргаз, поэтому я попросил Жан-Люка заменить Скота и забрать

его с собой, потом вернуться в Тегеран со сто двадцать пятым, и мы перебросим его назад в Ковисс.

– Что, черт подери, там произошло?

– Точно не знаю. Сегодня утром я получил сообщение от Старка, который только что услышал обо всем от Жан-Люка. Похоже, в Загросе действуют террористы. Думаю, та же шайка, которая напала на «Белиссиму» и «Розу». Они, должно быть, прятались в засаде в лесу вокруг базы. Долбарь Джордон и Скот загружали запчасти в двести двенадцатый сегодня после рассвета, и по ним открыли огонь. Бедному старине Долбарю досталась большая часть пуль, а Скоту – только одна... – Увидев лицо Гэваллана, Мак-Ивер снова поспешил добавить: – Жан-Люк заверил меня, что Скот вне опасности, Энди, Богом клянусь!

– Я думал не только о Скоте, – тяжело произнес Гэваллан. – Долбарь был с нами почти с самого начала... У него ведь вроде трое детишек?

– Да, да, это так. Ужасно. – Мак-Ивер отпустил сцепление и аккуратно повел машину по снегу к зданию управления компании. – Они все еще в школе учатся, если не ошибаюсь.

– Я сделаю что-нибудь для них сразу же, как только вернусь. Продолжай про Загрос.

– Да больше рассказывать особенно нечего. Тома Лочарта там в тот момент не было: ему пришлось переночевать в Ковиссе из-за пятницы. Жан-Люк сказал, что никого из нападавших они не видели, никто не видел, выстрелы были сделаны прямо из леса. На базе в любом случае царил полная неразбериха, все вертолеты работают сверхурочно, доставляя людей с буровых, разбросанных по всей округе, и потом партиями переправляя их в Шираз, все торопятся успеть до крайнего срока, который наступает завтра на закате.

– Они успевают?

– Более-менее. Мы вывезли всех нефтяников и всех наших ребят, переправили самые ценные запчасти и все вертолеты в Ковисс. Вспомогательное оборудование на буровых придется оставить, но это не наша забота. Один Бог знает, что станет с буровыми и с базой без присмотра.

– Все площадки опять зарастут и одичают.

– Согласен, столько трудов коту под хвост! Полный идиотизм! Я спросил полковника Фазира, может ли он что-нибудь сделать. Этот сукин сын просто улыбнулся своей гнусной улыбочкой и сказал, что сейчас очень трудно выяснить, какого черта происходит даже в соседнем кабинете здесь, в Тегеране, не говоря уже о том, что творится так далеко на юге. Я у него спрашиваю, как насчет комитета в аэропорту, может, они смогли бы помочь? Он говорит, нет, комитеты почти ни с кем не поддерживают никаких связей, даже здесь, в Тегеране. Дословно: «Там, в горах Загрос, среди полудивилизованных кочевников и горцев, если у вас нет автомата и вы не иранец, предпочтительно аятолла, вам лучше всего делать то, что они говорят». – Мак-Ивер закашлялся и нервно высморкался. – Этот сукин сын говорил серьезно, не смеялся над нами, Энди. При этом нельзя сказать, что он и не радовался.

Гэваллан был обескуражен: столько вопросов нужно задать, на столько ответить, все под угрозой, и здесь, и дома. Неделя до Судного дня? Слава богу, что Скот... Бедняга Долбарь, жалко старикана... Боже Всемогущий, в Скота стреляли! Он угрюмо посмотрел в ветровое стекло и увидел, что они приближаются к грузовой зоне.

– Останови машину на минутку, Мак, нам лучше поговорить без свидетелей.

– Извини, да, я не очень ясно соображаю.

– Ты в порядке? Я имею в виду здоровье?

– О, с этим все нормально, вот только от кашля надо избавиться... Просто... просто мне страшно. – Мак-Ивер произнес это ровным голосом, но его признание вонзилось в Гэваллана, как заточка. – Все вышло из-под контроля, я уже потерял одного человека, НВС по-прежнему висит над нашими головами, старина Эрикки в опасности, мы все в опасности, «С-Г» и все, ради чего мы работали. – Он в раздражении подергал рулевое колесо. – С Джен все хорошо?

– Да, да, с ней все в порядке, – терпеливо ответил Гэваллан, переживая за него. Он уже второй раз отвечал сегодня на этот вопрос. Мак-Ивер задал его, едва он спустился по трапу 125-го. – Дженни в полном порядке, Мак, – сказал он, повторяя то, что сообщил ему раньше. – Я привез от нее письмо, она разговаривала и с Хэмишем, и с Сарой, в обеих семьях все слава богу, а у крошки Ангуса прорезался первый зубик. Дома все хорошо, все в добром здравии, и у меня в дипломате бутылка «Лох-Вая» от нее. Она пыталась улестить Джонни Хогга и пролезть в самолет – просила спрятать ее в туалете, мол, я и не замечу, – даже после того, как я сказал ей «нет, прошу прощения». – Впервые на лице Мак-Ивера появилось подобие улыбки.

– С Джен в два счета не сладишь, это точно. Я рад, что она там, а не здесь, очень рад, любопытно, однако, как начинаешь по ним скучать. – Мак-Ивер смотрел прямо перед собой. – Спасибо, Энди.

– Не за что. – Гэваллан подумал минуту. – А зачем отправлять с двести двенадцатым Жан-Люка? Почему не Тома Лочарта? Разве было бы не лучше вытащить его отсюда?

– Разумеется, лучше, но он отказывается уезжать из Ирана без Шахразеды... Тут еще одна проблема. – Музыка на кассете доиграла до конца стороны, он перевернул кассету и включил снова. – Я не могу ее разыскать. Том тревожится за нее, попросил меня съездить в дом ее семьи возле базара, что я и сделал. Сколько ни стучал, никто не отозвался, похоже, там не было ни одного человека. Том уверен, что она ходила на эту женскую демонстрацию.

– Господи! Мы слышали про волнения и аресты по Би-би-си и про нападения полоумных фанатиков на некоторых женщин. Ты думаешь, она в тюрьме?

– Всем сердцем надеюсь, что нет. Ты слышал про ее отца? А, ну конечно, я же сам тебе рассказывал в твой прошлый приезд. – Мак-Ивер рассеянно протер лобовое стекло рукавом. – Что ты хочешь делать? Подождать здесь, пока самолет не вернется?

– Нет. Давай съездим в Тегеран. У нас есть время? – Гэваллан посмотрел на часы – 12:25.

– О да. Тут целый груз «лишних» запчастей, которые нужно будет погрузить на борт. Время у нас будет, если поехать прямо сейчас.

– Хорошо. Я бы хотел повидать Азаде и Ноггера... и этого парня Росса. И особенно Талбота. Мы могли бы проехать мимо дома Бакравана, попытаться счастья еще раз. А?

– Хорошая мысль. Я рад, что ты здесь, Энди, очень рад. – Мак-Ивер отпустил сцепление, колеса с визгом крутанулись на снегу.

– Я тоже, Мак. Вообще-то, я и сам никогда не чувствовал себя так хреново.

Мак-Ивер кашлянул и прочистил горло.

– Плохие новости из дома?

– Да. – Гэваллан рассеянно протер запотевшее боковое стекло тыльной стороной перчатки. – В понедельник назначено специальное заседание совета «Струанз». Мне нужно будет дать ответы по Ирану. Чертовски неприятно все это!

– Линбар там будет?

– Да. Этот ублюдок точно нацелился пустить Благородный Дом по миру. Глупо расширяться в Южной Америке, когда Китай вот-вот откроется для всего мира.

Мак-Ивер нахмурился, уловив новую натянутость в голосе Гэваллана, но промолчал. Многие годы он знал об их соперничестве и обоюдной ненависти, об обстоятельствах смерти Дэвида Мак-Струана и том, как все в Гонконге удивились, когда Линбар получил высшую должность. У него оставалось немало друзей в колонии, которые присылали ему вырезки с последними новостями или слухами – животворной кровью Гонконга – о Благородном Доме и его соперниках. Но он никогда не обсуждал их со своим старым другом.

– Прости, Мак, – как-то раз резко сказал Гэваллан, – не хочу обсуждать подобные вещи или то, что происходит с Иэном, Линбаром, или Квилланом, или кем-то еще, кто имеет отношение к Благородному Дому. Официально я больше не связан с Благородным Домом. Давай на этом и остановимся.

Ну и ладно, подумал тогда Мак-Ивер и продолжал хранить молчание на этот счет. Он искоса взглянул на Гэваллана на соседнем сиденье. Годы милостиво обошлись с Энди, сказал Мак-Ивер себе, он до сих пор выглядит все таким же импозантным мужчиной, даже несмотря на все его нынешние проблемы.

– Не о чем беспокоиться, Энди. Ничего такого, с чем бы ты не справился.

– Хотел бы я сейчас в это верить, Мак. Семь дней – это огромная проблема для нас, не так ли?

– Ну, это еще мягко сказа... – Мак-Ивер заметил, что датчик топлива замигал на нуле, и разразился проклятиями. – Кто-то, должно быть, слил бензин из бака, пока машина была на стоянке. – Он остановил машину, вышел на несколько секунд, потом вернулся и с треском захлопнул дверцу. – Замок сломал, гад проклятый! Мне придется заправиться. По счастью, у нас еще есть несколько бочек бензина, и в подземной цистерне вертолетного топлива наполовину на случай чрезвычайной ситуации.

Он замолчал, его мысли осаждали Джордон, Загрос, НВС и семь оставшихся дней. Кого мы потеряем следующим? Он уже начал чертыхаться про себя, когда услышал внутри голос Дженни: «У нас все получится, если мы захотим, мы сможем, я знаю, что мы сможем...»

Гэваллан думал о своем сыне. Я не успокоюсь, пока не увижу его своими глазами. Завтра, если повезет. Если Скот не вернется до моего самолета в Лондон, я сдам билет и полечу в воскресенье. И мне каким-то образом нужно суметь встретиться с Талботом. Может быть, он сможет чем-то помочь. Бог ты мой, всего семь дней...

Времени на заправку у Мак-Ивера ушло всего ничего, он вылетел с территории аэропорта и влился в поток машин. Огромный транспортный самолет ВВС США зашел на посадку совсем низко над ними.

– Они обслуживают примерно пять-шесть сот сорок седьмых «боингов» в день, все еще с помощью военных диспетчеров, «под присмотром» «зеленых повязок», каждый кому не лень отдает приказы, отменяет приказы, отданные другими, и никто никого все равно не слушает, – сказал Мак-Ивер. – «Британские авиалинии» пообещали мне три места на каждом их рейсе для наших британцев – с багажом. Они надеются проталкивать сюда свой шестьсот сорок седьмой каждый второй день.

– А что они хотят взамен?

– Бриллианты короны! – сказал Мак-Ивер, попробовав немного развеять их угнетенное состояние, но шутка не удалась. – Нет, Энди, ничего не хотят. Здешний директор «Британских авиалиний» Билл Шусмит – классный мужик и здорово справляется со своим делом. – Он резко крутанул руль, объезжая сгоревший автобус, лежавший на боку и перекрывавший половину дороги так, словно был аккуратно припаркован. – Сегодня женщины снова выходят на демонстрацию. По слухам, они собираются делать это каждый день, пока Хомейни не уступит.

– Если они будут держаться все вместе, ему придется.

– Я уже не знаю, что думать в эти дни. – Некоторое время Мак-Ивер вел машину молча, потом дернул большим пальцем в сторону прохожих, шагавших туда и сюда. – Эти, похоже, знают, что в мире все в порядке. Мечети забиты народом, марши в поддержку Хомейни собирают огромные толпы, «зеленые повязки» бесстрашно сражаются с левыми, левые так же бесстрашно сражаются с «зелеными повязками». – Он сипло закашлялся. – Наши сотрудники, ну, они просто кормят меня обычной иранской лестью и вежливостью, и никогда не знаешь, что у них на самом деле на уме. В одном только можно быть уверенным: все они хотят, чтобы мы убралась отсюда В-О-Н! – Мак-Ивер свернул на тротуар, чтобы избежать лобового столкновения с машиной, которая выскочила на встречную полосу и, громко сигналив, неслась на скорости, слишком высокой для скользкой от снега дороги, потом покатылся дальше. – Чертов полудурок! – выругался он. – Если бы не тот факт, что я люблю свою «Лулу», я бы махнул ее

на битый-перебитый пикап и показал бы этим обормотам, где раки зимуют! – Он посмотрел на Гэваллана и улыбнулся. – Энди, я очень рад, что ты здесь. Спасибо. Мне теперь лучше. Извини.

– Нет проблем, – спокойно ответил Гэваллан, но внутри у него все кипело. – Как насчет «Шамала»? – спросил он, не в силах больше держать это в себе.

– Ну, семь там дней или семьдесят... – Мак-Ивер ловко свернул, избежав еще одной аварии, вернул встречному водителю его неприличный жест, потом опять двинулся дальше. – Давай притворимся, что все согласны и мы могли бы нажать кнопку, если бы захотели, в день «Д», через семь дней... Нет, Армстронг сказал, нам лучше не рассчитывать больше чем на неделю, поэтому давай скажем, шесть дней, считая от сегодняшнего, в следующую пятницу. Пятница все равно подходит лучше всего, так?

– Потому что это их священный день. Да, я тоже об этом подумал.

– Тогда, перекраивая то, что мы тут с Чарли наработали, получается следующее: фаза первая – с сегодняшнего дня мы вывозим из Ирана всех своих иностранцев и все запчасти, какие сможем, любым возможным способом, сто двадцать пятым, машинами через Ирак и Турцию и как багаж и избыточный багаж через «Британские авиалинии». Как-нибудь я добьюсь от Билла Шусмита увеличения числа мест на их бортах для наших людей и преимущественного права пользования грузовым пространством. Мы уже вывезли два двести двенадцатых «для ремонта», и третий должен вылететь из Загроса завтра. У нас остается пять птичек здесь, в Тегеране: один двести двенадцатый, два двести шестых и два «алуэтта». Мы пошлем двести двенадцатый и «алуэтты» в Ковисс якобы в ответ на просьбу Мастака, хотя зачем они могут ему понадобиться, один Бог знает. Дюк говорит, у них и те, что есть, не все задействованы. В любом случае оставим здесь два двести шестых для отвода глаз.

– Оставим их?

– Нам все равно никак не удастся вывезти все вертолеты, Энди, сколько бы времени у нас ни было. Так, за двое суток до дня «Д», в следующую среду, последние из наших иностранцев, которые работают в управлении, – Чарли, Ноггер, оставшиеся пилоты и механики и я – садятся в сто двадцать пятый, у которого рейс в этот день, и со всем скарбом перебираются в Эль-Шаргаз, если только, конечно, нам не удастся вывезти кого-нибудь из них раньше на рейсах «Британских авиалиний». Не забывай, мы должны сохранять свой численный состав, на каждого выехавшего один прибывший. Дальше мы...

– Как насчет бумаг, разрешений на выезд?

– Я постараюсь достать бланки у Али Киа. Мне понадобятся несколько незаполненных швейцарских чеков: он принимает пешкеш, но он еще и член правления. Али Киа очень умен, горяч и жаден, но вот шкуркой своей рисковать не любит. Если с ним не получится, значит на сто двадцать пятый будем пробираться, рассовывая пешкеш людям в самом аэропорту. Наше объяснение для партнеров, Киа или кого там угодно, когда они обнаружат, что мы исчезли, будет заключаться в том, что ты созвал срочное совещание в Эль-Шаргазе. Объяснение не слишком убедительное, но это значения не имеет. На этом фаза первая заканчивается. Если нам не дадут уехать, это будет означать конец операции «Шамал», потому что тогда нас используют в качестве заложников, чтобы вернуть все вертолеты, а я знаю, что ты не согласишься пожертвовать нами. Фаза вторая: мы налажи...

– А как быть со всем твоим имуществом? И имуществом всех ребят, у которых есть дома или квартиры в Тегеране?

– Компания должна будет выплатить справедливую компенсацию. Это должно стать частью расчета прибыли и убытков по «Шамалу». Договорились?

– Во что все это выльется, Мак?

– В не слишком большую сумму. У нас нет других вариантов, кроме выплаты компенсации.

– Да, да, я согласен.

– Фаза вторая: мы налаживаем бизнес в Эль-Шаргазе, где к этому времени уже произойдет несколько вещей. Ты договоришься о прибытии в Эль-Шаргаз грузовых семьсот сорок седьмых. Они должны быть там в полдень в день «Д» минус один. Далее, к этому времени Старк каким-то образом тайно припрятает достаточно бочек с горючим, чтобы они могли перелететь через залив. Кто-нибудь еще припрятает дополнительные запасы топлива на каком-нибудь богом забытом островке у берегов Саудовской Аравии или Эмиратов, если оно ему понадобится, и для Руди и его ребят из Бендер-Дейлема, которым оно точно понадобится. У Скрэга проблем с топливом не возникнет. Тем временем ты договоришься об английских регистрационных номерах для всех птичек, которые мы планируем «экспортировать», и получишь разрешения на пролет через воздушное пространство Кувейта, Саудовской Аравии и Эмиратов. Я руковожу фактическим проведением операции «Шамал». На рассвете дня «Д» ты говоришь мне «да» или «нет». Если «нет», то это решение окончательное. Если «да», то я имею право отменить приказ на исполнение, если сочту, что это будет разумно, тогда мое решение тоже становится окончательным. Договорились?

– С двумя условиями, Мак: ты проконсультируешься со мной до того, как отменишь операцию, как и я проконсультируюсь с тобой до этого по поводу «да» или «нет». И второе: если у нас не получится провести операцию в день «Д», мы попробуем еще раз в день «Д» плюс один и в день «Д» плюс два.

– Хорошо. – Мак-Ивер сделал глубокий вдох. – Фаза третья: на рассвете в день «Д» или день «Д» плюс один или плюс два – думаю, три дня – это максимум, что мы сможем продержаться, – мы передаем по радио закодированное сообщение, которое означает «Поехали!». Все три базы подтверждают получение, и тут же все приготовленные к побегу птички поднимаются в воздух и направляются в Эль-Шаргаз. Вероятно, разница во времени между прибытием машин Скрэга и последними птичками, скорее всего машинами Дюка, составит часа четыре, если все пройдет нормально. Как только машины садятся где угодно за территорией Ирана, мы заменяем иранские регистрационные номера британскими, и это дает нам отчасти законный статус. Сразу же, как только они прибывают в Эль-Шаргаз, мы загружаем семьсот сорок седьмые и улетаем в голубую даль со всеми на борту. – Мак-Ивер выдохнул. – Все просто.

Гэваллан ответил не сразу, перебирая в уме детали плана, видя его многочисленные дыры – огромное пространство для всяческих опасностей.

– План хороший, Мак.

– Нет, Энди, он совсем не хороший.

– Вчера я виделся со Скрэгом, и у нас с ним был длинный разговор. Он говорит, что «Шамал» для него осуществим, и он согласен, если мы решим это проверить. Он пообещал осторожно прозондировать остальных за этот уик-энд и дать мне знать, но он уверен, что в нужный день сумеет вывезти своих птичек и ребят.

Мак-Ивер кивнул, но больше не сказал ничего, просто вел машину – подмороженная дорога была опасно скользкой, – ныряя в узкие проулки, чтобы избежать основных улиц, которые, как он знал, будут запружены.

– Мы уже недалеко от базара.

– Скрэг сказал, что в следующие несколько дней у него, возможно, получится слетать в Бендер-Дейлем и повидать Руди, аккуратно поговорить с ним – письма писать слишком рискованно. Кстати, он передал мне записку для тебя.

– Что в ней говорится, Энди?

Гэваллан потянулся на заднее сиденье за своим дипломатом, нашел нужный конверт и надел очки для чтения:

– Адресовано Г. Д. капитану Мак-Иверу, эсквайру.

– Он у меня дождется, когда-нибудь я всыплю ему по полной за этого Грязного Дункана, – пробормотал Мак-Ивер. – Читай.

Гэваллан вскрыл конверт, вынул оттуда лист бумаги с прикрепленным к нему еще одним листом и крикнул.

– В записке значится: «Кукиш с маслом». К ней прикреплен медицинский отчет... – он прищурился, – подписанный доктором Дж. Гернином, консульство Австралии в Эль-Шаргазе. Старый сукин сын прозвенел на норму и по холестерину, и по сахару, давление сто тридцать на восемьдесят пять... Да у него тут вообще все в норме, черт возьми! И есть приписка, сделанная рукой Скрэга: «Я еще сам привезу тебя на свой долбаный семьдесят третий день рождения, старый хрен!»

– Надеюсь, что привезет, гаденыш, да только вряд ли, время работает против него. У не... – Мак-Ивер осторожно затормозил. Их улица выходила на площадь перед базарной мечетью, но выезд был запружен кричащими людьми, многие из которых размахивали оружием. Не было места ни свернуть, ни объехать их, поэтому Мак-Ивер замедлил ход и остановился. – Это опять женщины, – сказал он, разглядев впереди текущий поток демонстранток; их звучащие лозунги и протестующие крики становились все ожесточеннее.

Машины по обеим сторонам улицы внезапно скопились в длинный хвост, зло сигналив. Тротуаров здесь не было, только обычные заполненные отходами джубы и сугробы снега, за ними – несколько уличных лавок и прохожих.

Их зажали со всех сторон. Прохожие начали присоединяться к тем, кто стоял впереди. Среди них были мальчишки и парни постарше; один из них показал Гэваллану неприличный жест, другой пнул крыло машины, за ним – третий, потом все они со смехом отбежали подальше.

– Чертовы недоноски! – Мак-Ивер видел их в зеркало заднего вида; вокруг машины собирались другие молодые люди.

Все больше мужчин проталкивались вперед мимо них, бросая на них враждебные взгляды, а некоторые как бы случайно задевали борта их машины прикладами болтающихся на плечах винтовок и автоматов. Впереди через перекресток проходила основная колонна женщин, в которой преобладали крики «Аллах-у акбарrrrr...».

Внезапный грохот заставил их вздрогнуть: о машину ударился брошенный камень, едва не угодивший в стекло, потом весь автомобиль начал раскачиваться, когда мальчишки облепили его, запрыгивая на крылья и капот, делая непристойные жесты. Ярость Мак-Ивера провалилась наружу, и он резко распахнул дверцу, отшвырнув в сторону пару парней, выскочил из машины и врезался в их стаю, которая тут же разбежалась. Гэваллан так же быстро вылез из машины и бросился на тех, кто пытался перевернуть автомобиль сзади. Он ударил одного из них, и парень полетел в снег. Большинство остальных отступили, скользя на снегу и громко крича, но двое из тех, что были покрупнее, набросились на Гэваллана сзади. Он вовремя увидел их, ударил одного в грудь и припечатал второго к грузовику, оглушив его; водитель грузовика расхохотался и начал молотить изнутри по дверце своей кабины. Мак-Ивер тяжело дышал. Мальчишки отбежали на безопасное расстояние, осыпая его непристойными ругательствами.

– Берегись, Мак!

Мак-Ивер пригнулся. Камень пролетел у него над самой головой и врезался в борт грузовика, и мальчишки, человек десять-двенадцать, бросились вперед. Деваться Мак-Иверу было некуда, поэтому он встал у капота, а Гэваллан, которому тоже негде было укрыться, прижался спиной к машине. Один из парней бросился на Гэваллана с куском деревянного бруска, поднятым над головой на манер дубинки, а трое других набегали сбоку. Гэваллан увернулся, однако дубинка краем достала его по плечу, и он охнул, бросился на парня, ударом в лицо сбил его с ног, но поскользнулся и растянулся на снегу. Остальные метнулись к нему, чтобы добить. Внезапно он ощутил, что уже не лежит и беспощадные ноги не топчут его, а вместо этого ему помогают встать. Вооруженный иранец с зеленой повязкой на рукаве поддерживал его за руку,

мальчишки испуганно сгрудились у стены под дулом автомата другого бойца, а престарелый мулла гневно кричал на них; вокруг них собирались прохожие. Тупо моргая, он увидел, что Мак-Ивер тоже более-менее цел и стоит рядом с капотом, потом мулла вернулся к нему и заговорил с ним на фарси.

– Извините, я не говорю на вашем языке, ваше превосходительство, – прохрипел Гэваллан, преодолевая боль в груди.

Мулла, старик с белой бородой, в белом тюрбане и черном халате, повернулся и что-то крикнул, перекрывая гул голосов, прохожим и людям в других машинах.

Один из водителей стоявшего неподалеку автомобиля вылез из машины, подошел к ним, почтительно поприветствовал муллу, выслушал его, потом обратился к Гэваллану на хорошем английском, хотя и несколько запинаясь:

– Мулла сообщает вам, что эти юноши были не правы, напав на вас, ага, и нарушили закон и что вы, совершенно очевидно, не нарушали закона и не провоцировали их. – Он слушал муллу еще какое-то время, потом снова повернулся к Гэваллану и Мак-Иверу. – Он желает, чтобы вы знали: Исламская республика послушна безупречным законам Аллаха. Юноши нарушили закон, который запрещает нападать на невооруженных чужеземцев, занимающихся своими делами. – Иранец, с бородой, средних лет, в потертой одежде, повернулся к мулле, который в этот момент что-то громко говорил толпе и молодым людям; повсюду на лицах читалось одобрение и согласие. – Вы должны быть свидетелями того, как охраняется закон. Виновные понесут наказание, и правосудие свершится немедленно. Наказание – пятьдесят плетей, но сначала юноши должны молить о прощении вас и всех остальных, кто здесь присутствует.

Среди шума и криков проходившей рядом демонстрации насмерть перепуганных парней толчками и пинками подогнали к Мак-Иверу и Гэваллану, заставили встать перед ними на колени и смиренно умолять простить их. Потом их согнали назад к стене и высекли кнутами, которыми погоняют мулов и которые быстро отыскивались среди заинтересованной и улюлюкающей толпы. Наказание исполнили мулла, двое «зеленых повязок» и еще несколько человек, выбранных муллой из толпы. Безжалостно.

– Бог мой, – пробормотал Гэваллан, морщась.

Водитель-переводчик резко произнес:

– Это ислам. В исламе один закон для всех людей, одно наказание за каждое преступление, и правосудие, осуществляющееся без промедления. Наш закон – это закон Бога, его нельзя касаться, он вечен, не как на вашем продажном Западе, где законы можно выворачивать наизнанку, а правосудие откладывать и вертеть им для пользы законников, которые жиреют на этих вывертах, на продажности, на пороках или несчастьях других людей... – Вопли некоторых из мальчишек прервали его. – Эти сыновья собаки не знают, что такое гордость, – презрительно бросил он и зашагал к своей машине.

Когда наказание закончилось, мулла мягко напутствовал юношей, которые были еще в сознании, потом отпустил их и прошел вперед со своими «зелеными повязками». Толпа понемногу разошлась, оставив Мак-Ивера и Гэваллана рядом с их машиной. Их обидчики теперь являли собой жалкие кучки окровавленного тряпья, неподвижного или со стонами пытающегося подняться с земли. Гэваллан шагнул было вперед, чтобы помочь одному из них, но юноша в ужасе начал отползать в сторону, поэтому Гэваллан остановился, а потом вернулся к машине. Крылья и бамперы были помяты, на краске виднелись глубокие царапины от камней, которыми мальчишки злобно швыряли в них. Мак-Ивер, казалось, постарел на несколько лет.

– Пожалуй, я не могу сказать, что они этого совсем уж не заслуживали, – произнес Гэваллан.

– Нас бы затоптали, и черт знает, чем бы все это закончилось, если бы мулла не вмешался, – сдавленно выговорил Мак-Ивер, радуясь, что Дженни здесь не было.

Она чувствовала бы на себе каждый удар кнута, который им достался, подумал Мак-Ивер; его спина и грудь ныли от полученных ударов. Он оторвал взгляд от машины и с болезненной гримасой повел плечами. Потом заметил человека, переводившего для них, тот все еще сидел в своей машине, застряв вместе с остальными в пробке; морщась, Мак-Ивер направился к нему по снегу.

– Спасибо, спасибо за то, что помогли нам, ага! – прокричал он ему в окно, напрягая голос.

Машина у иранца была старая и помятая, в ней вместе с водителем сидели еще четверо. Иранец опустил стекло.

– Мулла попросил себе переводчика, я помогал ему, не вам, – сказал он, кривя рот. – Если бы вы не пришли в Иран, это юное дурачье не испытало бы искушения, которое вызывает ваше отвратительное хвастовство материальными ценностями.

– Извините, я просто хотел...

– И если бы не ваши столь же отвратительные фильмы и телевидение, которые воспевают ваши безбожные уличные банды и бунтарство в классных комнатах, которые шах привез сюда по указке своих хозяев, чтобы растлить нашу молодежь, включая моего собственного сына и моих собственных учеников, эти бедные дурни все бы выросли правильными, законопослушными людьми. Будет лучше, если вы уедете до того, как вас тоже поймают за нарушением закона. – Он поднял стекло и раздраженно надавил на клаксон.

КВАРТИРА ЛОЧАРТА. 14:37. Костяшки ее пальцев отбарабанили короткий условный стук в дверь пентхауса. Она была в чадре, лицо прикрывала вуаль.

Ей ответил стук изнутри. Она снова ударила в дверь: четыре раза быстро и один после паузы. Дверь тут же приоткрылась, через щель она увидела Теймура, целившегося ей в лицо из пистолета.

– Неужели ты никому не доверяешь, мой милый? – спросила она на палестинском диалекте арабского.

– Нет, Сайада, даже тебе – нет, – ответил он и, убедившись, что перед ним действительно Сайада Бертолен и что она одна, приоткрыл дверь пошире, а она откинула вуаль и бросилась в его объятия. Он ногой захлопнул дверь и снова запер ее на замок. – Даже тебе. – (Они жадно поцеловались.) – Ты опоздала.

– Я вовремя. Это ты рано пришел. – Она снова рассмеялась, отстранилась от него и протянула ему пакет. – Здесь примерно половина. Остальное принесу завтра.

– А где ты оставила остальное?

– В камере хранения во Французском клубе. – Сайада Бертолен сняла чадру, положив ее рядом, и преобразилась. Она была в лыжной куртке-пуховичке, теплом кашемировом свитере, юбке из шотландки, теплых носках и высоких меховых сапожках – все от дорогих кутюрье. – А где остальные? – спросила она.

Его глаза смеялись.

– Я их отослал.

– А-а, любовь при свете дня. Когда они вернутся?

– На закате.

– Отлично. Сначала – душ. Горячая вода еще есть?

– О да, и центральное отопление работает, и одеяло у них с электрическим подогревом. Такая роскошь! Лочарт и его жена умели жить. Это же настоящая – как это будет по-французски? – ах да, *garçonnière*¹, достойная паши.

Ее смех согрел его.

¹ Холостяцкая квартира, гарсоньерка(фр.). – Здесь и далее примеч. перев.

– Ты даже не представляешь, какой это пешкеш – горячий душ, мой дорогой, гораздо лучше ванны. Не говоря уже про отдых. – Она опустилась на стул, чтобы снять сапоги. – Но этот старый распутник Джаред Бакраван знал, как надо жить, а не Лочарт. Изначально здесь обитала его любовница.

– Ты? – спросил он безо всякой злобы.

– Нет, мой милый, ему требовались молоденькие, совсем молоденькие. Я ни для кого не любовница, даже для моего мужа. Шахразада мне рассказала. Старый Джаред умел жить, жаль, со смертью ему не так повезло.

– Он послужил своей цели.

– Такой человек должен был уйти по-другому. Глупо!

– Он был общеизвестным ростовщиком и сторонником шаха, даже если и щедро помогал Хомейни деньгами. Он презрел законы Аллаха и...

– Законы фанатиков, мой милый, фанатиков... Ведь и мы с тобой нарушаем целую кучу законов, а? – Она поднялась, легко его поцеловала, прошла по красивым коврам в коридоре и оказалась в спальне Шахразеды и Лочарта, через нее попала в роскошную ванную, увешанную зеркалами, включила душ и встала рядом, ожидая, когда вода нагреется. – Я всегда любила эту квартиру.

Он прислонился к косяку:

– Мое начальство благодарно тебе за то, что ты ее посоветовала. Как прошла демонстрация?

– Ужасно! Иранцы – такие животные, осыпали нас проклятиями, бросали мусор, трясли пенисами – все потому, что мы хотим быть чуть более равноправными, хотим одеваться, как нам нравится, стараться быть красивыми, наша молодость так мимолетна. – Она протянула руку, пробуя воду. – Вашему Хомейни придется уступить.

Он рассмеялся:

– Никогда – в этом его сила. И только некоторые из нас животные, Сайада, остальные просто слишком забиты, чтобы знать разницу. Где твоя цивилизованная палестинская терпимость?

– Ваши мужчины, Теймур, затолкали ее всю в дыру, над которой садятся на корточки. Если бы ты был женщиной, то понял бы меня. – Она потрогала воду еще раз; та начала понемногу нагреваться. – Пора мне возвращаться в Бейрут. Здесь я постоянно чувствую себя грязной. Ни разу не было ощущения чистоты за долгие месяцы.

– Я тоже был бы рад вернуться. Здесь война закончилась, а в Палестине, Ливане, Иордании – нет; им нужны опытные бойцы. Там есть евреи, которых надо убивать, проклятие Сиона, которое надо изгнать, святые места, которые надо вернуть назад.

– Я рада, что ты вернешься в Бейрут, – сказала она, маняще посмотрев на него. – Мне тоже приказали возвращаться домой через пару недель, что чудесно меня устраивает. Я еще смогу принять участие в демонстрациях. Марш протеста, запланированный на четверг, будет самым огромным!

– Не понимаю, тебе-то что за дело. Иран не твоя проблема, и все эти ваши марши и митинги протеста не принесут никакого толку.

– Ты ошибаешься. Хомейни не дурак. Я принимаю участие в маршах по той же причине, по которой работаю на ООП: во имя нашего дома, во имя равенства для женщин Палестины... и да, для женщин всего мира. – Ее карие глаза вдруг вспыхнули; он никогда не видел ее такой прекрасной. – Женщины вышли на улицы, мой милый, и, клянусь Богом коптов, настоящим Единым Богом, и твоим марксистом Лениным, которым ты втайне восхищаешься, пора мужского господства закончилась!

– Согласен, – тут же сказал он и рассмеялся.

Она рассмеялась вместе с ним:

– Ты шовинист, и это притом, что ты знаешь истину. – Вода нагрелась до идеальной температуры, и Сайада сняла лыжную куртку. – Давай примем душ вместе.

– Хорошо, расскажи про бумаги.

– Потом.

Сайада разделась безо всякого смущения, и он тоже. Оба, опытные любовники, были возбуждены, но терпеливы. Они встречались уже три года в Ливане, Палестине и здесь, в Тегеране. Теймур намылил ее, а она – намылила его, и они играли друг с другом, их игра постепенно становилась более интимной, более чувственной, более эротичной, пока Сайада не вскрикнула раз, потом другой, и затем, когда он вошел в нее, они идеально слились друг с другом, делаясь все настойчивее, нетерпеливее, взорвавшись одновременно, а потом умиротворенно лежали вместе в постели, согреваемые электрическим одеялом.

– Который час? – сонно спросила она с глубоким вздохом.

– Час любви.

Сайада тихонько вытянула руку, и он дернулся, застигнутый врасплох, и отодвинулся с протестующим криком, потом перехватил ее руку и прижал ее к себе.

– Еще нет, даже в твоем случае, моя любовь! – промурлыкала она, нежась в его объятиях.

– Пять минут.

– Не меньше пяти часов, Теймур.

– Час...

– Два часа, – с улыбкой сказала она. – Через два часа ты снова будешь готов, но к тому времени меня уже здесь не будет. Тебе придется затащить в постель одну из своих боевых подруг. – Она подавила зевок и потянулась совсем как кошка. – О, Теймур, ты удивительный любовник, удивительный. – Тут ее уши уловили какой-то звук. – Это душ?

– Да, я не стал его выключать. Какая роскошь, а?

– Да-да, роскошь, но растрачиваемая впустую.

Она выскользнула из постели и закрыла за собой дверь в ванную, присела на биде, потом встала под душ и вымыла голову, затем обернула вокруг себя полотенце, высушила волосы феном и вернулась в спальню, ожидая найти его мирно спящим. Но он не спал. Он лежал на кровати с перерезанным горлом. Одеяло, которым он был накрыт до половины, промокло от крови, отрезанные гениталии аккуратно уложены на подушке рядом с ним. Двое мужчин стояли у кровати и смотрели на нее. Оба были вооружены револьверами с глушителями. Через открытую дверь спальни она видела третьего, охранявшего входную дверь.

– Где остальные бумаги? – произнес один из мужчин у кровати по-английски, но с необычным акцентом; его револьвер смотрел ей в живот.

– В... во Французском клубе.

– Где именно во Французском клубе?

– В ящике.

Сайада достаточно долго проработала в палестинском подполье и обладала слишком большим жизненным опытом, чтобы удариться в панику. Сердце ее билось медленно, и она пыталась решить, что ей делать, прежде чем умрет. В сумочке у нее был нож, но она оставила ее на прикроватной тумбочке, и сумка теперь лежала на кровати рядом со всем своим содержимым, и ножа там не было. Никакого оружия под рукой, которое могло бы ей помочь. Ничего, кроме времени, – на закате сюда вернуться остальные. Только до заката еще очень далеко.

– В женском гардеробе, – добавила она.

– В котором ящике?

– Я не знаю. На них нет номеров, и порядок такой, что, если нужно что-нибудь отдать на хранение, ты отдаешь это женщине – работнице клуба, вписываешь свое имя в журнал, она расписывается рядом и возвращает тебе то, что ты сдаешь, когда ты попросишь, но только тебе лично.

Мужчина бросил быстрый взгляд на своего напарника, тот кивнул. Оба были темноволосями и темноглазыми, с усами, и ей никак не удавалось определить акцент. Они могли быть иранцами, арабами или евреями, могли быть откуда угодно, от Египта до Сирии или до Йемена на юге.

– Одевайся. Если попытаешься что-нибудь выкинуть, то твоя дорога в ад не будет такой безболезненной, как у этого человека. Мы не стали его будить. Ясно?

– Да.

Сайада вернулась в ванную и начала одеваться. Она не пыталась спрятаться или прикрыться. Человек стоял в дверях и внимательно наблюдал за ней, глядя не на ее тело, а на руки. Профессионалы, подумала она, почувствовав дурноту.

– Где ты раздобыла эти бумаги?

– У человека по имени Али. Я никогда не видела его ра...

– Стой! – Слово резануло, как бритва, хотя произнесено было негромко. – В следующий раз, когда ты солжешь, я отрежу этот прекрасный сосок и заставлю тебя его съесть, Сайада Бертолен. Одна ложь ради эксперимента тебе прощается. Больше не лги. Продолжай.

Теперь волна страха захлестнула ее с головой.

– Человека звали Абдолла бин Али Саба, и сегодня утром он пошел со мной на старую съемную квартиру рядом с университетом. Он привел меня в квартиру, и мы обнаружили все там, где нам было сказано.

– Кем сказано?

– Голосом. Голосом по телефону... Я знаю его только как голос. Время... время от времени он звонит мне и передает особые инструкции.

– Как ты его узнаешь?

– По голосу, и всегда есть код. – Она натянула свитер через голову и теперь была полностью одета, кроме сапожек; пистолет с глушителем смотрел на нее, ни разу не шелохнувшись. – Код заключается в том, что в течение первых нескольких минут он всегда так или иначе упоминает предыдущий день, какой бы день это ни был.

– Продолжай.

– Мы посмотрели под половицами и нашли эти материалы: письма, папки, несколько книг. Я сложила их в свою сумку и отправилась во Французский клуб... а потом у моей сумки лопнул ремень, и я оставила там половину и пришла сюда.

– Когда ты познакомилась с этим человеком, Дмитрием Язерновым?

– Я его не знаю. Мне просто сказали пойти туда с Абдоллой так, чтобы нас никто не заметил, найти бумаги и передать их Теймуру.

– Почему Теймуру?

– Я не спрашивала. Я никогда не спрашиваю.

– Разумно. Чем этот Теймур занимается... занимался?

– Я точно не знаю. Мне известно только то, что он был иранцем, прошедшим подготовку в ООП как борец за свободу, – сказала она.

– В каком подразделении?

– Не знаю.

За спиной мужчины ей была видна спальня, но Сайада старалась не смотреть на постель, она не отрывала взгляда от этого человека, который знал слишком много. Судя по вопросам, они могли быть агентами САВАМА, КГБ, ЦРУ, Эм-ай-6, Израиля, Иордании, Сирии, Ирака, даже экстремистских палестинских групп, не признававших Арафата своим лидером. Все они хотели бы заполучить содержимое сейфа американского посла.

– Когда возвращается француз, твой любовник?

– Не знаю, – тут же ответила она, позволив своему удивлению стать заметным.

– Где он сейчас?

– На своей базе в Загросе. Она называется «Загрос-3».

– Где этот пилот Лочарт?

– Думаю, тоже в Загросе.

– Когда он сюда вернется?

– Вы хотите сказать – в эту квартиру? Сомневаюсь, что он сюда вообще когда-нибудь вернется.

– В Тегеран.

Ее взгляд переместился в спальню, как она ни сопротивлялась, и она увидела Теймура. Ее желудок взбунтовался, она рукой нащупала смывную трубу унитаза и согнулась над ним в сильнейшем приступе рвоты. Человек невозмутимо наблюдал за ней, довольный, что один из ее барьеров сломан. Он привык к тому, что тела сами по себе реагируют на ужас. Но и в этом случае его пистолет не опустился, и он внимательно следил за ней на случай какой-нибудь уловки.

Когда спазм прошел, Сайада сполоснула рот водой, стараясь справиться с тошнотой, проклиная Теймура за то, что он оказался настолько глуп, чтобы отослать остальных. Это глупо! – хотелось закричать ей, глупо, когда тебя окружают враги и справа, и слева, и с центра. Разве я когда-нибудь стеснялась заниматься любовью, когда другие были тут же, лишь бы дверь была закрыта?

Она оперлась на ванну, глядя на оружие своей гибели.

– Сначала мы поедem во Французский клуб, – сказал он. – Ты заберешь остальные материалы и передашь их мне. Ясно?

– Да.

– С этого момента ты будешь работать на нас. Тайно. Ты будешь работать на нас. Договорились?

– У меня есть какой-то выбор?

– Да. Ты можешь умереть. По-плохому. – Губы человека стали еще уже, и глаза превратились в глаза рептилии. – После того как ты умрешь, ребенок по имени Яссар Бялик удостоится нашего внимания.

Кровь отхлынула от ее лица.

– А, хорошо! Значит, ты помнишь своего маленького сына, который живет в семье твоего дяди в Бейруте на улице Цветочников? – Человек в упор смотрел на нее, потом спросил: – Ну? Помнишь?

– Да-да, конечно, – произнесла она, едва в состоянии говорить; невозможно, чтобы они знали про моего дорогого Яссара, даже мой муж не зна...

– Что случилось с отцом мальчика?

– Он... Его убили... его... убили.

– Где?

– На... Голанских высотах.

– Печально потерять молодого мужа всего через несколько месяцев после замужества, – процедил человек сквозь зубы. – Сколько тебе тогда было лет?

– Се... семнадцать.

– Память тебя не подводит. Хорошо. Итак, если решишь работать на нас, тебе, твоему сыну, твоему дяде и его семье ничего не грозит. Если не будешь подчиняться нам беспрекословно, или попробуешь предать нас, или совершишь самоубийство, мальчик Яссар перестанет быть мужчиной и перестанет видеть. Ясно?

Она беспомощно кивнула; ее лицо посерело.

– Если мы умрем, другие позаботятся о том, чтобы мы были отомщены. Не сомневайся в нас. Итак, каков твой выбор?

– Я буду служить вам.

И спасу своего сына и отомщу, но как, как?

– Хорошо. Ты клянешься глазами, яйцами и членом своего сына, что будешь служить нам?

– Да. По... пожалуйста, кому... кому я служу?

Оба мужчины улыбнулись.

– Никогда не спрашивай об этом снова и не пытайся выяснить. Мы скажем тебе, когда это будет необходимо, если это будет необходимо. Ясно?

– Да.

Человек с пистолетом отвинтил глушитель и убрал его вместе с пистолетом в карман.

– Мы хотим знать немедленно, когда вернется либо француз, либо Лочарт, – ты позаботишься о том, чтобы это выяснить, – а также сколько вертолетов у них здесь в Тегеране и где они размещаются. Ясно?

– Да. Пожалуйста, как мне связаться с вами?

– Тебе дадут номер телефона. – Глаза сузились еще больше. – Только для тебя. Ясно?

– Да.

– Где живет Армстронг? Роберт Армстронг?

– Я не знаю.

Внутри Сайады запульсировал сигнал тревоги. По слухам, Армстронг был специально обученным наемным убийцей на службе у Эм-ай-6.

– Кто такой Джордж Телбот?

– Талбот. Он чиновник в британском посольстве.

– Что за чиновник? Чем он занимается?

– Я не знаю, просто чиновник.

– Кто-нибудь из них двоих является твоим любовником?

– Нет. Они... они иногда бывают во Французском клубе. Знакомые.

– Ты станешь любовницей Армстронга. Ясно?

– Я... я постараюсь.

– У тебя две недели. Где жена Лочарта?

– Я... я думаю, в доме Бакравана рядом с базаром.

– Выясни точно. И раздобудь ключ от входной двери. – Человек увидел, как дрогнули ее ресницы. Если это идет вразрез с твоими принципами, подумал он, не страшно. Скоро ты будешь с огромной радостью жрать дерьмо, если мы пожелаем. – Надевай свою куртку, мы отправляемся немедленно.

Чувствуя дрожь в коленях, Сайада прошла через спальню, направляясь к входной двери.

– погоди! – Человек засунул рассыпанные на кровати вещи назад в ее сумку, потом, словно это только что пришло ему в голову, завернул то, что лежало на подушке, в одну из ее салфеток и положил ей в сумку. – Это напомнит тебе, что нужно подчиняться.

– Нет, пожалуйста. – Слезы хлынули у нее из глаз. – Я не могу... только не это.

Человек сунул сумку ей в руки:

– Тогда избавься от этого.

С несчастным лицом она проковыляла назад в ванную и выбросила сверток в унитаз; ее снова вырвало, сильнее, чем в первый раз.

– Живей!

Когда к ней вернулись силы, она подошла к нему:

– Когда остальные... когда они вернутся и обнаружат... если меня здесь не будет, они... они поймут, что... что я была с теми, кто... кто сделал все это, и...

– Разумеется. Ты считаешь нас дураками? Ты думаешь, мы здесь одни? Как только они вернутся, все вчетвером, они умрут, а квартира будет сожжена.

КВАРТИРА МАК-ИВЕРА. 16:20.

– Не знаю, мистер Гэваллан, – сказал Росс. – Я вообще мало что помню после того, как оставил Азаде на холме и проник на базу, более-менее до самого прибытия сюда. – Он был в одной из форменных рубашек Петтикина, в черных брюках и черном свитере, в черных ботинках, выглядел аккуратно и был гладко выбрит, но лицо его говорило о крайней степени измождения. – Но до того все происходило так... так, как я вам рассказывал.

– Ужасно! – произнес Гэваллан. – Но хвала Создателю, что вы оказались там, капитан. Если бы не вы, все остальные были бы мертвы. Без вас они бы пропали. Давайте выпьем, а то чертовски холодно. У нас есть виски. – Он посмотрел на Петтикина. – Чарли?

Петтикин подошел к буфету:

– Конечно, Энди.

– Я не буду, спасибо, мистер Гэваллан, – отказался Росс.

– Боюсь, я буду, хотя солнце еще не поднялось над нок-реей, – заявил Мак-Ивер.

– Я тоже, – поддержал его Гэваллан.

Они оба появились в квартире совсем недавно, все еще потрясенные едва не случившейся с ними катастрофой и немало встревоженные, потому что в доме Бакравана им так никто и не открыл, хотя они раз за разом стучали в дверь металлической колотушкой. Потом они приехали сюда. Когда открылась входная дверь, Росс, дремавший на диване, вскочил, до конца не вынырнув из своей полудремы, с угрожающе поднятым кукри в руке.

– Извините, – произнес он нетвердо, убирая кукри в ножны.

– Да нет, все нормально, – притворился невозмутимым Гэваллан, еще не оправившийся от пережитого страха. – Я Эндрю Гэваллан. Привет, Чарли! Где Азаде?

– Она все еще спит в комнате для гостей, – ответил Петтикин.

– Извините, что заставил вас понервничать, – сказал Гэваллан. – Что произошло в Тебризе, капитан?

И Росс рассказал ему, сбивчиво, перепрыгивая с одного на другое, возвращаясь назад, пока не закончил. Он еще не вполне пришел в себя после глубокого сна. Голова у него болела, болело вообще все, но он был рад возможности рассказать о том, что случилось, восстановив все события, постепенно заполняя пропущенное, складывая разрозненные кусочки в одно целое. Кроме Азаде. Нет, ее место во всем этом я пока определить не могу.

Сегодня утром, очнувшись от тяжелого, злобного полусна-полуяви, он был в ужасе, все перемешалось в сознании: гул реактивных двигателей, автоматная стрельба, камни, взрывы, холод. Он долго и тупо смотрел на свои руки, пытаясь отделить сон от яви. Потом увидел человека, который испытующе смотрел на него, и вскрикнул:

– Где Азаде?

– Она еще спит, капитан Росс. Она в комнате для гостей дальше по коридору, – объяснил ему Петтикин, успокаивая его. – Вы помните меня? Чарли Петтикин, Дошан-Тапех?

Росс порылся в памяти. Воспоминания возвращались медленно, чудовищные воспоминания. Большие пробелы, очень большие. Дошан-Тапех? Что там с Дошан-Тапехом? Они ходили туда, чтобы уговорить вертолетчика подбросить их, и...

– Ах да, капитан, как поживаете? Рад... рад вас видеть. Она спит?

– Как младенец.

– Это самое лучшее, самое лучшее для нее, пусть спит, – сказал он, его мозг еще не подчинился ему с привычной легкостью.

– Сначала чашку чая. Потом – ванна и бриться. Я подыщу вам какую-нибудь одежду и дам все, что нужно для бритья. Размер у вас примерно мой. Вы голодны? Есть яйца и немного хлеба, правда, хлеб черствоватый.

– А, нет, спасибо, нет, я не голоден, вы очень добры.

– Я ваш должник, десять раз должник. Я чертовски рад вас видеть! Послушайте, как бы мне ни терпелось узнать, что произошло... ну, мистер Мак-Ивер отправился в аэропорт, чтобы встретить нашего босса Эндрю Гэваллана. Они скоро вернутся, вам нужно будет все им рассказать, поэтому я узнаю у них все попозже, так что сейчас – никаких вопросов до их приезда, вы, должно быть, совсем измотаны.

– Спасибо, да, это... это все еще немного... Я помню, как оставил Азаде на холме, потом – почти ничего, какие-то вспышки, как во сне бывает, пока я не проснулся минуту назад. Сколько я проспал?

– Вы были в отключке часов примерно шестнадцать. Мы, то есть Ноггер и два наших механика, почти на руках занесли вас обоих сюда, и потом вы и Азаде отключились. Мы уложили вас и Азаде в кровать, как малышей укладывают, Мак и я. Раздели вас, смыли грязь, где могли, отнесли вас в кровать – не слишком, кстати, аккуратно это у нас получилось, – а вы так и не проснулись, ни вы, ни она.

– С ней все в порядке? С Азаде?

– О да. Я проверял ее пару раз, но она все еще в полной отключке. Что вы... Извините, никаких вопросов! Сначала – бриться и мыться. Вода, боюсь, чуть теплая, но я поставил в ванную электрокамин, так что все получилось не слишком плохо...

Теперь Росс смотрел на Петтикина, который протягивал виски Мак-Иверу и Гэваллану.

– Вы уверены, что не будете, капитан?

– Нет-нет, спасибо. – Росс, не замечая этого, ощупал свою правую кисть и потер ее. Энергия быстро утекала из него.

Гэваллан видел его усталость и знал, что времени у него немного.

– Касательно Эрикки. Вы ничего больше не помните, что могло бы подсказать нам, где он сейчас может быть?

– Ничего, кроме того, что я рассказал вам. Может быть, Азаде сможет больше помочь. Советского звали как-то вроде Чертаги, это человек, с которым Эрикки заставляли работать в приграничной зоне. Как я уже говорил, они использовали ее, чтобы угрожать ему, и были еще какие-то осложнения с ее отцом по поводу поездки, в которую они должны были отправиться вместе. Извините, точно не помню. Второго человека, того, который ходил в друзьях у Абдоллы-хана, звали Петр Олегович Мзитрюк.

Это напомнило Россу о закодированном послании Вьена Роузмонта хану, но он решил, что Гэваллану об этом знать необязательно, как и обо всех убийствах, о том, как он толкнул старика под грузовик на холме, и о том, что однажды он вернется в деревню и отрубит головы мяснику и старосте, которые, если бы не милость Бога или горных духов, побили бы камнями ее и изувечили бы его. Он займется этим после того, как встретится с Армстронгом и все ему расскажет, или с Талботом, или с американским полковником, но перед этим он спросит их, кто предал всю операцию в Мекке. Кто-то это сделал. На мгновение мысль о Роузмонте, Тензинге и Гуэнге ослепила его. Когда пелена рассеялась, он увидел часы на каминной полке.

– Я должен попасть в здание рядом с британским посольством. Это далеко отсюда?

– Нет, мы могли бы вас подбросить, если хотите.

– А можно прямо сейчас? Извините, но боюсь, я опять отключусь, если не займусь этим сразу.

Гэваллан бросил взгляд на Мак-Ивера:

– Мак, поедem сейчас... Может быть, мне удастся перехватить Талбота. У нас еще есть время вернуться и повидать Азаде и Ноггера, если он здесь.

– Хорошая мысль.

Гэваллан встал и надел толстое пальто.

Петтикин сказал Россу:

– Я дам вам пальто и пару перчаток. – Он увидел, как взгляд капитана заскользил по коридору. – Вы хотите, чтобы я разбудил Азаде?

– Нет, спасибо. Я... я просто загляну тихонько.

– Вторая дверь по левой стороне.

Они наблюдали за тем, как он прошел по коридору, поступь у него была бесшумная, как у кошки, тихо приоткрыл дверь, постоял там мгновение, потом закрыл ее снова. Он взял свой карабин и оба кукри, свой и Гуэнга. Подумав секунду, он оставил свой на каминной полке.

– На случай, если я не вернусь, – сказал он, – передайте ей, что это подарок, подарок для Эрикки. Для Эрикки и для нее.

Глава 47

ДВОРЕЦ ХАНА. 17:19. Староста Абу-Мард стоял на коленях, каменея от страха.

– Нет, нет, ваше высочество, я клянусь, это мулла Махмуд приказал нам...

– Он не настоящий мулла, ты, шелудивый пес, всем это известно! Клянусь Аллахом, ты... ты собирался побить камнями мою дочь?! – вскричал хан; его лицо пошло пятнами, дыхание было прерывистым и хриплым. – Ты решил? Ты решил, что собираешься побить камнями мою дочь?

– Это все он, ваше высочество, – пролепетал староста, – это мулла решил, когда допросил ее и она созналась в прелюбодеянии с этим диверсантом...

– Сын собаки! Ты был в сговоре с этим ложным муллой... Лжец! Ахмед рассказал мне, как все было!

Хан оперся на подушки, позади него стоял телохранитель Ахмед, и еще два охранника находились рядом со старостой. Наджуд, его старшая дочь, и Айша, его юная жена, сидели по одну сторону, пытаясь спрятать свой ужас перед его гневом, замирая от страха, что он может обратиться на них. На коленях возле двери в грязной с дороги одежде и тоже наполненный страхом стоял Хаким, брат Азаде, который только что прибыл. Его без промедления доставили сюда под охраной по вызову хана. Хаким с тем же гневом слушал рассказ Ахмеда о том, что произошло в деревне.

– Сын собаки! – снова крикнул хан, брызжа слюной. – Ты позволил... ты позволил этому псу-диверсанту бежать... позволил ему утащить мою дочь с собой... Сначала ты укрываешь диверсанта у себя, потом... потом осмеливаешься судить члена моей... МОЕЙ... семьи и готов побить камнями... не испросив моего... МОЕГО... одобрения?

– Это все мулла! – воскликнул староста, повторяя эти слова снова и снова.

– Заткни ему пасть!

Ахмед с силой ударил старосту по уху, на мгновение оглушив его, потом грубо вздернул, опять поставил на колени и прошипел:

– Скажешь еще одно слово, и я вырежу тебе язык.

Хан пытался отдышаться:

– Айша, подай мне... подай мне одну из этих... этих таблеток...

Она торопливо придвинулась к нему, не поднимаясь с колен, открыла пузырек, положила таблетку ему в рот и вытерла слюну. Хан передвинул таблетку под язык, как говорил ему доктор, и через мгновение грудь отпустило, громовые удары в ушах ослабли и комната перестала покачиваться. Налитые кровью глаза хана обратились на старика, который плакал и дрожал всем телом и никак не мог унять дрожь.

– Ты, сын собаки! Значит, ты смеешь кусать руку, которая тобой владеет, – ты, твой мясник и вся твоя паршивая деревня. Ибрим, – приказал хан одному из своих охранников, – отведи его назад в Абу-Мард и побей камнями, пусть вся деревня побьет его камнями, побьет его камнями, потом отрежь руки мяснику.

Ибрим и еще один телохранитель подняли воющего старика на ноги, ударом кулака заставили его замолчать и открыли дверь, чтобы выйти, но остановились, когда Хаким хрипло произнес:

– Потом сожгите деревню!

Хан посмотрел на него, прищурившись.

– Да, потом сожгите деревню, – словно эхо, повторил он, не сводя глаз с Хакима, который не отвел глаз, стараясь найти в себе мужество. Дверь закрылась, и теперь тишина сгустилась, нарушаемая одним лишь натужным дыханием хана. – Наджуд, Айша, оставьте нас! – велел хан.

Наджуд замешкалась, ей очень хотелось остаться, хотелось услышать, как Хакиму будет вынесен приговор. Она злорадствовала, что Азаде застали за прелюбодеянием и поэтому накажут, когда бы ни поймали снова. Хорошо, хорошо, хорошо! Вместе с Азаде сгинут они оба, Хаким и Рыжий Нож.

– Я буду рядом, если ваше высочество соизволит позвать меня, – сказала она.

– Ты можешь идти в свои покои. Айша, ты жди в конце коридора.

Обе женщины ушли. Ахмед удовлетворенно закрыл дверь: все шло по плану. Два других охранника стояли в молчании.

Хан шевельнулся, болезненно поморщившись, и махнул им рукой:

– Подождите снаружи. Ахмед, ты останься. – Когда они ушли и в большой холодной комнате их осталось трое, взгляд Абдоллы опять вернулся к Хакиму. – «Сожгите деревню», –

сказал ты. Хорошая мысль. Но это не извиняет твоего предательства или предательства твоей сестры.

– Ничто не может извинить предательства против отца, ваше высочество. Но ни Азаде, ни я не предавали вас и не замыслили заговора против вас.

– Лжец! Ты слышал Ахмеда! Она призналась в том, что предавалась блуду с диверсантом, сама призналась в этом!

– Она призналась в том, что любила его, ваше высочество, много-много лет назад. Она поклялась перед Аллахом, что никогда не совершала прелюбодеяния и не предавала своего мужа. Никогда! Перед всеми этими паршивыми псами, сыновьями собаки и еще хуже, перед этим муллой левого толка, что должна была сказать дочь хана! Разве она не старалась сберечь твое имя перед лицом этой подлой кучи дерьма?

– Все играешь словами, все пытаешься защитить шлюху, которой она стала?

Лицо Хакима посерело.

– Азаде влюбилась, как в свое время влюбилась мама. Если Азаде – шлюха, значит вы сделали шлюхой мою мать!

Кровь снова бросилась хану в лицо.

– Как ты смеешь говорить такое!

– Это правда. Вы возлегли с ней до того, как поженились. Потому что она любила вас, она тайно впустила вас в свою комнату, рискуя при этом жизнью. Она рискнула своей жизнью, потому что любила вас и потому что вы умоляли ее. Разве наша мать не убедила своего отца принять вас и уговорить вашего отца позволить вам жениться на ней вместо вашего старшего брата, который хотел взять ее второй женой? – Голос Хакима пресекся, когда он вспомнил ее умирающей, ему было семь, Азаде шесть, они еще мало понимали, видя лишь то, что их мама страдает от ужасных болей из-за чего-то, что все называли «опухоль», а снаружи, во дворе дворца, их отец Абдолла убивается от горя. – Разве она не вступалась всегда за вас перед вашим отцом и старшим братом, а потом, когда вашего брата убили и вы стали наследником, разве не она залечила разрыв между вами и вашим отцом?

– Ты... ты не можешь знать подобные вещи, ты был... ты был слишком мал!

– Старая нянька Фатима рассказала нам. Перед смертью она рассказала нам все, что смогла вспомнить...

Хан едва слушал его, тоже захваченный картинами прошлого, он вспоминал тот несчастный случай на охоте, стоивший жизни его брату, который он так тонко подстроил. Старая нянька могла знать и об этом тоже, а если это так, то об этом знает Хаким и знает Азаде, значит еще больше причин заставить их замолчать. Вспоминал он и все те волшебные мгновения, которые провел с Напталой Прекрасной, до и после брака и во все дни, пока не началась боль. Они были женаты меньше года, когда родился Хаким, два, когда появилась Азаде. Наптале тогда было всего шестнадцать, крошечная, телом похожая на Айшу, но в тысячу раз прекрасней, ее длинные волосы были как золотая канитель. Еще пять божественных лет! Детей больше не было, но это не имело никакого значения, разве у него не растет сын, крепкий и стройный, тогда как все его три сына от первой жены родились болезненными и быстро умерли, а его четыре дочери были уродливыми и сварливыми. Разве его жене не было всего двадцать два года, разве не была она полной здоровья, такой же сильной и чудесной, как двое детей, которых она произвела на свет? Времени полно, будут и еще сыновья.

Потом возникла боль. И сделалась страшной. Никакой помощи от врачей из Тегерана.

«Иншаллах», – сказали они.

Облегчение приносили только наркотики, все более сильные по мере того, как она иссыхала. Аллах, даруй ей покой райского сада и позволь мне отыскать ее там.

Он смотрел на Хакима и видел в нем Азаде, которая была копией своей матери, слушая, как тот продолжает говорить:

– Азаде просто влюбилась, ваше высочество. Если она любила того человека, неужели вы не сможете простить ее? Разве ей не было всего шестнадцать и она не была изгнана в школу в Швейцарии, как позже и я был изгнан в Хой?

– Потому что оба вы были коварными, неблагодарными и ядовитыми предателями! – прокричал хан, чувствуя, как в ушах снова начинается гром. – Убирайся! Ты... ты будешь жить здесь отдельно от всех остальных, под охраной, пока я не пошлю за тобой. Ахмед, распорядись, потом возвращайся сюда.

Хаким поднялся, подавляя слезы, зная, что теперь произойдет, и не имея сил предотвратить это. Он вышел, с трудом переставляя ноги. Ахмед отдал необходимые распоряжения охраннику у двери и вернулся в комнату. Хан теперь полулежал с закрытыми глазами, его лицо совсем посерело, дыхание стало более натужным, чем раньше. Молю тебя, Аллах, не дай ему пока умереть, помолился про себя Ахмед.

Хан открыл глаза и сосредоточился:

– Я должен решать, как с ним быть, Ахмед. И быстро.

– Да, ваше высочество, – начал его советник, с осторожностью подбирая слова, – у вас всего два сына, Хаким и младенец. Если Хакиму суждено умереть или, – он странно улыбнулся, – случайно ослепнуть и стать калекой, тогда Махмуд, супруг ее высочества Наджуд, будет регентом до тех по...

– Этот идиот? Наши земли и наша власть будут утрачены, не пройдет и года! – На лице хана заалели багровые пятна, ему было все труднее мыслить ясно. – Дай мне еще таблетку.

Ахмед подчинился и подал ему воды запить лекарство, успокаивая его:

– Вы в руках Аллаха, вы поправитесь, не волнуйтесь.

– Не волноваться? – пробормотал хан, борясь с болью в груди. – То была воля Аллаха, что мулла умер вовремя... Странно, Петр Олегович сдержал слово... хотя он... мулла умер слишком быстро... слишком быстро.

– Да, ваше высочество.

Через некоторое время боль утихла.

– Ка... каков будет твой совет насчет Хакима?

Ахмед какое-то время притворялся, что раздумывает.

– Ваш сын Хаким – правоверный мусульманин, его можно обучить, он управлял вашими делами в Хое хорошо и не сбежал, как, возможно, мог бы сделать. Он не вспыльчивый человек... разве что когда защищает сестру. Но это очень важно, потому что в этом лежит ключ ко всему. – Он подошел ближе и тихо проговорил: – Объявите его своим наследником, ваше вы...

– Никогда!

– ...при условии, что он поклянется Аллахом оберегать своего младшего брата, как он оберегал бы сестру, а также при условии, что его сестра немедленно и по своей воле вернется в Тебриз. Если откровенно, ваше высочество, у вас нет никаких подлинных доказательств его вины, только показания с чужих слов. Доверьте мне выяснить всю правду про него и про нее и тайно доложить вам.

Хан следил за его мыслью, слушая сосредоточенно и внимательно, хотя это усилие давалось ему нелегко.

– А-а, брат будет приманкой для сестры, как она была приманкой, чтобы заманить в ловушку ее мужа?

– И как оба они являются приманкой один для другого! Да, ваше высочество, разумеется, вы подумали обо всем этом задолго до меня. В обмен на возвращение брату вашего благоволения она должна поклясться перед Богом, что останется здесь и будет помогать ему.

– Она это сделает, о да, она поклянется!

– Тогда они оба будут у вас под рукой и вы сможете играть с ними в свое удовольствие, давая и отказывая по своему желанию, будь они виновны на самом деле или нет.

– Они виновны.

– Если они виновны, а я узнаю это быстро, если вы дадите мне полную власть, чтобы провести расследование, тогда по воле Аллаха они умрут немедленно, а вы объявите, что ханом после вас станет муж Фазулии, немногим лучше, чем Махмуд. Если они не виновны, то Хаким и дальше будет наследником при условии, что она останется. И если уж так случится, опять по воле Аллаха, что она станет вдовой, то даже может быть выдана за человека по вашему выбору, ваше высочество, чтобы удержать Хакима здесь как вашего наследника, хотя бы и за советского, если он сумеет избежать ловушки.

Впервые за сегодняшний день хан улыбнулся. Сегодня утром, когда Армстронг и полковник Фазир прибыли, чтобы заполучить Петра Олеговича Мзитрюка, они притворились надлежащим образом встревоженными состоянием здоровья хана, как и он внешне притворился более больным, чем на самом деле чувствовал себя в тот момент. Он говорил голосом тусклым и неуверенным, отчего им приходилось подаваться в его сторону, чтобы услышать.

– Петр Олегович приезжает сюда сегодня. Я собирался навестить его, но вместо этого попросил его приехать сюда из-за моей... потому что заболел. Я послал ему просьбу приехать, и он должен быть на границе на закате. В Джульфе. Если вы отправитесь туда немедленно, то успеете с хорошим запасом времени... Он пересекает границу на маленьком советском военном вертолете, который садится рядом с боковой дорогой у шоссе Джульфа – Тебриз, где его ждет машина... Этот поворот пропустить невозможно, он там единственный... в нескольких километрах к северу от города... Это единственная боковая дорога, местность пустынная, быстро переходит в грунтовую. Как вы... как вы его будете брать – это ваше дело, и... и, поскольку сам я не могу присутствовать, вы передадите мне кассету с... с материалами расследования?

– Да, ваше высочество, – сказал ему Хашеми. – Как бы вы посоветовали нам взять его?

– Перекройте дорогу по обе стороны от поворота с шоссе парой старых, тяжело груженных фермерских грузовиков... дрова или ящики с рыбой... Дорога там узкая, извилистая, вся в рытвинах, и машин там всегда много, поэтому устроить засаду не должно составить большого труда. Только... только будьте осторожны. Там всегда есть машины с людьми из Туде, которые его прикрывают и следят, чтобы другие машины его не беспокоили, он человек мудрый и бесстрашный... В лацкан пиджака у него вшита капсула с ядом.

– С какой стороны?

– Не знаю... Я не знаю. Его вертолет приземлится незадолго до заката. Поворот вы не пропустите, он единственный...

Абдолла-хан вздохнул, погруженный в свои мысли. Много раз тот же самый вертолет подбирал его, чтобы доставить на дачу в Тбилиси. Много раз он хорошо там гостил: обильное угощение, женщины молодые и уступчивые, с сочными губами и стремящиеся услужить – потом, если ему везло, Вертинская, эта дикая кошка из преисподней, для дальнейшего развлечения.

Он увидел, что Ахмед наблюдает за ним.

– Надеюсь, Петр избежит ловушки. Да, было бы хорошо, если бы он... взял ее себе. – На него накатила усталость. – Теперь я посплю. Пришли охранника и, после того как я поем сегодня вечером, собери здесь мою «преданную» семью, и мы поступим так, как ты предложил. – Он цинично улыбнулся. – Это мудро – не питать никаких иллюзий.

– Да, ваше высочество. – Ахмед поднялся на ноги.

Хан позавидовал его гибкому и мощному телу.

– Погоди, было ведь... было кое-что еще. – Хан на минуту задумался, процесс оказался странно утомительным. – Ах да, где Рыжий Нож?

– С Чимтаргой, возле границы на севере, ваше высочество. Чимтарга сказал, что они, возможно, будут отсутствовать несколько дней. Они улетели ночью во вторник.

– Вторник? А какой сегодня день?

– Суббота, ваше высочество, – ответил Ахмед, скрыв свою озабоченность.

– Ах да, суббота. – Новая волна усталости. Его лицо вдруг показалось ему чужим, он хотел было поднять руку, чтобы потереть его, но обнаружил, что это усилие для него слишком велико. – Ахмед, выясни, где он. Если что-то случится... если у меня будет еще один приступ и я... в общем, проследи, чтобы... чтобы меня немедленно доставили в Тегеран, в Международную больницу. Немедленно! Ты понял?

– Да, ваше высочество.

– Узнай, где он, и... и следующие несколько дней держи его рядом... что бы ни говорил Чимтарга. Держи Рыжего Ножа под рукой.

– Да, ваше высочество.

Когда охранник вернулся в комнату, хан закрыл глаза и почувствовал, что проваливается в бездонные глубины.

– Нет божества, кроме Аллаха... – пробормотал он, сильно напуганный.

НЕДАЛЕКО ОТ СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЫ, К ВОСТОКУ ОТ ДЖУЛЬФЫ. 18:05.

До заката оставалось немного времени, и 212-й Эрикки стоял под грубым, наспех возведенным навесом, на крыше которого уже лежало снега на один фут после вчерашней метели, и Эрикки знал, что, если его вертолет простоит на морозе достаточно долго, он его потеряет.

– Вы не можете дать мне одеял, или соломы, или чего-нибудь, чтобы согреть машину? – спросил он у шейха Баязида, едва они вернулись назад с телом старой женщины, их предводительницы, два дня назад. – Вертолету нужно тепло.

– У нас этого и для живых-то не хватает.

– Если вертолет замерзнет, он не сможет летать, – сказал Эрикки, опасаясь, что шейх не позволит ему тут же улететь в Тебриз, до которого было около шестидесяти миль; он смертельно тревожился за Азаде и спрашивал себя, что случилось с Россом и Гуэнгом. – Если он не сможет летать, как мы выберемся из этих гор?

Шейх с неохотой отдал приказание своим людям построить навес и дал ему несколько козых и овечьих шкур, которые Эрикки использовал в тех местах, где, как он думал, они принесут наибольшую пользу. Вчера после рассвета он попытался улететь. Он пришел в полное смятение, когда Баязид сообщил ему, что собирается отдать его и 212-й за выкуп.

– Вы можете вести себя терпеливо, капитан, и свободно передвигаться по деревне в сопровождении спокойного охранника, заниматься своим вертолетом, – сердито объяснил ему Баязид, – или вы можете быть нетерпеливым и злым, и тогда вас свяжут и посадят на веревку, как дикого зверя. Мне не нужны проблемы, капитан, я не хочу их и не хочу никаких споров. Мы обратились за выкупом к Абдолле-хану.

– Но я же говорил вам, что он ненавидит меня. Он не станет помогать мне и платить вы... .

– Если он откажется, мы обратимся куда-нибудь еще. К вашей компании в Тегеране или к вашему правительству. Может быть, к тем советским, которые вас наняли. Тем временем вы будете находиться здесь как гость, есть, что едим мы, спать, как спим мы, имея во всем равную долю. Или связанным, на привязи и голодным. В любом случае вы останетесь здесь, пока не будет заплачен выкуп.

– Но на это могут уйти месяцы, и...

– Иншаллах!

Весь день вчера и половину ночи Эрикки провел, пытаясь придумать, как ему выбраться из этой западни. У него забрали гранату, но оставили нож. Однако его стража была бдительной и все время находилась рядом. По такому глубокому снегу ему, в его летных ботинках и без зимней одежды, практически невозможно спуститься в долину внизу, да и в этом случае он

оказался бы на враждебной территории. До Тебриза всего тридцать минут лета на 212-м, но пешком...

– Сегодня опять выпадет снег, капитан.

Эрикки оглянулся. Баязид стоял в шаге от него, а он и не услышал, как тот приблизился.

– Да, и еще пара дней на таком морозе, и моя птичка, мой вертолет, уже не взлетит: аккумулятор разрядится, большая часть приборов выйдет из строя. Я должен завести его, чтобы зарядить аккумулятор и прогреть оборудование, должен. Кто будет платить за сломанный двести двенадцатый в этих горах?

Баязид задумался на мгновение:

– Как долго должны работать двигатели?

– Десять минут в день, и это абсолютный минимум.

– Хорошо. Вы можете делать это каждый день сразу после наступления полной темноты, но сначала будете спрашивать у меня. Мы поможем вам выкатить вашу птичку... Кстати, почему «птичка», почему не «орел», почему женский род, а не мужской или средний?

– Не знаю, – нахмурился Эрикки. – В английском языке все корабли относятся к женскому роду, это тоже корабль, только воздушный. – Он пожал плечами.

– Очень хорошо. Мы поможем вам выкатить ее из-под навеса, и вы сможете ее завести, но пока двигатели работают, в пяти футах от вас будет пять стволов, чтобы вы не испытывали искушения.

– Тогда я не буду испытывать искушения, – рассмеялся Эрикки.

– Хорошо, – улыбнулся Баязид. Он был красивым мужчиной, хотя и с гнилыми зубами.

– Когда вы пошлете известие хану?

– Оно уже послано. При таком снеге уходит день, чтобы спуститься к дороге, даже верхом, но добраться оттуда до Тебриза не займет много времени. Если хан ответит положительно и сразу, возможно, мы узнаем об этом завтра или послезавтра. Это будет зависеть от снега.

– Или никогда. Как долго вы намерены ждать?

– Все люди с севера так нетерпеливы?

Эрикки вскинул подбородок:

– Древние боги были очень нетерпеливы, когда их заперли против их воли; они передали нам это качество. Это плохо, когда тебя удерживают против твоей воли, очень плохо.

– Мы бедные люди, сейчас идет война. Мы должны брать все, что истинный Бог посылает нам. Брать выкуп – древняя традиция. – Его губы тронула улыбка. – Мы научились у Саладина проявлять благородство по отношению к своим пленникам, в отличие от многих христиан. Христиане не славятся рыцарским благородством. С нами обращаются... – Его слух был острее, чем у Эрикки, как и его глаза. – Смотрите, внизу, в долине!

Теперь Эрикки тоже слышал рокот вертолета. Через мгновение его глаза отыскали низко летящий вертолет с камуфляжной окраской, приближавшийся с севера.

– Ка-16, советский армейский вертолет непосредственной огневой поддержки... Что он здесь делает?

– Направляется в Джульффу. – Шейх сплюнул. – Эти сыновья собаки прилетают и улетают, когда им захочется.

– А много их теперь сюда проникает?

– Немного... но и один – уже слишком.

НЕДАЛЕКО ОТ ПОВОРОТА НА ДЖУЛЬФУ. 18:15. Извилистая боковая дорога, тянувшаяся через лес, была вся в снегу, ее не расчищали. Несколько следов от телег и грузовиков и одна пара – от старого полноприводного «шевроле», который был припаркован под соснами рядом с открытым пространством в нескольких шагах от главной дороги. В бинокли Арм-

стронг и Хашеми отчетливо видели двоих в теплых пальто и перчатках, сидевших на переднем сиденье с открытыми окнами и напряженно вслушивавшихся в тишину.

– Времени у него остается немного, – заметил Армстронг.

– Возможно, он так и не приедет.

Они уже полчаса вели наблюдение с небольшой, заросшей деревьями возвышенности, с которой хорошо было видно посадочную площадку. Их машина с остальными людьми Хашеми была неприметно припаркована на главной дороге внизу и позади них. Было очень тихо, почти безветренно. Над головой пролетели какие-то птицы, издавая жалобные крики.

– Аллилуйя! – прошептал Армстронг, приходя в возбуждение.

Один человек в «шевроле» открыл боковую дверцу и вышел из машины. Он стоял, глядя в северный сектор неба. Водитель завел мотор. Потом поверх его урчания они услышали стрекот приближавшегося вертолета, увидели, как он появился из-за горы и нырнул в долину, скользя над самыми верхушками деревьев, его поршневой двигатель аккуратно сбросил обороты. Вертолет идеально приземлился посреди облака снежной пыли. Им был виден пилот и человек, сидевший в кабине рядом с ним. Пассажир, маленький человечек, вылез из кабины и пошел навстречу человеку из «шевроле». Армстронг выругался.

– Ты узнаешь его, Роберт?

– Нет. Это не Сулев, не Петр Олегович Мзитрюк. Я уверен. – Армстронг был сильно разочарован.

– Пластическая хирургия?

– Нет, дело совсем не в этом. Тот был здоровым сукиным сыном, плотно сбитым, одного со мной роста.

Они смотрели, как прилетевший подошел к вышедшему из машины человеку и что-то протянул ему.

– Это было письмо? Что он ему передал, Роберт?

– Выглядело как посылка. Могло быть и письмо, – пробормотал Армстронг, чертыхнувшись, и сосредоточился на их губах.

– О чем они говорят? – Хашеми знал, что Армстронг умеет читать по губам.

– Не знаю. Это не фарси и не английский.

Хашеми выругался и подправил свой и без того идеально настроенный бинокль.

– Мне показалось, что письмо.

Человек из вертолета произнес еще несколько слов и вернулся в кабину. Пилот тут же прибавил газу, поднял машину в воздух и улетел. Второй человек побрел по снегу назад к «шевроле».

– Что теперь? – Хашеми был расстроен.

Армстронг следил за человеком, шедшим к машине.

– Два варианта: перехватить машину, как запланировано, и выяснить, что им передали, при условии что мы сумеем нейтрализовать их быстрее, чем они успеют это уничтожить, – только подобные действия выдадут им то, что нам известно место приземления Большого Босса, – или просто проследить за ними, полагая, что это послание хану с указанием новой даты.

Он вполне оправился от разочарования, что Мзитрюк не попал в капкан. В нашей игре ты должен быть еще и везучим, напомнил он себе. Ладно, в следующий раз мы его заплучим и он приведет нас к предателю в наших рядах, к четвертому, пятому, шестому человеку, и я помочусь на их могилы и на могилу Сулева, или как там Петр Олегович Мзитрюк себя теперь называет, если удача будет со мной.

– Нам даже не нужно следить за ними: он отправится напрямик к хану.

– Почему?

– Потому что хан является жизненно важным стержнем всего Азербайджана как для Советов, так и против них, поэтому они захотят из первых рук узнать, насколько плохи дела с его сердцем и кого он выбрал в качестве регента, пока младенец не достигнет совершеннолетия или, что более вероятно, не вознесется на небеса. Разве власть не передается вместе с титулом, вместе с землями и богатством?

– И тайный номерной счет в швейцарском банке – лишний повод приехать немедленно.

– Да, но не забывай, что в Тбилиси могло произойти что-нибудь серьезное, что объясняет эту задержку: Советы так же злятся и нервничают по поводу того, что творится в Иране, как и мы.

Они видели, как человек уселся в «шевроле» и начал что-то подробно рассказывать. Водитель отпустил сцепление и выехал на главную дорогу.

– Давай вернемся к нашей машине.

Обратный путь вниз по склону был относительно легким, движение на дороге Джульфа – Тебриз внизу было плотным, некоторые машины уже включили фары, и их жертве никак не удалось бы избежать засады, если бы они решили ее устроить.

– Хашеми, другое возможное объяснение состоит в том, что Мзитрюк мог в самый последний момент узнать о том, что сын его предал, и послать предупреждение хану, что его прикрытие тоже провалилось. Не забывай: мы так и не узнали, что случилось с Ракоци после того, как твой ныне покойный друг генерал Джанан отпустил его.

– Этот пес ни за что не осмелился бы сделать это по собственной инициативе, – сказал Хашеми с кривой ухмылкой, вспоминая то безбрежное ликование, которое ощутил, нажав на кнопку передатчика и увидев, как в следующий миг взорвавшийся автомобиль уничтожил этого врага вместе с его домом, его будущим и его прошлым. – Приказ должен был поступить от Абрима Пахмуди.

– Почему?

Хашеми прикрыл глаза и искоса взглянул на Армстронга, но не прочел на его лице никакой скрытой хитрости. Ты знаешь слишком много секретов, Роберт, знаешь о кассетах с показаниями Ракоци и, что хуже всего, знаешь о моей «группе четыре» и о том, что я помог Джанану попасть в ад, где к нему скоро присоединится хан, как и Талбот, чей срок наступит через пару дней, и ты, мой старый друг, когда мне будет угодно. Рассказать ли тебе, что Пахмуди приказал наказать Талбота за преступления против Ирана? Рассказать ли тебе, что я с удовольствием окажу ему эту услугу? Много лет я хотел, чтобы Талбота убрали, но не осмеливался пойти против него в одиночку. Теперь вина ляжет на Пахмуди, да поразит его Аллах огнем, и еще одной колючкой в моем боку станет меньше. Ах да, и сам Пахмуди на следующей неделе, но ты, Роберт, ты будешь тайным убийцей, избранным для этой операции, в которой ты, вероятно, погибнешь. Пахмуди не стоит жизни одного из моих настоящих тайных убийц.

Он весело фыркнул про себя, спускаясь по склону, не чувствуя холода, не тревожась из-за того, что Мзитрюк не появился. У меня есть дела поважнее, думал он. Любой ценой я должен сохранить своих людей из «группы четыре» – мою гарантию личного рая на земле с властью даже над самим Хомейни.

– Пахмуди – единственный человек, который мог отдать приказ об освобождении Ракоци, – сказал он. – Скоро я выясню, где Ракоци сейчас. Он либо в советском посольстве, либо на советской конспиративной квартире, либо в подzemелье для допросов в САВАМА.

– Либо благополучно выбрался из страны.

– Тогда он благополучно мертв: КГБ не прощает предателей. – Хашеми сардонически улыбнулся. – На какой из вариантов ты ставишь?

Секунду Армстронг не отвечал, озадаченный этим вопросом, таким необычным для Хашеми: иранец не одобрял азартных игр, как и он сам. Так. Последний раз он ставил деньги в Гонконге в 1963 году, взятку, которую положили в ящик его рабочего стола, когда он был

суперинтендантом в Департаменте уголовных расследований. Сорок тысяч гонконгских долларов – около семи тысяч американских долларов в те времена. Вопреки всем своим принципам он взял *этусян ю*, «благовонное масло», как его там называли, из ящика и в тот же день на скачках поставил ее всю до цента на лошадь по кличке Рыба-Лоцман, всю сумму в одной безумной попытке отыграть проигранные им деньги – на скачках и на фондовой бирже.

Это была первая взятка, которую он принял за восемнадцать лет работы в полиции, хотя недостатка в предложениях никогда не было. В тот день он крупно выиграл и вернул деньги в ящик стола до того, как полицейский сержант, положивший их туда, смог заметить, что их трогали, а у него осталось больше чем достаточно, чтобы расплатиться с долгами. И все равно он чувствовал отвращение к себе и ужасался своей глупости. Он больше никогда не играл, никогда не прикасался *ксян ю*, хотя возможность неизменно предоставлялась. «Ты полный болван, Роберт, – говорили ему некоторые из его коллег, – что за беда, если ты отложишь немного шальных денег себе на пенсию?»

Пенсию? Какую пенсию? Господи, двадцать лет беспорочной полицейской службы в Гонконге, одиннадцать столь же беспорочных лет здесь, помогая этим кровожадным придуркам, – и все улетело в чертову трубу! Слава богу, мне не о ком тревожиться, кроме себя самого: жены теперь нет, детей тоже, только я сам. Все равно, если я заполучу этого проклятого Суслева, который приведет меня к одному из наших высокопоставленных предателей, у которых руки по локоть в британской крови, значит я не зря потратил эти годы.

– Как и ты, я человек неазартный, Хашеми, но если бы мне пришлось... – Он остановился, достал пачку сигарет, и они с наслаждением закурили; дым смешивался с холодным воздухом и был хорошо виден в сгущающихся сумерках. – Если бы мне пришлось, я бы сказал, что Ракоци, скорее всего, был пешкешем твоего Пахмуди какой-нибудь советской шишке, просто чтобы прикрыть себя и с этой стороны.

– Ты с каждым днем становишься все больше иранцем, – рассмеялся Хашеми. – Мне следует быть с тобой поосторожнее. – (Они почти дошли до машины, и его помощник вышел, чтобы открыть ему дверцу.) – Роберт, мы едем напрямиком к хану.

– А как быть с «шевроле»?

– Его мы оставим под присмотром других. Я хочу добраться до хана первым. – Лицо полковника потемнело. – Хочу позаботиться о том, чтобы этот предатель был больше на нашей стороне, чем на их.

Глава 48

БАЗА ВВС В КОВИССЕ. 18:35. Старк смотрел на Гэваллана в полном потрясении.

– «Шамал» через шесть дней?

– Боюсь, что да, Дюк. – Гэваллан расстегнул молнию на куртке и положил шапку на тумбочку в прихожей. – Хотел сам тебе об этом сказать. Извини, но именно так все и есть. – (Оба мужчины находились в бунгало Старка, и Старк поставил Фредди Эйра снаружи, чтобы их никто не подслушал.) – Сегодня утром я узнал, что всех наших птичек посадят на цепь, запретят все полеты, потом национализируют. У нас шесть дней на то, чтобы спланировать и осуществить «Шамал», если мы решим этим заниматься. Это следующая пятница. Каждый новый день после этого мы будем искушать свою судьбу.

– Господи! – Старк рассеянно расстегнул летнюю куртку и протопал к буфету, оставляя на полу снег с ботинок и капли воды на ковре; в самой глубине нижнего ящика пряталась его последняя бутылка пива. Он откупорил ее, налил половину в стакан и протянул Гэваллану. – Твое здоровье, – сказал он, отхлебнул из бутылки и уселся на диван.

– Твое здоровье.

– Кто согласился, Энди?

– Скрэг. Про остальных ребят пока не знаю, но буду знать завтра. Мак прикинул все по времени и разработал общий план из трех этапов, в котором полно дыр, но который можно осуществить. Давай скажем так: план рабочий. Как насчет тебя и твоих ребят?

– Что у Мака за план? – (Гэваллан рассказал ему.) – Ты прав, Энди. В нем полно дыр.

– Если бы тебе пришлось удирать, как бы ты спланировал это отсюда? Тебе придется покрыть самое большое расстояние и столкнуться с самыми большими трудностями.

Старк подошел к летной карте на стене и показал на линию, которая тянулась от Ковисса до крестика в заливе, в нескольких милях от побережья, который обозначал нефтяную вышку.

– Это вышка «Флотсам», один из наших регулярных маршрутов, – сказал он, и Гэваллан отметил про себя, каким напряженным стал его голос. – У нас уходит примерно двадцать минут, чтобы долететь до берега, и еще десять, чтобы добраться до вышки. Я бы спрятал топливо на берегу рядом с линией нашего маршрута. Думаю, это удалось бы сделать, не вызывая особых подозрений: там одни только дюны, никакого жилья на много миль в округе, и многие из нас раньше часто летали туда на пикник. «Экстренное» приземление, чтобы проверить поплавки для посадки на воду перед полетом над морем, не должно сильно встревожить иранцев на радаре, хотя с каждым днем они закручивают гайки все туже. Нам нужно будет запасти две двухсотлитровые бочки на вертолет, чтобы перелететь через залив, и нам придется проводить дозаправку вручную прямо в воздухе.

Почти стемнело. Окна бунгало смотрели на взлетно-посадочную полосу и базу ВВС за ней. 125-й, получив приоритетное разрешение на вылет в Эль-Шаргаз, стоял на площадке в ожидании топливного заправщика. Самолет окружали назойливые и нервничающие «зеленые повязки». В дозаправке 125-й на самом деле не нуждался, но Гэваллан сказал Джону Хоггу, чтобы тот все равно ее затребовал, рассчитывая, что это даст ему больше времени для разговора со Старком. Двум другим пассажирам, Арберри и Дибблу, которых отправляли в отпуск после их побега из Тебриза и которые сидели зажатые между заполнявшими весь салон ящиками с запчастями, наскоро сколоченными и испещренными надписями на английском и фарси «ДЛЯ СРОЧНОГО РЕМОНТА И ВОЗВРАЩЕНИЯ В ТЕГЕРАН», из самолета выйти не разрешили, даже чтобы размять ноги. Как и пилотам, которых впустили только для проведения наземной проверки и наблюдения за заправкой, когда подъехал заправщик.

– Вы полетели бы в Кувейт? – спросил Гэваллан, нарушив молчание.

– Конечно. Кувейт для нас – лучший вариант. В Кувейте нам нужно будет заправиться, потом пробираться вдоль побережья к Эль-Шаргазу. Если бы это зависело от меня, я бы припас еще топлива на всякий случай. – Старк показал на крошечную точку на карте у берегов Саудовской Аравии. – Вот здесь было бы в самый раз. Нам лучше пробираться вдоль побережья морем, никогда не знаешь, что взбредет этим саудовцам в голову. – Чувствуя легкую дурноту, он уставился на карту, оценивая расстояние, которое предстояло покрыть. – Этот остров называется Джеллет, Жаба, потому что он похож на нее очертаниями. Никаких строений, остров совершенно пустой, но рыбалка там великолепная. Мы с Мануэлой летали туда раз или два, когда я работал в Бахрейне. Я бы сделал запас топлива там.

Старк снял летную фуражку и вытер капли пота со лба, потом снова надел ее. Морщины на его лице проступали резче, и само лицо выглядело более усталым, чем обычно: все полеты проходили с большей нервозностью, чем всегда, отменялись, опять ставились в план, потом отменялись снова. Эсвандиари вел себя еще отвратительнее, все были на взводе, стали раздражительными, уже несколько недель у них не было ни почты, ни каких-то контактов с домом, у большинства его людей, включая и самого Старка, имелись давно просроченные отпуска и замены. Потом еще возникали дополнительные проблемы с переселяющимся сюда Загросом. Три человека и вертолеты, и что делать с телом старого Эффера Джордона, когда оно прибудет сюда завтра? Это был первый вопрос, который Старк задал Гэваллану, когда тот начал спускаться по трапу 125-го.

– Об этом я позаботился, Дюк, – с тяжелым вздохом ответил Гэваллан, стоя на ветру, сильном и пронизывающем. – Я получил разрешение Управления воздушным движением для сто двадцать пятого. Самолет вернется сюда завтра днем, чтобы забрать гроб с телом. Я отправлю его в Англию с первым же рейсом. Ужасно. Я встречу с его женой сразу же, как вернусь, и сделаю, что смогу.

– Чертовски обидно, что так вышло... Слава богу, с молодым Скотом все в порядке, а?

– Да, но это беда, что вообще кто-то пострадал, ужасно.

А что, если бы это был труп Скота и его гроб? – в который раз думал Гэваллан. Этот вопрос все не шел у него из головы. Что, если бы это был Скот? Удалось бы тебе и в этом случае так легко изолировать это убийство в своем сознании, чтобы оно не мешало заниматься другими делами? Нет, конечно же нет. Все, что тебе остается, – это благословлять свой йосс и делать все, что в твоих силах, – просто делать все, что в твоих силах.

– Любопытно, иранская диспетчерская служба и комитет аэропорта были потрясены не меньше нас и всячески готовы помочь. Давай пройдемся и поговорим. У меня совсем немного времени. Вот здесь почта для кое-кого из ребят и письмо от Мануэлы. С ней все в полном порядке, Дюк. Она передала, чтобы ты не волновался. Дети чувствуют себя прекрасно и хотят остаться в Техасе. Твои родители тоже в порядке. Она попросила передать это сразу же, как только я увижу тебя.

Потом Гэваллан оглушил его своей бомбой про шесть дней, и теперь разум Старка был как в тумане.

– Со всеми пичугами из Загроса у меня здесь три двести двенадцатых, один «алуэтт» и три двести шестых, не говоря уже о куче запчастей. Девять пилотов, включая Тома Лочарта и Жан-Люка, и двенадцать механиков. Это слишком много для такого рискованного трюка, как «Шамал», Энди.

– Знаю. – Гэваллан посмотрел в окно: заправщик вырубил, чтобы встать рядом со 125-м, а Джон Хогг спускался на бетон по трапу. – Сколько времени он будет заправляться?

– Если Джонни не будет слишком торопиться, три четверти часа, не меньше.

– Немного времени, чтобы составить план, – сказал Гэваллан и оглянулся на карту. – С другой стороны, его никогда не бывает достаточно. Есть в этом направлении какая-нибудь вышка, которая пустует, все еще остается закрытой?

– С десяток. Тут десятки таких, которые до сих пор находятся в том же состоянии, в каком их оставили забастовщики много месяцев назад, – заваренные двери и все такое, безумие, а? А почему ты спрашиваешь?

– Скрэг сказал, что одна из них была бы идеальным местом, где можно спрятать топливо и заправиться.

– Только не в наших краях, Энди, – нахмурился Старк. – У него там есть большие платформы, у нас же они в основном крохотные. Нет ни одной, которая могла бы принять больше одного вертолета зараз, а уж нам точно не захочется висеть рядом и ждать своей очереди. А что говорит старик Скрэг? – (Гэваллан пересказал ему.) – Думаешь, ему удастся поговорить с Руди?

– Он сказал, понадобится нескольких дней. Я теперь не могу так долго ждать. Ты не мог бы найти повод слетать в Бендер-Дейлем?

Глаза Старка прищурились.

– Конечно. Может быть, мы смогли бы отослать туда пару наших птичек и сказать, что мы их передислоцируем... даже лучше, скажем Мастаку, что передаем их туда взаймы на неделю. Нам еще удастся время от времени получать разрешения на полеты, когда этот сукин сын не путается под ногами.

Гэваллан пригубил пиво, растягивая его на подольше:

– Мы больше не можем работать в Иране. То, что произошло с беднягой Джордоном, никогда не должно было случиться, и я чертовски сожалею, что не отдал приказ об эвакуации еще много недель назад. Чертовски сожалею!

– Это была не твоя вина, Энди.

– По-своему и моя тоже. В любом случае мы должны уйти отсюда. С вертолетами или без. Мы должны попытаться спасти что можно, не подвергая людей риску.

– Любое похищение будет чертовски рискованным, – мягко сказал Старк.

– Знаю. Я бы хотел, чтобы ты спросил ребят, примут ли они участие в «Шамале».

– Нам никак не удастся вывезти все свои вертолеты. Просто никак.

– Знаю, поэтому предлагаю сосредоточиться только на двести двенадцатых. – Гэваллан увидел, что Старк посмотрел на него с новым интересом. – Мак со мной согласен. Ты мог бы вывезти три своих?

Старк ненадолго задумался.

– Два – это максимум, с которым я мог бы справиться. Нам понадобятся два пилота и, скажем, один механик на машину для всяких непредвиденных ситуаций и еще несколько человек, чтобы ворочать бочки с горючим или дозаправляться в воздухе, – это как минимум. Будет непросто, но если нам повезет... – Он принялся насвистывать безо всякой мелодии. – Может быть, мы могли бы послать третий двести двенадцатый Руди в Бендер-Дейлем? Ну конечно, почему бы нет? Я скажу Мастаку, что мы отдаем им вертолет взаймы на десять дней. Ты мог бы прислать мне телекс для подтверждения с просьбой осуществить этот перевод. Но, черт, Энди, у нас все равно остаются здесь три пилота и...

Зазвонил телефон внутренней связи базы.

– Черт возьми! – раздраженно бросил Старк, вставая и подходя к аппарату. – Я настолько привык к тому, что телефоны не работают, что каждый раз, когда один из них начинает звонить, я вздрагиваю, словно ошпаренный кот в ожидании Армагеддона.

Гэваллан наблюдал за Старком: высоким, худым и таким сильным. Хотел бы я быть таким сильным, подумал он.

– А, спасибо, – говорил между тем Старк. – О'кей... Конечно, спасибо, сержант. Кто?.. Конечно соединяйте. – (Гэваллан заметил, как изменился тон его голоса, и стал слушать с большим вниманием.) – Добрый вечер... Нет, мы не можем, сейчас не можем... НЕТ! Мы не можем! Не сейчас, мы заняты. – Он положил трубку и пробормотал: «Гаденьш». – Мастак. Хочет нас видеть. «Я хочу, чтобы вы немедленно пришли ко мне в кабинет!» Задница неподтертая! – Он отхлебнул пива и немного успокоился. – Еще звонил Вазари с вышки, докладывал, что последняя из наших пташек только что села.

– Кто?

– Папаша Келли, он летал на «Флотсам», перебрасывал несколько нефтяников с одной вышки на другую. У них огромная нехватка рабочей силы, зато хоть пруд пруди толстозадых комитетчиков, которым больше нравится за молитвами следить да мартышкины судилища устраивать, чем нефть качать. – Он поежился. – Я тебе одно скажу, Энди, эти комитеты сам Сатана спонсирует. – Гэваллан отметил про себя это слово, но вслух ничего не сказал, и Старк продолжал: – Они и есть преисподняя.

– Да. Азаде чуть не убили, собирались побить камнями.

– Что?

Гэваллан рассказал ему про деревню и их побег оттуда.

– Мы до сих пор, черт подери, не знаем, как там старина Эрикки. Я видел ее перед отлетом, и она была... замороженная, пожалуй, единственное слово, которое приходит на ум. Она все еще не оправилась от шока.

Лицо Старка помрачнело еще больше. Сделав над собой усилие, он стряхнул с себя накатившую на него ярость.

– Скажем, двести двенадцатые мы вывезем, а как быть с ребятами? У нас здесь остаются три пилота и десяток механиков, которых нужно отправить до похищения, как быть с ними? И как быть с запчастями? Мы оставим здесь три двести шестых и «алуэтт»... И как быть с нашим домашним скарбом, банковскими счетами, квартирами в Тегеране, фотографиями, детскими вещами... черт, не только нашими, но и тех, кто уже выехал из страны? Если мы отсюда свалим, мы потеряем все это. Все.

– Компания возместит каждому все убытки. Я не смогу оплатить всю мелочь, но мы заплатим то, что лежит на банковских счетах, и покроем все остальное. В большинстве случаев суммы будут минимальными, потому что большинство из вас хранит деньги в Англии, снимая их оттуда по мере надобности. Последние несколько месяцев – и уж точно с тех пор, как банки забастовали, – мы кредитовали все зарплаты и пособия в Абердине. Мы заплатим за оставленную мебель и личные вещи. Мне кажется, большую часть всего этого нам все равно не удалось бы вывезти: порты до сих пор забиты, фуры практически не ходят, железная дорога не работает, грузовые перевозки по воздуху почти полностью прекратились. Потери всем компенсируют.

Старк медленно кивнул и допил пиво до последней капли.

– Даже если мы вытащим двести двенадцатые, ты все равно будешь разорен.

– Нет, – терпеливо произнес Гэваллан. – Посчитай сам. Каждый двести двенадцатый стоит миллион, каждый двести шестой – сто пятьдесят тысяч, «алуэтт» – полмиллиона. В Иране у нас двенадцать двести двенадцатых. Если мы сумеем их вытащить, мы будем в порядке, сможем и дальше заниматься бизнесом и мне удастся покрыть остальные убытки по Ирану. Впритык. Бизнес в целом на подъеме, и двенадцать двести двенадцатых удержат нас на плаву. Любые запчасти, которые мы сможем вывезти, станут дополнительным бонусом. Опять же мы могли бы сосредоточиться только на запчастях для двести двенадцатых. С нашими двести двенадцатыми мы останемся в деле.

Он старался поддерживать в себе уверенность, но она шла на убыль. Столько рога-ток надо перепрыгнуть, на столько отвесных скал вскарабкаться, столько пропастей преодолеть. Да, но не забывай, что путешествие в десять тысяч лиг начинается с одного шага. Будь немножко китайцем, сказал он себе. Вспомни свое детство в Шанхае, свою старую няньку А Сунь и то, как она учила тебя йоссу – отчасти удаче, отчасти карме. «Йосс есть йосс, молодой хозяин, хороший или плохой. Иногда можно помолиться о хорошем йоссе и получить его, иногда – нет. Но, *айя*, не слишком доверяйтесь богам: боги – они как люди. Они спят, ходят обедать, напиваются пьяными, забывают, что им положено делать, лгут, дают обещания и снова лгут. Молитесь сколько хотите, но не полагайтесь на богов – только на себя и свою семью, да и с ней полагайтесь только на себя. Помните, боги людей не любят, молодой хозяин, потому что люди очень напоминают им их самих...»

– Разумеется, ребят мы вывезем, всех до единого. А ты тем временем поспрашивай, поищи добровольцев на наши две птички отсюда, если... если я дам отмашку по «Шамалу».

Старк оглянулся на карту:

– Конечно. Это буду я и либо Фредди, либо Папаша Келли. Оставшийся перегонит двести двенадцатый Руди и присоединится к нему в осуществлении его плана. Им лететь недалеко. – Он криво улыбнулся. – О'кей?

– Спасибо, – сказал Гэваллан, чувствуя себя очень хорошо. – Спасибо. Ты упоминал о «Шамале» Тому Лочарту, когда он был здесь?

– Конечно. Он сказал, чтобы мы на него не рассчитывали.

– О! – Доброе чувство исчезло. – Тогда и говорить не о чем. Если он остается, мы не можем двигаться дальше.

– Он уедет, Энди, нравится ему это или нет, – сочувственно произнес Старк. – Он обязан это сделать – с Шахразадой или без нее. Это самое трудное: с ней или без нее. Ему не отделаться от НВС, Валика и Исфахана.

– Наверное, ты прав, – помолчав секунду, произнес Гэваллан. – Несправедливо как-то, а?

– Да. Том – нормальный мужик, со временем он поймет. Насчет Шахразеды я не так уверен.

– Мы с Маком попытались отыскать ее в Тегеране. Ездили в дом Бакравана и стучались в двери минут десять. Никакого ответа. Вчера Мак тоже туда ездил. Может быть, они просто никому не отпирают.

– Не похоже на иранцев. – Старк снял летнюю куртку и повесил ее в тесной прихожей. – Как только Том завтра прибудет, я отправлю его в Тегеран, если дневного света еще хватит на перелет. Самое позднее – в понедельник утром. Я как раз собирался урегулировать это с Маком сегодня во время сеанса связи.

– Хорошая мысль. – Гэваллан перешел к следующей теме. – Будь я проклят, если я знаю, что делать и с Эрикки тоже. Я виделся с Талботом, и он сказал, что сделает, что сможет, потом я ездил в финское посольство, встретился там с первым секретарем по имени Толлонен и ему тоже все объяснил. Он показался мне очень встревоженным – и таким же беспомощным. «Места там довольно дикие, и вся граница непредсказуема, как все восстания, бунты и столкновения, которые там происходят. Если тут замешан КГБ...» Он даже не стал договаривать, Дюк, просто умолк. «Если тут замешан КГБ...»

– А что с Азаде? Ее папаша, хан, неужели он не может помочь?

– Похоже, они все крупно перессорились. Она выглядела очень потрясенной. Я попросил Азаде забыть про ее иранские бумаги, сесть на сто двадцать пятый и подождать Эрикки в Эль-Шаргазе, но мое предложение окрылило ее, как чугунное ядро. Она не двинется с места, пока Эрикки не вернется. Я ей говорю, хан – сам себе закон, его рука дотянется и до Тегерана; он легко может похитить ее и отсюда, если захочет. Она говорит, иншаллах.

– С Эрикки все будет в порядке. Готов поспорить. – Старк был совершенно уверен в этом. – Его охраняют древние боги.

– Надеюсь, что так. – Гэваллан остался в парке, но ему все равно было холодно. В окно он видел, что заправка все еще продолжалась. – Как насчет чашечки чая на дорожку?

– Разумеется. – Старк прошел на кухню.

Над раковиной висело зеркало, а над газовой плиткой напротив – потертая вышивка на канве, вставленная в рамку, которую Мануэле подарила на свадьбу ее старая подруга из Фоллс-Чёрч: К ЧЕРТЯМ ДОМАШНЮЮ ГОТОВКУ. Он улыбнулся, вспоминая, как они хохотали, когда открыли подарок, потом заметил в зеркале Гэваллана, задумчиво разглядывавшего карту. Я, должно быть, сошел с ума, подумал Старк, возвращаясь мыслями к шести дням и двум вертолетам. Как, черт возьми, нам улизнуть с базы и при этом уцелеть, потому что в одном Энди прав: так или иначе, но нам тут больше делать нечего. Я, наверное, сошел с ума, что вызвался добровольцем. Но какого черта? Не можешь же ты попросить кого-нибудь из ребят пойти добровольцем, если сам не хочешь этого делать? Так-то оно так, да вот только...

Раздался негромкий стук в дверь, и она тут же открылась. Фредди Эйр тихо произнес с порога:

– Мастак направляется сюда в сопровождении «зеленой повязки».

– Заходи, Фредди, и закрой за собой дверь, – сказал Старк.

Они подождали в молчании. Повелительный стук. Старк открыл дверь и увидел высокомерную глумливую ухмылку на лице Эсвандиари. В молодом иранце рядом с ним Старк сразу узнал одного из людей муллы Хусейна и члена комитета, который его допрашивал.

– Салам, – вежливо произнес Старк.

– Салам, ага, – ответил парень с застенчивой улыбкой. Он был в толстых очках с треснувшими линзами, в старой, совсем вытершейся одежде и с М-16.

В один миг разум Старка вошел в режим перегрузки, и он услышал собственный голос, говоривший:

– Мистер Гэваллан, полагаю, вы знакомы с Мастаком?

– Меня зовут Эсвандиари, мистер Эсвандиари! – зло выпалил иранец. – Сколько раз вам это повторять? Гэваллан, вашей компании очень пойдет на пользу, если вы избавитесь от этого человека прежде, чем мы вышвырнем его из страны как лицо нежелательное!

Гэваллан вспыхнул от подобной грубости:

– Э-э, погодите-ка минутку, капитан Старк – наш лучший капи...

– Ты, Мастак, к тому же сукин сын! – взорвался Старк, сжимая кулаки; внезапно его фигура стала настолько грозной, что Эйр и Гэваллан ошеломленно застыли, Эсвандиари попятился, а молодой иранец с зеленой повязкой открыл рот от изумления. – Ты всегда был выскочкой, и я бы называл тебя Эсвандиари, или как тебе там еще хочется, если бы не то, что ты сделал с капитаном Эйром. Поганка ты бесхребетная, размазать бы тебя по стенке, и я тебя размажу, дай только срок!

– Я отдам вас под суд. Завтра же комите...

– Ты – желтопузый пожиратель верблюжьего кала, поэтому пойдешь выдуй его у себя из задницы. – Старк с презрительной миной повернулся к «зеленой повязке», который все так же смотрел на него разинув рот, и без всякой паузы перешел на фарси, и голос его теперь звучал вежливо и почтительно. – Ваше превосходительство, я сказал этому псу, – он показал в сторону Эсвандиари, – что он пожиратель верблюжьего кала, который не имеет мужества и которому нужны мужчины с оружием, чтобы они защищали его, пока он приказывает другим мужчинам избивать и запугивать безоружных мирных людей моего племени вопреки закону, который отказывается... – Задыхаясь от ярости, Эсвандиари попытался перебить его, но Старк продолжал, повысив голос: – Который отказывается выйти против меня как мужчина – с ножом, мечом, ружьем или кулаком, – дабы избежать кровной родовой вражды, согласно обычаям бедуинов, а также и моим обычаям.

– Кровная вражда?! Вы с ума сошли! Во имя Аллаха, какая еще кровная вражда? Кровная вражда запрещена законом!.. – закричал Эсвандиари.

Пока он продолжал свою тираду, Гэваллан и Эйр беспомощно наблюдали, не понимая ни слова на фарси и совершенно ошарашенные этим взрывом ярости у Старка.

Но молодой иранец закрыл уши от Эсвандиари, потом поднял руку, все еще находясь под большим впечатлением от Старка и его познаний и изрядно ему завидуя.

– Прошу вас, ваше превосходительство Эсвандиари, – сказал молодой иранец, глядя на Эсвандиари глазами, увеличенными толстыми линзами очков, и, когда тот замолчал, обратился к Старку: – Вы настаиваете на древнем праве кровной мести против этого человека?

Старк слышал удары собственного сердца и свой голос, твердо сказавший:

– Да. – Он понимал, что затеял опасную игру, но чувствовал, что должен довести ее до конца. – Да.

– Как может неверный настаивать на этом праве?! – в бешенстве завопил Эсвандиари. – У нас здесь не Аравийская пустыня, наши законы запрещают кров...

– Я настаиваю на этом праве!

– На все воля Аллаха, – произнес «зеленая повязка» и посмотрел на Эсвандиари. – Может быть, этот человек и не совсем неверный, не по-настоящему. Этот человек имеет право настаивать на том, что хочет, ваше превосходительство.

– Вы рехнулись? Конечно же, он неверный, и разве вам не известно, что кровная месть запрещена законом? Болван, это противозаконно, это про...

– Вы не мулла! – воскликнул молодой человек, тоже разозлившись. – Вы не мулла, чтобы говорить, что по закону, а что нет! Закройте рот! Я вам не безграмотный землепашец, я умею читать и писать, и я член комитета, который поддерживает здесь мир и порядок, а вы теперь ставите этот мир под угрозу. – Он впился горящим взглядом в Эсвандиари, который снова отступил на шаг. – Я спрошу у комитета и муллы Хусейна, – сказал он Старку. – Маловероятно, что они согласятся, но... на все воля Аллаха. Я согласен, что закон есть закон и что человеку не нужны другие люди с оружием, чтобы избивать невооруженных невинных людей вопреки закону или даже наказывать зло, каким бы большим оно ни было, – только сила Аллаха. Я оставляю вас с Богом. – Он повернулся, чтобы уйти.

– Одну минуту, ага, – сказал Старк, снял с крюка у открытой двери запасную парку и протянул ее иранцу. – Вот, прошу вас, примите этот скромный дар.

– Я ни в коем случае не могу его принять, – ответил юноша, глядя на парку широко открытыми глазами: ему очень хотелось ее получить.

– Пожалуйста, ваше превосходительство, этот дар настолько незначителен, что едва достоин упоминания.

Эсвандиари открыл было рот, но тут же закрыл его, когда юноша в упор посмотрел на него и снова перенес свое внимание на Старка.

– Я ни в коем случае не могу принять его, это такой богатый подарок, я никак не могу принять его от вашего превосходительства.

– Я прошу вас, – терпеливо настаивал Старк, соблюдая формальности, потом, по истечении некоторого времени, развернул куртку, чтобы юноша смог ее надеть.

– Что же, раз вы настаиваете... – произнес иранец, изображая нежелание; он передал свою М-16 Эйру, пока надевал длинную парку; остальные не вполне понимали, что происходит, за исключением Эсвандиари, который стоял и смотрел, поклявшись про себя, что отомстит. – Благодарю вас, ага. – Юноша увидел выражение лица Эсвандиари, и его отвращение к нему стало еще сильнее: разве он не принял самый обычный пешкеш, на который имел полное право? – Я постараюсь убедить комитет предоставить вашему превосходительству то право, которого вы добиваетесь, – сказал он Старку и с довольным видом ушел, растворившись в сумерках.

Старк тут же повернулся к Эсвандиари:

– Ну, какого черта тебе надо?

– У многих пилотов летные удостоверения и виды на жительство просрочены и...

– Ни одно британское или американское летное удостоверение не просрочено, только иранские, а они выдаются автоматически, если первые в порядке! Разумеется, они просрочены! Разве управление вашей компании не стоит на замке уже много месяцев? Пора бы тебе вытащить свою башку из своей задницы!

Эсвандиари побагровел, как свекла, и, едва он открыл рот, чтобы ответить, как Старк повернулся к нему спиной и впервые посмотрел прямо на Гэваллана:

– Совершенно очевидно, что работать здесь дальше невозможно, мистер Гэваллан. Вы теперь и сами все видели. Нас притесняют, Фредди вон избили, наши решения отменяют, и мы никак не можем работать по уши в подобном дерьме. Я думаю, вам следует закрыть базу месяца на два. Немедленно! – добавил он.

Гэваллан вдруг все понял.

– Согласен, – кивнул он и перехватил инициативу, а Старк облегченно выдохнул, протолкался мимо них в комнату и с напускным раздражением плюхнулся в кресло, чувствуя, как сердце колотится в груди. – Я закрываю базу немедленно. Вертолеты и людей разошлем по другим местам базирования. Фредди, собери пять человек, у которых просрочен отпуск, и посади их прямо сейчас с вещами на борт сто двадцать пятого, прямо сейчас и...

– Вы не можете закрыть базу, – огрызнулся Эсвандиари. – И у вас нет разреше...

– Она уже закрыта, клянусь Создателем! – отрезал Гэваллан, распаяя себя до олимпийского гнева. – Это мои вертолеты и мои люди, и мы не собираемся терпеть все эти издевательства и побои. Фредди, у кого просрочен отпуск?

Эйр бесцветным голосом начал перечислять имена, и Эсвандиари испытал шок. Закрытие базы его совсем не устраивало. Разве министр Киа не собирался приехать сюда с инспекцией в следующий четверг и разве он не собирался в этот день преподнести ему невиданный пешкеш? Если база будет закрыта, это разрушит все его планы.

– Вы не имеете права вывозить наши вертолеты с данной территории без моего разрешения! – прокричал он. – Они являются иранской собственностью!

– Они являются собственностью совместного предприятия, когда за них будет произведена оплата! – проорал в ответ Гэваллан; в гневе он мог нагнать страху на кого угодно. – Я намерен подать жалобу в высшие инстанции на то, что вы саботируете прямой приказ имама восстановить нормальную добычу нефти. Именно так! Вы...

– Я запрещаю вам закрывать базу! Я добьюсь, что комитет бросит Старка в тюрьму за бунт и неповиновение, если вы...

– Чушь собачья! Старк, я приказываю вам закрыть базу. Мастак, вы, похоже, забыли, что у нас широкие связи. Я буду жаловаться непосредственно министру Али Киа. Он является советником правления нашей компании, и он разберется и с вами, и с «Иран ойл»!

Эсвандиари побледнел:

– Министр Киа во... входит... в совет директоров?

– Да-да, именно так. – На долю секунды Гэваллан был сбит с толку. Он воспользовался именем Киа как единственного человека, известного ему в нынешнем правительстве, и был поражен тем впечатлением, которое оно произвело на Эсвандиари, но, не подавая виду, на ходу перестроился, развивая успех. – Мой близкий друг Али Киа разберется со всем этим безобразием! И с вами. Вы предатель интересов Ирана! Фредди, сажай пять человек на борту сто двадцать пятого немедленно! И, Старк, завтра с восходом вы отправите все до единого вертолеты, которые у нас здесь есть, в Бендер-Дейлем – с самым восходом!

– Слушаюсь, сэр-р-р!

– Погодите, – пробормотал Эсвандиари, видя, как рушатся все его планы. – Нет необходимости закрывать базу, мистер Гэваллан. Возможно, были какие-то недоразумения, главным образом из-за Петрофи и этого человека Затаки. Избиение не имело ко мне никакого отношения, я тут ни при чем! – Он заставлял свой голос звучать убедительно, но внутри ему хотелось визжать от ярости и видеть их всех в тюремной камере, избиваемых плетьюми, вопящих и умоляющих о милосердии, которого они никогда от него не увидят. – Нет необходимости закрывать базу, мистер Гэваллан. Все полеты могут проходить как обычно.

– База закрыта! – повелительно повторил Гэваллан и бросил взгляд на Старка, ища подсказки. – Как бы я ни был против.

– Так точно, сэр. Вы правы. – Старк заговорил очень почтительно. – Разумеется, вы вправе закрыть базу. Мы можем передислоцировать вертолеты или законсервировать их. Бендер-Дейлему немедленно нужен двести двенадцатый для... для обслуживания их контракта с «Иран-Тода». Возможно, мы могли бы послать им один из наших и законсервировать остальные.

Эсвандиари торопливо заговорил:

– Мистер Гэваллан, работа с каждым днем все больше возвращается к нормальной. Революция победила и закончилась, имам стоит у власти. Комитеты... комитеты скоро исчезнут. Необходимо будет обслуживать все контракты «Герни», понадобится вдвое больше двести двенадцатых. Что же касается продления просроченных разрешений... Иншаллах! Мы подождем тридцать дней. Не нужно прекращать работу. Не стоит торопиться, мистер Гэваллан, вы были на этой базе долгое время, у вас здесь большие инвестиции, и...

– Я знаю, сколько у нас здесь инвестиций, – оборвал его Гэваллан с неподдельным озлоблением; эти медоточивые интонации вызывали у него омерзение. – Очень хорошо, капитан Старк, я последую вашему совету, и, клянусь Создателем, вам лучше с ним не промахнуться. Сажайте двух человек сегодня вечером на сто двадцать пятый, их замена прибывает на следующей неделе. Отправьте двести двенадцатый в Бендер-Дейлем завтра. На какой срок они собираются одолжить его у вас?

– На шесть дней, сэр, машина вернется в следующее воскресенье.

Гэваллан повернулся к Эсвандиари:

– Машина вернется при условии, что ситуация здесь изменится к лучшему.

– Двести двенадцатый принадлежит нам... Двести двенадцатый относится к вертолетному парку этой базы, мистер Гэваллан, – быстро поправился Эсвандиари. – Он находится у нас на балансе. Машина должна будет вернуться. Что касается людей, согласно правилам, сначала прибывают пилоты и механики на замену, а потом убывают отпускники...

– Значит, мы поменяем правила, мистер Эсвандиари, или я закрываю базу сейчас же! – резко возразил Гэваллан, продолжая надеяться на лучшее. – Старк, отправляйте двух человек с самолетом сегодня вечером, остальных, кроме самого необходимого персонала, – в четверг, и мы придем сюда сто двадцать пятый в пятницу с полным комплектом людей на замену, однако при условии, что ситуация на базе нормализуется.

Старк увидел, как Эсвандиари снова закипает, и быстро добавил:

– Нам не разрешается летать в священный день, сэр. Смена должна будет прибыть утром в субботу. – Он взглянул на Эсвандиари. – Вы не согласны?

Какое-то мгновение Эсвандиари казалось, что он сейчас взорвется: скопившаяся в нем злоба почти прорвалась наружу.

– Если вы... если вы извинитесь за все отвратительные ругательства и за свое отвратительное поведение.

Повисло долгое молчание. Дверь так и оставалась открытой, в комнате стало холодно, но Старк чувствовал, как между лопатками у него сбегает струйки пота, пока он взвешивал свой ответ. Они многого добились, если «Шамал» действительно будет приведен в действие, но Эсвандиари не был дураком, и быстрая сдача позиций вызовет у него подозрения, так же как отказ мог бы поставить под угрозу все, чего они достигли.

– Извиняться я ни за что не буду. Но в будущем готов называть вас мистер Эсвандиари, – сказал Старк.

Не говоря ни слова, Эсвандиари повернулся и вышел. Старк закрыл за ним дверь; его рубашка под свитером прилипла к спине.

– Черт возьми, Дюк, что это было? – сердито спросил Эйр. – Ты что, совсем спятил?

– Минуточку, Фредди, – вмешался Гэваллан. – Дюк, Мастак согласится на все это?

– Я... я не знаю. – Старк сел, колени у него дрожали. – Господи!

– Если да... если он согласится... Дюк, ты был великолепен! Это была гениальная идея, гениальная!

– Ты поймал мяч, Энди, ты забил его в ворота.

– Если этот гол будет засчитан. – Гэваллан вытер пот со лба и начал объяснять все Эйру, но в этот момент зазвонил телефон.

– Алло? Старк слушает... Конечно, минутку... Энди, это с диспетчерской вышки. Мак-Ивер хочет поговорить с тобой по ВЧ-связи. Вазари спрашивает, подойдешь ли ты прямо сейчас или свяжешься с ним позже. Мак-Ивер говорит, он получил известия от человека по имени Эвисьярд.

Когда Гэваллан в диспетчерской переключился на передачу, его едва не стошнило от беспокойства. Вазари наблюдал за ним, еще один говорящий по-английски иранец из «зеленых повязок» следил за ним так же внимательно.

– Да, капитан Мак-Ивер?

– Добрый вечер, мистер Гэваллан, рад, что удалось вас застать. – Голос Мак-Ивера пробивался сквозь помехи и звучал вполне буднично. – Как слышите меня?

– Три на пять, капитан Мак-Ивер, продолжайте.

– Я только что получил телекс от Лиз Чэнь. В нем говорится: «Пожалуйста, передайте мистеру Гэваллану нижеследующий телекс, который датирован двадцать пятым февраля и только что получен: „Ваша просьба удовлетворена. Массон Эвисьярд“. Копия направлена в Эль-Шаргаз. Конец текста».

Некоторое время Гэваллан боялся поверить своим ушам.

– Удовлетворена?

– Да, повторяю: «Ваша просьба удовлетворена». Телекс подписан Массоном Эвисьярдом.

Что мне им ответить?

Гэваллан с трудом спрятал охватившее его ликование. Массоном звали его лондонского друга из регистрационного управления Министерства авиации, а «просьба» касалась временного внесения в британский реестр всех их вертолетов, задействованных в Иране.

– Просто подтвердите получение, капитан Мак-Ивер.

– Мы можем продолжать планирование.

– Да, согласен. Я улетаю через пару минут, у вас есть еще что-нибудь?

– Пока нет. Обычные рабочие вопросы. Я ознакомлю капитана Старка с обстановкой на данный момент во время нашего обычного сеанса связи. Очень рад насчет Массона, желаю мягкой посадки.

– Спасибо, Мак, и вам всего доброго. – Гэваллан щелкнул тумблером и передал микрофон юному сержанту Вазари. Он заметил тяжелые кровоподтеки, сломанный нос и несколько выбитых зубов. Но ничего не сказал. Что тут скажешь? – Спасибо, сержант.

Вазари показал в окно на площадку внизу, где заправочная команда сматывала длинные шланги на барабаны.

– Самолет полностью заправлен, с... – Он оборвал себя в последний момент, едва не произнеся привычное «сэр». – Мы... э-э, у нас не работают огни на взлетно-посадочной полосе, поэтому вам лучше поторопиться на борт.

– Благодарю вас. – Гэваллан испытывал почти самое настоящее головокружение, направляясь к лестнице.

Аппарат внутренней высокочастотной связи базы со скрежетом ожил.

– Говорит начальник базы. Свяжите меня с мистером Гэвалланом.

Вазари тут же щелкнул переключателем.

– Есть, сэр. – Он нервно протянул микрофон Гэваллану, который тут же насторожился. – Это май... извините, теперь он полковник Чангиз.

– Да, полковник? Эндрю Гэваллан.

– Иностранцам гражданам запрещено пользоваться высокочастотной связью для передачи закодированных сообщений. Кто такой Массон Эвисьярд?

– Инженер-конструктор, – ответил Гэваллан. Это было первое, что пришло ему в голову. Будь внимательней, этот сукин сын умен. – Я, безусловно, не пытался пере...

– В чем заключалась ваша «просьба» и кто такая эта... – Секундная пауза и приглушенные голоса на другом конце. – Кто такая Лиз Чэнь?

– Лиз Чэнь – моя секретарша, полковник. Моя просьба состояла в том... – «В чем?» – хотелось крикнуть ему, потом сразу, в одно мгновение, ответ сложился в его голове, – чтобы спроектировать посадочные места в салоне в конфигурации шесть рядов по два кресла на каж-

дую сторону от прохода в новом вертолете марки Х63. Производители предлагали иную конфигурацию, но наши инженеры полагают, что размещение мест шесть на четыре повысит безопасность и обеспечит быстроту покидания салона в экстренной ситуации. Кроме того, она также сэкономит нам деньги и, во...

– Да, очень хорошо, – раздраженно прервал его полковник. – Повторяю, высокочастотной связью пользоваться можно только с предварительного разрешения, пока не будет отменен режим чрезвычайной ситуации, и уж, безусловно, не для передачи закодированных сообщений. Дозаправка вашего самолета завершена, вам дано разрешение на немедленный взлет. Завтрашняя посадка вашего самолета с целью забрать тело погибшего в Загросе сотрудника не разрешается. Эхо-Танго-Лима-Лима может вернуться в понедельник с одиннадцати до двенадцати часов утра при условии получения подтверждения из штаба ВВС, которое будет передано на станцию радиолокационного слежения на Кише. Доброй ночи.

– Но мы уже получили официальное разрешение Тегерана, сэр. Мой пилот передал его вашему дежурному офицеру по посадкам сразу же, как только мы приземлились.

Тон полковника стал еще жестче.

– Разрешение на понедельник подлежит утверждению штабом ВВС Ирана. Штабом ВВС Ирана. Это база иранских военно-воздушных сил, ваша деятельность определяется правилами и порядком работы иранских ВВС, и вы будете соблюдать правила и порядок работы иранских ВВС. Вам понятно?

После паузы Гэваллан произнес:

– Да, сэр, я понимаю, но мы гражданская компа...

– Вы в Иране, на территории базы иранских ВВС и потому подпадаете под действие правил и порядка работы иранских ВВС.

Канал связи опустел. Вазари нервно поправил предметы на своем и без того безукоризненно аккуратном рабочем столе.

Воскресенье 25 февраля

Глава 49

ЗАГРОС. БУРОВАЯ ВЫШКА «БЕЛИССИМА». 11:05. На колючем морозе Том Лочарт смотрел, как Йеспер Алмквист, специалист по скважинам, направлял большую пробку, висевшую на металлическом тросе над открытой буровой скважиной. Вокруг чернели обгоревшие останки бурового оборудования и трейлеров, сожженные поджигателями-террористами и уже присыпанные выпавшим снегом.

– Опускай, – крикнул молодой швед.

Тут же его помощник в маленькой отдельно стоящей будке включил лебедку. Неловко борясь с ветром, Йеспер нацеливал пробку в металлическую обсадную колонну скважины.

Пробка состояла из заряда взрывчатки поверх двух металлических получашек, укрепленных вокруг резинового уплотнительного кольца. Лочарт видел, как устали оба человека. Это была четырнадцатая скважина, которую они закупоривали за последние три дня, а впереди еще пять; до конечного срока на закате оставалось семь часов, на каждую скважину уходило от двух до трех часов при нормальных погодных условиях – с момента, когда они высаживались на буровой площадке.

– Черт бы подрал эту проклятую погоду! – бормотал Лочарт, измотанный не меньше их.

Слишком много часов в воздухе с тех пор, как комитет назначил крайний срок, слишком много проблем: чехарда с закрытием всего месторождения с его одиннадцатью площадками, рейс в Шираз, чтобы забрать оттуда Йеспера, переброска вертолетами нефтяников в Шираз с рассвета до наступления темноты, перевозка запчастей в Ковисс, необходимость решать, что взять, а что оставить. Невозможно со всем управиться за такой короткий срок. А потом смерть Джордона и ранение Скота.

– Так, держи ее в этом положении! – прокричал Йеспер, потом торопливо пробрался по снегу к будке.

Лочарт видел, как он проверил датчик глубины и вдавил палец в кнопку. Раздался приглушенный взрыв. Из скважины вырвалось облачко дыма. Его помощник тут же начал сматывать на лебедку остаток троса, а Йеспер вернулся к скважине, поднатужившись, закрыл скважину буровыми плашками, и дело было сделано. «Взрыв сбивает чашки вместе, – объяснил ему Йеспер в самом начале. – Это прижимает резиновый уплотнитель к стальной обсадной колонне, и скважина оказывается закупоренной, такой пробки хватает на пару лет. Когда ты захочешь ее откупорить, мы возвращаемся, другим специальным устройством высверливаем пробку, и скважина, считай, как новая. Может быть».

Йеспер вытер лицо рукавом.

– Том, валим отсюда к чертям! – Хрустя снегом, он протопал назад к будке, откинул рубильник главного выключателя, засунул все компьютерные распечатки в свой портфель, закрыл дверь и запер ее на замок.

– А как же оборудование внутри?

– Остается здесь. С будкой все в порядке. Садимся в вертолет, я замерз как собака. – Йеспер направился к 206-му, стоявшему на вертолетной площадке. – Как только вернусь в Шираз, встречу с людьми из «Иран ойл» и договорюсь, чтобы они добыли нам разрешение вернуться и забрать будку отсюда и с остальных буровых тоже. Одиннадцать будок – это до фига денег, чтобы оставлять их тут гнить без дела. В плане погоды они без проблем выстоят тут год, если их запереть. Они рассчитаны на самые жесткие погодные условия, хотя если их станут курочить, то они, понятно, долго не выдержат. – Он показал рукой на царившую вокруг разруху. – Идиотизм!

– Да уж.

– Идиотизм полный! Том, ты бы видел рожи этих директоров из «Иран ойл», когда я сказал им, что тебе приказали убираться отсюда и что мистер Сера закрывает месторождение, – усмехнулся Йеспер, светловолосый, голубоглазый. – Они визжали как резанные свиньи и клялись, что не было никакого приказа комитета остановить добычу нефти.

– Я до сих пор не понимаю, почему они не прилетели сюда вместе с тобой и не отменили распоряжение здешних ублюдков.

– Я их приглашал, но они сказали, что будут на следующей неделе. Это Иран, они никогда сюда не приедут. – Он оглянулся на буровую. – Одна эта скважина дает шестнадцать тысяч баррелей в сутки. – Он забрался на сиденье рядом с Лочартом, его помощник, молчаливый бретонец, расположился в пассажирском отсеке и захлопнул дверцу. Лочарт включил двигатели и поставил печку на максимум.

– Следующая вышка «Мария», о'кей?

Йеспер ненадолго задумался:

– Ее лучше оставить напоследок. «Роза» поважнее будет. – Он подавил еще один зевок. – Нам там две добывающие скважины надо закупорить и одну, которую еще бурят. У бедолаг не было времени вытащить семь тысяч футов трубы, так что придется затыкать скважину со всем этим добром внутри. Столько денег коту под хвост, черт бы их подрал! – Он застегнул ремень безопасности и подался вперед, к отверстиям обогревателя.

– А что потом?

– Все как обычно. – Молодой человек рассмеялся. – Когда нужно будет ее открыть, мы высверлим пробку, потом начнем выуживать трубу, кусок за куском. Дело медленное, утомительное и дорогостоящее. – Еще один чудовищный зевок. Швед закрыл глаза и почти мгновенно уснул.

На «Розе» 206-й встретил Миммо Сера. 212-й тоже стоял на площадке, его двигатели работали на холостых оборотах, Жан-Люк сидел в кабине пилота, люди загружали багаж и рассаживались в пассажирском салоне.

– Buon giorno, Том.

– Привет, Миммо. Как тут у вас? – Лочарт приветственно махнул рукой Жан-Люку.

– Это последние из моих людей, за исключением одного подсобника, который будет помогать Йесперу. – Миммо пошатывало от усталости. – У нас не было времени вытащить трубу из третьей.

– Ничего, закупорим как есть.

– Sì. – Усталая улыбка. – Только подумай о тех деньгах, которые вы заработаете, вытаскивая ее оттуда.

Йеспер расхохотался:

– Семь тысяч восемьсот шестьдесят футов по... Может быть, мы предоставим вам специальную скидку.

Итальянец добродушно сделал в его сторону выразительный жест.

– Ладно, я вас оставляю, разберетесь сами, – сказал Лочарт. – Когда вы хотите, чтобы я прилетел вас забрать?

Йеспер посмотрел на часы. Был почти полдень.

– Возвращайтесь за нами в половине пятого, хорошо?

– Ровно в четыре тридцать буду здесь. Солнце сегодня садится в шесть тридцать семь. –

Лочарт подошел к 212-му.

Жан-Люк плотно закутался от холода и все равно умудрялся выглядеть элегантным.

– Я везу эту толпу напрямиком в Шираз. Они последние, кроме Миммо и твоей команды.

– Хорошо. Как там дела внизу?

– Хаос. – Жан-Люк смачно выругался. – Я чувю беду, настоящую катастрофу.

– Катастрофы тебе чудятся все время, кроме тех случаев, когда ты в постели с женщиной.

Не переживай, Жан-Люк.

– Как же не переживать, конечно, я переживаю. – Жан-Люк некоторое время наблюдал за погрузкой – она почти закончилась: чемоданы, рюкзаки, сумки, две собаки, две кошки и полный вертолет людей, нетерпеливо ожидающих взлета, – потом опять повернулся к Лочарту и, понизив голос, сказал серьезно: – Том, чем скорее мы выберемся из Ирана, тем лучше.

– Нет. Загрос – это отдельная история. Я все равно надеюсь, что с Ираном все образуется. – Мысли Лочарта тут же устремились к НВС, Шахразде и «Шамалу». Он здесь никому не рассказывал о «Шамале» и своем разговоре со Старком: «Я оставляю это тебе, Дюк, – сказал он ему перед отлетом. – Ты сможешь изложить все убедительнее, чем я. Я полностью против этого плана».

– Конечно. Это твое право. Мак дал разрешение на твою поездку в Тегеран в понедельник.

– Спасибо. Он так и не видел Шахраду?

– Нет, Том, пока нет.

Куда она подевалась, черт побери? – думал он, ощущая новый болезненный спазм во всем теле.

– Увидимся на базе, Жан-Люк. Счастливого полета.

– Проследи, чтобы Скот и Родригес были готовы, когда я вернусь. Мне придется сильно торопиться, если я хочу попасть в Эль-Шаргаз сегодня вечером. – Дверь пассажирского салона захлопнулась. Жан-Люк оглянулся и увидел вздернутые вверх большие пальцы. Он кивнул и опять повернулся к Лочарту. – Ну, я полетел... Проследи, чтобы Скот пролез на борт незаметно, а? Не хочу, чтобы меня сбили по дороге. Я по-прежнему считаю, что их истинной мишенью был Скот, и никто другой.

Лочарт удрученно кивнул и зашагал к своему 206-му.

Он был в воздухе, возвращаясь из Ковисса, когда катастрофа разразилась вчера на рассвете. Жан-Люк в этот момент как раз вставал и чисто случайно посмотрел в окно.

– Оба они, Джордон и Скот, стояли совсем рядом, держали вдвоем ящик с запчастями, которые грузили в Н1W, – рассказал он Лочарту сразу же, как тот приземлился. – Первые выстрелы я не видел, только слышал их, но заметил, как Джордон покачнулся и вскрикнул, ему попали в голову, а Скот посмотрел в сторону деревьев позади ангара. Потом Скот нагнулся и попытался помочь Джордону... Я много мертвецов повидал на своем веку и знал, что Эффер был мертв еще до того, как упал на снег. Потом прозвучали еще выстрелы, три или четыре, но это был не пулемет, скорее М-16 в режиме автоматической стрельбы. На этот раз Скот схлопотал одну в плечо, его крутануло, и он упал в снег рядом с Джордоном, который его наполовину прикрыл, оказавшись как раз между ним и деревьями. Потом опять зацокали пули, Том... стреляли в Скота, я уверен.

– Как ты можешь быть уверен?

– Точно говорю. Эффер был прямо на линии огня, прямо на линии, он их все и принял. Нападавшие не просто обстреливали базу, они целились в Скота. Я схватил свой пистолет Вери и выскочил наружу, никого не увидел, но все равно пальнул в сторону деревьев. Когда я добрался до Скота, его трясло, а Джордон выглядел совсем неважно: в него попали, наверное, раз восемь. Мы оттащили Скота к фельдшеру. С ним все в порядке, Том, ранен в плечо, я сам смотрел, как его залатали. Рана чистая, и пуля прошла навывлет.

Лочарт тут же отправился к Скоту, который лежал в комнате трейлера, которую они называли госпиталем. Кевин О'Суини, их медик, сказал:

– Он в порядке, капитан.

– Да, – тут же отозвался Скот; его лицо совсем побелело, и он все еще был в шоке. – На самом деле в порядке, Том.

– Кевин, дай-ка я поговорю со Скотом минутку. – Когда они остались одни, он тихо спросил: – Что тут происходило, пока меня не было, Скот, ты виделся с Ничак-ханом? С кем-нибудь еще из деревни?

– Нет. Ни с кем не виделся.

– И ты никому не рассказывал о том, что произошло на площади?

– Нет, нет, никому ни слова. А что? К чему все эти вопросы, Том?

– Жан-Люк считает, что эти люди целились в тебя, не в Джордона и не в кого-то еще, только в тебя.

– О господи! Значит, старина Эффер погиб из-за меня?

Лочарт вспомнил, в каком Скот был отчаянии. Вся база впала в мрачное уныние, все по-прежнему работали не покладая рук, укладывали запчасти в ящики, загрузили оба 212-х,

206-й и «алуэтт», готовя их к сегодняшнему дню, последнему в Загросе. Единственным ярким пятном вчера стал ужин: барбекю из задней ноги дикой козы, которую Жан-Люк приготовил с большим количеством восхитительного иранского риса и хореша.

– Отличное барбекю, Жан-Люк! – похвалил еду Лочарт.

– Без французского чеснока и моего умения все это напоминало бы на вкус старую английскую баранину, брр!

– Повар ее в деревне купил?

– Нет, это был подарок. Дариус – помнишь, тот молодой парень, который говорит по-английски? – притащил нам в пятницу целую тушу: подарок, говорит, от жены Ничака.

Внезапно нежное мясо застряло у Лочарта в глотке.

– От его жены?

– Oui. Юный Дариус сказал, что она подстрелила ее в тот день утром. Mon Dieu, я и не знал, что она охотница, а ты? В чем дело, Том?

– Это был подарок кому?

Жан-Люк нахмурился:

– Мне и всей базе... Вообще-то, Дариус сказал: «Это от жены старосты для базы и в благодарность за помощь Франции имаму, да продлит Аллах его дни». А что?

– Ничего, – ответил Лочарт, но позже отвел Скота в сторону. – Ты был там, когда Дариус принес козу?

– Да, был. Я случайно оказался в конторе и просто поблагодарил его, и... – Внезапно кровь отхлынула от его лица. – Теперь я припоминаю, что, перед тем как уйти, Дариус сказал: «Это большая удача, что жена старосты так метко стреляет, не так ли?» И я, кажется, ответил: «Да, без промаха». Получается, я выдал себя с головой, так ведь?

– Да... если к этому добавить мою тогдашнюю оплошность со старостой, которая, как я теперь думаю, была специально подстроеной ловушкой. Я тоже угодил в ловушку, так что Ничак наверняка знает, что нас двое, два свидетеля, которые могли бы выступить против его деревни.

Вчера ночью и весь сегодняшний день Лочарт думал, что ему делать, как обезопасить себя и Скота, и до сих пор не нашел никакого решения.

Он рассеянно забрался в свой 206-й, подождал, пока Жан-Люк не отлетит на безопасное расстояние, и поднялся в воздух. Сейчас он летел над ущельем Объезженных Верблюдов. Дорога, которая вела к деревне, была по-прежнему погребена под тоннами снега, съехавшими на нее с лавиной. Они никогда ее не расчистят, подумал он. На холмистом плато он разглядел стада коз и овец и пастухов, присматривавших за ними. Впереди была деревня Яздек. Он обогнул ее с краю. Здание школы напоминало шрам на снегу, черный посреди белизны. На площади он заметил несколько человек, они на секунду подняли головы, когда он пролетал мимо, потом вернулись к своим делам. Мне не жаль будет отсюда уехать, подумал он. Теперь, когда убили Джордона, «Загрос-3» уже никогда не станет прежней.

На базе царил полный хаос, люди сновали туда-сюда, последние из тех, кого они доставили с буровых и готовились перевезти в Шираз, откуда они полетят за пределы Ирана. Чертыхающиеся, до предела измотанные механики все еще паковали запчасти, складировав ящики и коробки для отправки в Ковисс. Прежде чем он успел вылезти из кабины, к вертолету подкатил заправщик, на капоте которого лихо восседал Фредди Эйр. Вчера по совету Старка Лочарт привез с собой Эйра и еще одного пилота, Клауса Швартенеггера, на замену Скоту.

– Я тут обо всем позабочусь, Том. Иди поешь.

– Спасибо, Фредди. Как здесь дела?

– Не шибко. Клаус полетел с грузом запчастей в Ковисс, вернется, как раз чтобы успеть сделать еще один рейс, последний. Когда солнце сядет, я возьму «алуэтт», он нагружен по самые жабры, и еще чуть-чуть сверху навалили. На чем ты сам хочешь лететь отсюда?

– На двести двенадцатом, и я... я возьму Джордона с собой. Клаус может взять двести шестой. Ты собираешься в Шираз?

– Ага. Нам туда еще десять душ перебросить надо. Я тут, э-э, подумал, возьму-ка я по пять пассажиров вместо четырех, уложимся в два рейса. А?

– Если они не очень здоровые – никакого багажа, – и если я ничего не увижу и не услышу. О'кей?

Эйр расхохотался; от холода синяки на его лице проступали еще отчетливее.

– Им так не терпится, что, я думаю, на багаж им будет наплевать. Один из ребят с «Марии» говорил, что они слышали стрельбу где-то поблизости.

– Вероятно, кто-то из деревенских пошел на охоту. – Призрак охотницы с мощной винтовкой в руках или, если уж на то пошло, любого кашкайца – все слыли отменными стрелками – наполнил его ужасом. Мы так чертовски беспомощны, подумал он, но выражение его лица мыслей этих не выдало. – Удачного полета, Фредди. – Лочарт отправился на кухню, где ему положили горячего хореша.

– Ага, – нервничая, произнес повар, его четыре помощника струдились рядом, – нам следует зарплата за два месяца. Что будет с нашими деньгами и с нами?

– Я уже говорил тебе, Али. Мы отвезем вас в Шираз, откуда вы сюда прибыли. Сегодня днем. Там мы расплатимся с вами, и я сразу же, как только смогу, вышлю вам выходное пособие в размере месячной зарплаты, которое мы вам должны. Вы будете держать связь через «Иран ойл», как обычно. Когда мы вернемся, вы получите свою работу обратно.

– Спасибо вам, ага. – Повар работал у них год. Это был худой бледный иранец, страдавший язвой желудка. – Я не хочу оставаться среди этих варваров, – нервно произнес он. – Когда сегодня днем?

– До заката. В четыре часа начинайте все убирать и приводить в порядок, чтобы здесь было чисто и аккуратно.

– Но, ага, какой в этом смысл? Как только мы улетим, эти вшивые яздеки придут и украдут все, что можно.

– Знаю, – устало кивнул Лочарт. – Но вы оставите здесь все в чистоте и порядке, а я запру дверь, и, может быть, они ничего не станут красть.

– На все воля Аллаха, ага. Но они все равно украдут.

Лочарт поел и прошел в контору. Там сидел Скот Гэваллан: лицо вытянутое, рука на перевязи и ноет. Дверь открылась. В комнату вошел Род Родригес, под глазами – черные круги, лицо бледное и нездоровое.

– Привет, Том, ты не забыл? – встревоженно спросил он. – Меня нет в манифесте.

– Это не проблема. Скот, Род отправляется с НИХ. Он полетит с тобой и Жан-Люком в Эль-Шаргаз.

– Здорово, только я в порядке, Том. Думаю, я предпочел бы лететь в Ковисс.

– Ради всех святых, ты летишь в Эль-Шаргаз, и кончен разговор!

Скот покраснел при этой вспышке гнева.

– Да. Хорошо, Том. – Он вышел.

Родригес нарушил молчание:

– Том, что ты хочешь, чтобы мы отослали с НИХ?

– Откуда мне знать, черт поде... – Он одернул себя. – Извини, усталость одолевает. Извини.

– Нет проблем, Том, мы все устали. Может быть, пошлем его пустым?

С усилием Лочарт стряхнул усталость:

– Нет, грузите на борт запасной двигатель и все другие запчасти для двести двенадцатого до полной загрузки.

– Сделаем. Это будет правильно. Может, тебе... – (Дверь открылась, и в нее быстро проскользнул Скот.) – Ничак-хан! Посмотри в окно!

По дороге со стороны деревни к базе приближалась толпа мужчин, человек двадцать, если не больше. Все с оружием. Остальные уже рассредоточивались по всей базе. Ничак-хан направлялся к трейлеру с конторой. Лочарт подошел к окну в задней стене и распахнул его.

– Скот, отправляйся ко мне в дом, держись подальше от окон, не попадайся им на глаза и не двигайся, пока я за тобой не приду. Шевелись!

Скот неуклюже выбрался наружу и побежал прочь. Лочарт закрыл окно и запер.

Дверь открылась. Лочарт поднялся:

– Салам, Ничак-хан.

– Салам. В лесу неподалеку видели чужих людей. Должно быть, террористы вернулись, поэтому я пришел, чтобы охранять вас. – Взгляд Ничак-хана был жестким. – На все воля Аллаха, но я сожалел бы, если бы случились новые смерти до того, как вы улетите. Мы пробуем здесь до заката. – Он вышел.

– Что он сказал? – спросил Родригес, не говоривший на фарси.

Лочарт объяснил и увидел, как тот задрожал.

– Не волнуйся, Род, – успокоил его Том, пряча собственный страх.

Им было никак не взлететь и не приземлиться без того, чтобы не пройти над лесом, на малой высоте, на низкой скорости – сидячие утки для этих стрелков. Террористы! Чушь собачья! Ничак знает про Скота, знает про меня, и я готов жизнь поставить, что он понатыкал кругом своих снайперов. Если он останется здесь до заката, нам никак не выскользнуть отсюда незамеченными: он будет знать, в каком мы вертолете. Иншаллах. Иншаллах, но что ты покамест собираешься делать, черт подери?!

– Ничак-хан знает эти места, – произнес Лочарт беспечным тоном; он не хотел вызвать у Рода панику, на базе и без того достаточно страхов и опасений. – Он защитит нас, Род... если они действительно там. Запасной двигатель уже упаковали в ящик?

– Чего? А, конечно, Том, он в ящике.

– Проследи за погрузкой. Увидимся позже. Не переживай.

Лочарт долгое время тупо смотрел на стену. Когда пришло время возвращаться на вышку «Роза», он отыскал Ничак-хана.

– Вам наверняка захочется убедиться, что вышка «Роза» закрыта по всем правилам, староста, она ведь находится на вашей земле, – сказал он, и, хотя старик упирался, Лочарту удалось, к своему огромному облегчению, убедить Ничак-хана уговорами и лестью сопровождать его. Лочарт знал, что с ханом на борту он будет на время в безопасности.

Пока все идет нормально, подумал он. Я должен лететь последним. Пока мы не окажемся отсюда достаточно далеко, я и Скот, мне нужно быть очень умным и хитрым. Слишком многое можно потерять: Скота, ребят, Шахраду – все.

ВЫШКА «РОЗА». 17:00. Йеспер быстро вел свой специально оборудованный внедорожник по тропинке в соснах к последней, еще не закрытой скважине. Рядом с ним сидел Миммо Сера, подсобник и его помощник находились сзади. Йеспер напевал себе что-то под нос, главным образом чтобы не уснуть. Плато было большим, почти полмили между скважинами, местность вокруг была дикой и очень красивой.

– Опаздываем, – устало заметил Миммо, глядя на снижающееся солнце. – Stronzo!

– Подъедем, взглянем, как там и что, – ответил Йеспер. В боковом кармане у него лежала последняя плитка шоколада для энергетической подпитки. Они разделили ее пополам. – Тут все очень похоже на Швецию, – сказал он, юзом въезжая в поворот; быстрая езда заводила его.

– Никогда не был в Швеции. Вот и она. – Миммо показал рукой вперед.

Скважина стояла на расчищенной от леса площадке, уже запущенная в эксплуатацию и приносящая ежедневно около двенадцати тысяч баррелей нефти. Все месторождение было невероятно богатым. Над скважиной высилась гигантская колонна из вентиляй и труб, прозванная «рождественской елкой», которая соединяла ее с основным нефтепроводом.

– Это была самая первая, которую мы тут пробурили, – рассеянно заметил он. – Еще до того, как вы здесь появились.

Йеспер заглушил мотор, и настала жутковатая тишина: насосы для поднятия нефти на поверхность здесь не требовались: давление газа, запертого в нефтеносном слое на глубине нескольких тысяч футов, выполняло за них эту работу и делало бы ее еще много лет.

– У нас нет времени на то, чтобы закупорить ее как положено, мистер Сера. Если только вы не захотите испытывать гостеприимство наших хозяев.

Старик покачал головой и натянул шерстяную шапку поглубже на уши:

– Сколько продержатся задвижки фонтанной арматуры?

Йеспер пожал плечами:

– Так должны продержаться сколько захотите, но без обслуживания и периодических осмотров – не берусь сказать. Бесконечно долго, если только не будет мощного выброса газа или одна из задвижек или уплотнителей не окажется неисправной.

– Stronzo!

– Stronzo! – с готовностью согласился Йеспер, махнул рукой помощнику и подсобному рабочему и прошел вперед. – Мы ее просто перекроем, пробку ставить не будем.

Снег поскрипывал у него под ногами. Ветер зашумел верхушками деревьев, а потом они услышали стрекот вертолета, возвращавшегося с базы.

– За дело, ребята, – сказал Йеспер.

Их было не видно с вертолетной площадки и от основных зданий «Розы» в полумиле от них. Миммо в раздражении закурил сигарету и прислонился к капоту, наблюдая за напряженной работой трех человек, нутужно закрывавших задвижки; некоторые вентили не поддавались, и тогда они брали огромные ключи, чтобы стронуть их с места; в следующий момент пуля рикошетом отскочила от «рождественской елки», и прилетевший следом за ней треск выстрела – «краккккк!» – эхом прокатился по лесу. Все четверо замерли на месте. Они подождали. Ничего.

– Вы видели, откуда стреляли? – пробормотал Йеспер, но ему никто не ответил; они подождали еще. Ничего. – Давайте закончим, – сказал он и снова всем телом налег на ключ.

Остальные подошли, чтобы помочь.

Тут же раздался еще один выстрел, и пуля ударила в ветровое стекло автомобиля, пробила дыру в перегородке кабины, вдребезги разнесла экран компьютера и какой-то электронный прибор и вылетела с другой стороны. Тишина.

Нигде никакого движения. Только ветер, да снег упал с веток, потревоженных ветром. Шум реактивных двигателей вертолета, выполнявшего «подушку» перед посадкой, перешел на пронзительный визг.

Миммо Сера прокричал на фарси:

– Мы просто закрываем скважину, ваши превосходительства, чтобы сделать ее безопасной. Мы закроем ее и уедем.

Они подождали. Никакого ответа. Тогда он снова произнес:

– Мы только сделаем скважину безопасной! Безопасной для Ирана, не для нас! Для Ирана и имама. Это ваша нефть, не наша!

Они снова подождали, но не услышали ничего, кроме звуков леса. Потрескивание веток. Где-то вдалеке раздался крик животного.

– Mamma mia, – сказал Миммо, охрипнув от крика, потом подошел к скважине и поднял ключ – пуля пропела перед его лицом так близко, что он ощутил ее дуновение. Его шок был мгновенным и сильным. Ключ выскользнул у него из перчаток. – Все в машину. Уезжаем.

Пятясь, он отступил к автомобилю и забрался на переднее сиденье. Остальные последовали его примеру. Кроме Йеспера. Он подобрал упавший ключ и, когда увидел, что шальная пуля сделала с его кабиной и оборудованием, ярость Йеспера прорвалась наружу и он в бессилой злобе с проклятием швырнул ключ в сторону леса и несколько секунд стоял, слегка расставив ноги, понимая, что представлял собой легкую мишень, но вдруг как-то перестав переживать на этот счет.

– Förbannades shitdjävlarrrrrrrrr!

– Садись в машину! – крикнул Миммо.

– Förbannades shitdjävlar, – пробормотал Йеспер, смакуя звуки шведского ругательства, потом сел за руль.

Машина уехала тем же путем, что и приехала. Когда она скрылась из виду, туча пуль с обеих сторон леса ударила в «рождественскую елку», оставляя вмятины на металле, с визгом улетающая в небо или зарываясь в снег. Потом – тишина. Затем кто-то рассмеялся и крикнул:

– Аллахххх-у акбарррр...

Крик эхом прокатился по горам. И замер.

БАЗА «ЗАГРОС-3». 18:38. Солнце коснулось горизонта. Последние запчасти и багаж загружали на борт. Все четыре вертолета выстроились в ряд: два 212-х, один 206-й и «алуэтт». Пилоты были готовы к отлету. Жан-Люк, громко топая, ходил взад-вперед перед своей машиной – вылеты были отложены Ничак-ханом. Некоторое время назад он, ни с кем не советуясь, приказал всем вертолетам вылетать вместе, из-за чего Жан-Люк уже не успевал в Эль-Шаргаз, только в Шираз, где ему придется заночевать, потому что ночные полеты в иранском небе были запрещены.

– Объясни ему еще раз, Том, – сердито попросил Жан-Люк.

– Он уже сказал «нет» тебе, сказал «нет» мне, значит его ответ – «нет», да сейчас и в любом случае уже поздно об этом говорить! У тебя все готово, Фредди?

– Да, – раздраженно ответил Эйр. – Мы уже час ждем, если не больше!

Лочарт с мрачным лицом направился к Ничак-хану, который слышал злость и раздражение в их голосах и с тайным восторгом наблюдал замешательство чужеземцев. Рядом с Ничак-ханом стоял человек с зеленой повязкой, который, как полагал Лочарт, был из комитета, и несколько деревенских жителей. Остальные оставили базу в течение дня. И спрячутся в лесу, подумал он, ощущая сухость во рту.

– Ничак-хан, мы почти готовы.

– Так угодно Богу.

– Фредди, последний груз, давай! – крикнул Лочарт и снял фуражку с козырьком.

Остальные сделали то же самое, когда Эйр, Родригес и два механика вынесли из ангара наспех сколоченный гроб, пронесли его по снегу и бережно поставили в 212-й Жан-Люка. Когда это было сделано, Лочарт шагнул в сторону:

– Группа в Шираз – на посадку.

Он пожал руки Миммо, Йесперу, подсобному рабочему и помощнику Йеспера, и те забралась в вертолет, рассаживаясь среди багажа, запчастей и гроба. Миммо Сера и его подсобник-итальянец нервно перекрестились и застегнули ремни безопасности.

Жан-Люк сел на место пилота, Родригес – рядом с ним. Лочарт повернулся лицом к остальным:

– Все на посадку!

Под внимательными взглядами Ничак-хана и «зеленой повязки» остальные люди начали рассаживаться по вертолетам. Эйр пилотировал «алуэйт», Клаус Швартенеггер – 206-й, все места заняты, топливные баки заполнены, грузовые отсеки набиты до отказа, к стойкам шасси снаружи были привязаны запасные лопасти винта. 212-й Лочарта был забит под завязку и превышал лимит взлетного веса.

– К тому времени, когда доберемся до Ковисса, мы сожжем столько топлива, что все будет в рамках, предписанных законом. В любом случае тут всю дорогу под горку, – сказал он всем пилотам, когда проводил инструктаж.

Теперь он стоял один на снегу «Загроса-3», все остальные сидели пристегнутыми в креслах, дверцы пассажирских отсеков захлопнуты.

– Заводи! – приказал он, чувствуя, как в нем растет напряжение. Еще раньше он сказал Ничак-хану, что решил лично руководить отлетом.

Ничак-хан и «зеленая повязка» подошли к Лочарту.

– Этот молодой пилот, которого ранили, где он?

– Который? А-а, Скот? Его здесь нет, он в Ширазе, Ничак-хан, – ответил Лочарт и увидел, как лицо старика залила краска гнева, а у «зеленой повязки» отвисла челюсть. – А что?

– Это невозможно! – проговорил «зеленая повязка».

– Я не видел его среди садившихся, значит он должен был улететь более ранним рейсом... – Лочарту приходилось напрягать голос, чтобы перекричать рев двигателей, работавших уже на полную мощность, – более ранним рейсом, когда мы были на «Розе» и «Марии». А в чем дело?

– Это невозможно! – испуганно повторил «зеленая повязка», когда старик повернулся к нему. – Я смотрел внимательно!

Лочарт пригнулся от вращающихся лопастей и подошел к окошку пилота машины Жан-Люка, доставая толстый белый конверт.

– Держи, Жан-Люк, bonne chance, – сказал он и протянул ему конверт. – Взлетайте!

Мгновение он наблюдал тень улыбки, прежде чем торопливо отбежать на безопасное расстояние от вертолета. Жан-Люк дал полный газ для быстрого взлета, поднял машину в воздух и, стрекоча лопастями, полетел прочь. Порывы ветра от ее винта трепали одежду Лочарта и жителей деревни, стоявших внизу, рев двигателей заглушал все, что кричал Ничак-хан.

В тот же миг – тоже по предварительной договоренности – Эйр и Швартенеггер резко прибавили газу, подняли вертолеты и аккуратно развели их подальше друг от друга, прежде чем начать медленный, тяжелый подъем в сторону леса. Лочарт смотрел, как поднимаются вертолеты, и молился, чтобы все прошло удачно, но тут взбешенный член комитета схватил его за рукав и грубо развернул лицом к себе.

– Ты солгал! – кричал иранец. – Ты солгал старосте, молодой пилот не улетел раньше! Я бы увидел его, я смотрел внимательно. Скажи Ничак-хану, что ты солгал!

Лочарт резко вырвал рукав, зная, что каждая секунда означает метр-другой высоты, метр-другой на пути к спасению.

– Зачем мне лгать? Если молодой пилот не в Ширазе, значит он все еще здесь! Обыщите всю базу, обыщите мой вертолет. Пошли, начнем с моего вертолета! – Он подошел к своему 212-му и распахнул дверцу, видя краем глаза, что Жан-Люк уже достиг линии деревьев, Эйр был так перегружен, что еле летел, а 206-й все еще набирал высоту. – Клянусь всеми именами Аллаха, давайте проведем обыск, – говорил он, отвлекая их внимание на себя вместо уходящих вертолетов, фокусируя свою волю на том, чтобы заставить их начать обыскивать не его вертолет, а всю базу. – Где человек может тут спрятаться? Невозможно. А как насчет конторы и трейлеров, может, он прячется...

«Зеленая повязка» сорвал с плеча автомат и прицелился в него:

– Скажи Ничак-хану, что ты солгал, или ты умрешь!

Не сделав видимого усилия, Ничак-хан сердито вырвал автомат у юноши из рук и швырнул его в снег.

– Я закон в Загросе – не ты! Возвращайся в деревню!

Преисполненный страха, юноша тотчас подчинился.

Жители деревни стояли и ждали. Лицо хана посуровело, его маленькие глазки переходили от вертолета к вертолету. Они уже были далеко, но еще в пределах досягаемости для тех, кого он расставил в лесу вокруг базы, чтобы расстрелять их по его сигналу, только по его. Один из вертолетов поменьше закладывал вираж, все еще набирая высоту как можно быстрее и возвращаясь назад по большому кругу. Чтобы проследить за нами, подумал Ничак-хан, посмотреть, что будет дальше. На все воля Аллаха.

– Опасно сбивать на землю летающие машины, – говорила ему жена. – Это навлечет на нас великий гнев.

– Террористы собьют их. Не мы. Молодой пилот видел нас, и говорящий на фарси пилот тоже все знает. Они не должны уйти. Террористы не знают жалости, им плевать на закон и порядок, да и как можно доказать, что они не существовали? Разве эти горы не являются древним прибежищем всяческих разбойников? Разве мы не преследовали этих террористов в полную меру наших сил? Что мы могли сделать, чтобы предотвратить трагедию, – ничего.

И вот перед ним остался последний из неверных, его главный враг, который обманывал его, и лгал ему, и умыкнул второго дьявола у него из-под носа. По крайней мере, этот от меня не убежит, подумал он. Самый краешек солнца еще висел над горизонтом. У него на глазах он исчез.

– Мир да будет с вами, пилот.

– И с вами, Ничак-хан, да хранит вас Аллах, – произнес Лочарт сквозь зубы. – Тот конверт, который я отдал французскому пилоту. Вы видели, как я его передал ему?

– Да-да, видел.

– Это было письмо, адресованное Революционному комитету в Ширазе с копией иранскому командиру в Дубае по ту сторону залива, подписанное молодым пилотом и засвидетельствованное мною. В нем в точности рассказывается все, что произошло на деревенской площади, что было с кем сделано и кто это сделал, кого застрелили, точное число людей, которых связали и бросили в грузовик «зеленых повязок», прежде чем он рухнул в ущелье Обезженных Верблюдов, то, как было осуществлено убийство Насири, ваши тер...

– Ложь, все ложь! Клянусь Пророком, что это еще за слово «убийство»? Убийство? Этим занимаются бандиты. Человек умер – на все воля Аллаха, – угрюмо проговорил старик, видя, как его люди смотрят на Лочарта, разинув рты. – Он был известным сторонником шаха, которого вы наверняка скоро встретите в аду.

– Может, да, а может, нет. Может быть, мой верный слуга, который был подло убит здесь сыновьями собаки, уже рассказал обо всем Истинному Богу, и Истинный Бог знает, кто говорит правду!

– Он не был мусульманином, он не служил имаму, и...

– Но он был христианином, а христиане служат Истинному Богу, и мой соплеменник был убит трусами из засады, сыновьями собаки, не знающими, что такое храбрость, которые стреляют из засады, – безусловно, пожирателями дерьма, людьми левого толка, проклятыми навеки! Правда, что его убили, как и другого христианина на буровой. Клянусь Богом и Пророком Бога, их смерти будут отомщены!

Ничак-хан пожал плечами.

– Террористы! – выпалил он, сильно напуганный. – Террористы сделали это, конечно, это были террористы! Что до письма, то это все ложь, ложь, пилот лгал, мы все знаем, что произошло в деревне. Все, что он говорит, ложь.

– Тем больше причин к тому, чтобы не доставлять это письмо. – Лочарт выбирал слова с большой осторожностью. – Поэтому, пожалуйста, защитите меня от террористов, когда я буду улетать. Только я могу помешать письму попасть по адресу.

Сердце тяжело стучало в груди, когда он смотрел, как старик достает сигарету, взвешивая все за и против, прикуривает от зажигалки Джордона, и Лочарт снова задумался, как он смог бы отомстить за убийство Джордона – все еще не разрешенная часть плана, который пока срабатывал идеально: он забрал с собой слишком бдительного Ничак-хана, Скот Гэваллан тайком пробрался в сколоченный для Джордона гроб, который должны были отнести в вертолет Жан-Люка, завернутое в саван тело Джордона уже спрятали в длинном ящике, в котором раньше лежали запасные лопасти несущего винта и который должны были погрузить в его 212-й, потом он передал письмо, и все три вертолета взлетели одновременно. Все прошло именно так, как он спланировал.

А сейчас пришло время заканчивать. Эйр в «алуэтте» кружил высоко в небе, уже недосягаемый для пуль.

– Салам, староста, правосудие Аллаха да будет с вами, – сказал он и направился к кабине пилота.

– Террористы мне не подчиняются! – И когда Лочарт не остановился, Ничак-хан крикнул еще громче: – Зачем вам препятствовать доставке этих лживых измышлений?

Лочарт сел в кабину, всем сердцем желая быть далеко отсюда, ненавидя теперь это место и этого старика.

– Потому что, клянусь Богом, я ненавижу ложь!

– Как перед Богом, вы помешаете доставке этой лжи?

– Как перед Богом, я прослежу, чтобы письмо сожгли. Правосудие Аллаха да пребудет с вами и с Яздеком. – Он нажал на стартер.

Первый двигатель ожил. Лопасти винта над ним начали поворачиваться. Лочарт щелкал тумблерами. Теперь заработал и второй двигатель, и все это время он смотрел на старика. Гори в аду, старик, думал он, кровь Джордона на твоих руках, и Джанни тоже, я уверен в этом, хотя никогда не смогу этого доказать. Возможно, и моя тоже.

Ожидание. Теперь все стрелки на «зеленом». Отрыв.

Ничак-хан наблюдал, как вертолет, задрожав всем корпусом, поднялся в воздух, помедлил, потом не спеша повернулся и начал уходить вбок. Так легко поднять руку, подумал он, и совсем скоро этот неверный и это завывающее чудовище превратятся в погребальный костер, падающий с неба, а что до письма – ложь, все ложь.

Два человека мертвы? Всем известно, что они сами виноваты в своей смерти. Разве мы их сюда приглашали? Нет, они пришли, чтобы пользоваться нашей землей для себя. Если бы они не пришли сюда, то сейчас были бы живы и ждали бы ада, который им всем неизбежно назначен.

Он не отрывал взгляда от воздушной машины. Времени еще было довольно. Он медленно покурил, получая огромное наслаждение от сигареты, упиваясь знанием, что может уничтожить такую огромную машину одним лишь поднятием руки. Но он ее не поднял. Он вспомнил совет жены, прикурил вторую сигарету от окурка первой и попыхивал ею, терпеливо ожидая. Скоро ненавистный звук двигателей стал далеким и быстро пропал совсем, и тогда высоко над головой он увидел, как летающая машина поменьше перестала кружить и тоже направилась на юго-запад.

Когда звук неверных пропал совершенно, он решил, что мир снова вернулся в его Загрос.

– Сожгите базу, – сказал он остальным.

Скоро языки пламени поднялись высоко. Без сожаления он швырнул зажигалку в огонь и со спокойной душой зашагал домой.

Понедельник 26 февраля

Глава 50

НЕДАЛЕКО ОТ АВИАЦИОННОЙ БАЗЫ В БЕНДЕР-ДЕЙЛЕМЕ. 09:16. Под проливным дождем автомобиль-универсал марки «субару» с эмблемой компании «Иран-Тода» на дверцах быстро катил по дороге, стеклоочистители метались туда-сюда как сумасшедшие, дорога была в рытвинах и местами затоплена, водитель – иранец. Скрэггер с напряженным лицом сидел рядом с ним, плотно пристегнутый; на заднем сиденье радиомеханик-японец изо всех сил пытался на нем удержаться. Сквозь плотную завесу дождя перед ними Скрэггер разглядел старый автобус, занимавший большую часть дороги, и недалеко впереди двигавшиеся им навстречу машины.

– Минору, скажи ему, чтобы притормозил. Еще раз скажи, – попросил он. – Этот парень совсем без мозгов.

Молодой японец наклонился вперед и резко произнес несколько слов на фарси. Водитель благодушно кивнул, пропустил их мимо ушей и вдавил ладонь в кнопку клаксона. Обгоняя автобус, он повернул руль так круто, что едва не выехал на противоположную обочину, нажал на газ, когда нужно было сбросить скорость, пошел юзом, выровнял автомобиль и едва успел проскочить в узкое пространство между автобусом и шедшей навстречу машиной. Все три транспортных средства при этом оглашали окрестности яростными гудками.

Скрэггер в очередной раз выругался себе под нос. Водитель, молодой бородатый иранец, с широкой улыбкой оторвал взгляд от дороги и сказал что-то на фарси, угодив в большую рытвину с водой и выбросив фонтан брызг. Минору перевел:

– Он говорит, с помощью Аллаха мы будем на летном поле через несколько минут, капитан Скрэггер.

– С помощью Аллаха мы доберемся туда целиком, а не разбитыми на пятьдесят частей. – Скрэггер предпочел бы сам сесть за руль, но это было запрещено, и никому из сотрудников «Иран-Тода» тоже не разрешалось самостоятельно управлять автомобилем. «Мы пришли к выводу, что это разумная политика, капитан Скрэггер, учитывая то, что представляют собой здешние дороги, правила движения и иранцы за рулем, – сказал ему Ватанабэ, инженер, руководивший предприятием. – Но Мохаммед – один из наших лучших водителей и очень надежный. Увидимся вечером».

К своему облегчению, Скрэггер увидел впереди аэродром. «Зеленые повязки» охраняли ворота. Водитель не обратил на них внимания, просто пронесся мимо и затормозил в фонтане брызг у двухэтажного здания управления.

– Аллах-у акбар, – с гордостью произнес он.

Скрэггер протяжно выдохнул.

– Аллах-у акбар и есть, – сказал он, отстегнул ремень безопасности, приготовил зонт и огляделся: он был здесь впервые.

Просторная бетонированная площадка и невысокая диспетчерская вышка. Двухэтажное здание управления компании имело заброшенный вид, стекла в окнах выбиты, некоторые окна заколочены фанерой, рядом – трейлеры компании «С-Г», добротные ангары, сейчас закрытые по случаю ливня, с пулевыми отверстиями повсюду, как и в стенах жилых трейлеров. Скрэггер присвистнул, вспоминая рассказы о разыгравшемся сражении между «зелеными повязками» и моджахедами. Здесь, надо полагать, было гораздо жарче, чем рассказывал Дюк, подумал он.

Два пассажирских двухмоторных реактивных самолета Королевских иранских авиалиний стояли на площадке, запаркованные безо всякого порядка. Слово «королевские» было грубо вымарано черной краской, шины спущены, стекла кабины пилотов выбиты, их явно бросили здесь догнивать.

– Это же святотатство, черт подери! – пробормотал Скрэггер, глядя, как дождь заливает кабины пилотов.

– Минору, сынок, скажи этому Мохаммеду, чтобы он и пальцем шевелить не смел, пока мы не будем готовы уехать, хорошо?

Минору перевел, потом вслед за Скрэггером вылез из машины под дождь. Скрэггер стоял рядом с машиной, не зная, куда идти дальше. Но тут дверь одного из трейлеров распахнулась.

– Mein Gott, Скрэг! То-то мне показалось, что это ты! Какого дьявола ты тут делаешь? – Это был Руди Луц с сияющей улыбкой на лице.

Потом Скрэгг увидел, как к Руди присоединился Старк, и его сердце забило веселей.

– Привет, дети мои! – Он тепло пожал руки обоим, несколько секунд они втроем говорили одновременно. – Эй, Дюк, какой приятный сюрприз!

– Какого черта ты здесь делаешь, Скрэг?

– Все по порядку, сынок. Это Минору Фуяма, механик-радист из «Иран-Тода». Моя УКВ-рация что-то забарахлила по дороге сюда. Я тут со сказочным чартером из Бендер-Ленге. Минору вытащил этот ящик из гнезда, он сейчас в машине, вы мне его не замените?

– Нет проблем. Пойдемте, мистер Фуяма. – Руди направился к соседнему трейлеру, чтобы отыскать Фаулера Джойнса и обо всем договориться.

– Я чертовски рад тебя видеть, Скрэг! О стольком надо поговорить, – сказал Старк.

– Да, с погодой прямо беда, того и гляди вихри закружат, а?

– Вот-вот. Эта погода у меня никак из головы не выходит. – Старк выглядел постаревшим, его глаза внимательно оглядывали базу; ливень стал еще сильнее, день был теплым, воздух – влажным и липким.

– Я видел Мануэлу в Эль-Шаргазе, она все та же, красавица с картинки. Переживает только, а так в порядке.

Руди присоединился к ним, шлепая по лужам, и первым вошел в трейлер, где располагалась контора.

– В этом потоке ты все равно не полетишь, Скрэг. Может, пивка?

– Нет, спасибо, приятель, но я бы не отказался от чашечки чая. – Скрэггер выговорил это автоматически, испытывая сейчас огромное желание выпить холодного пива.

Однако после своего первого же медосмотра у доктора Натта сразу после того, как он продал свою «Шейх авиэйшн» Гэваллану, когда Натт сказал: «Скрэг, если ты не бросишь курить и не прекратишь дуть пиво, как сейчас, то через пару лет перестанешь летать», он соблюдал предельную осторожность. Чертовски правильный режим, подумал он. Никакого курева, никакой выпивки, никакой жратвы и море девчонок.

– У тебя еще остались запасы, Руди? В Бендер-Ленге было бы совсем худо, если бы не де Плесси со своим вином.

– Я раздобыл немного на танкере, который сейчас стоит в порту, – откликнулся Руди из маленькой кухоньки, где ставил чайник на плиту. – Экстренная эвакуация, моряк с разбитой головой и лицом. Капитан сказал, что он упал, но по мне, так это было больше похоже на драку. Оно и неудивительно: корабль стоит на якоре уже три месяца. Mein Gott, Скрэг, ты видел эту толчею в портовой гавани по дороге сюда? Наверное, не меньше сотни кораблей, которые ждут, когда их разгрузят или накачают нефтью.

– На Харке то же самое, да и по всему побережью, Руди, все везде забито. На причалах – небоскребы из ящиков, мешков и бог знает чего еще, все лежит, гниет под дождем и солнцем. Ладно, хватит об этом, ты-то что тут делаешь, Дюк?

– Перегнал вчера двести двенадцатый из Ковисса. Если бы не погода, улетел бы назад на рассвете. Теперь вижу: хорошо, что не улетел.

Скрэггер уловил настороженность в его голосе и огляделся. Он не увидел никого, кто мог бы их подслушивать.

– Проблемы? – спросил Скрэг, но Старк покачал головой, а Руди прибавил громкости в магнитофоне, из которого неслась музыка. Вагнер. Скрэг терпеть не мог Вагнера. – А что такое?

– Просто осторожность. Эти чертовы стенки слишком тонкие. И я поймал одного из местных работников, когда он подслушивал. Думаю, большинство из них шпионят за нами. Потом у нас тут новый директор базы Нумир, мы его прозвали Гнусный Нуми. У него сегодня выходной, а то бы ты уже объяснял ему, зачем ты здесь, в третий раз подряд объяснял бы. – Руди понизил голос. – Надо бы поговорить о ветрах. Но ты что тут делаешь, Скрэг? Почему не позвонил?

– Я вчера прилетел на завод «Иран-Тода» чартерным рейсом для парня по имени Касиги, самого крупного закупщика сырой нефти с Сирри и большой шишки в «Иран-Тода», – старина Жорж де Плесси об этом договорился. Сегодня я здесь на весь день, улетаю завтра рано утром. Энди просил меня повидаться с вами, прозондировать почву, а прилететь раньше у меня никак

не получалось. Мне не удалось связаться с вами по УКВ по дороге сюда, наверное, из-за дождя, я как раз перед ним успел проскочить. Разрешения прилететь сюда тоже не смог раздобыть, поэтому выдернул провод из радиации на всякий случай, после чего мне «потребовался срочный ремонт». Дюк, Энди рассказал тебе, о чем мы с ним говорили в Эль-Шаргазе?

– Да-да, рассказал. И тебе следует знать, что тут появился новый выверт. Энди сообщили, что нас всех ставят на прикол в ожидании национализации и у нас на все про все пять дней – всего пять дней, на которые мы точно можем рассчитывать. Если мы за это возьмемся, то крайний срок – эта пятница.

– Господи всеблагой и милосердный! – Скрэггер ощутил стеснение в груди. – Дюк, мне никак не успеть приготовить все к пятнице.

– Энди говорит, вывозить будем только двести двенадцатые.

– А?

Старк объяснил, что произошло в Ковиссе и что, как можно надеяться, произойдет, если Энди нажмет на кнопку «Пуск».

– Брось ты это, никаких «если», только «когда». У Энди нет другого выхода. Вопрос в том: готовы ли мы подставлять свои шеи под топор?

– Ты ее уже подставил, – рассмеялся Старк. – Я сказал, что я в деле, если все остальные согласны. Если речь идет о двух двести двенадцатых, для меня это возможно, а теперь, когда... ну, когда наши птички опять получают британские регистрационные номера, как только мы переберемся через границу, все будет легально.

– Черта с два! – возразил Руди. – Все это просто незаконно. Я тебе вчера говорил, и Папаша Келли согласился. Скрэг, как нам...

– Папаша здесь?

– Конечно, – ответил Старк. – Со мной прилетел. – Он объяснил почему, а потом добавил: – Мастак согласился дать одну машину «взаймы», двух ребят мы вывезли на сто двадцать пятом, остальные должны улететь в четверг, но на этот счет у меня полной уверенности нет. Полковник Чангиз сказал, что в будущем все передвижения персонала должны предварительно согласовываться с ним лично, а не только с Мастаком.

– Как ты намереваешься вернуться?

– Возьму двести шестой. – Старк выглянул в окно и посмотрел на дождь. – Черт бы побрал этот фронт!

– К полуночи уймется, Дюк, – уверенно сказал Скрэггер.

– Как ты собираешься вывозить своих людей, Скрэг? – спросил Руди.

– Если всего делов-то, что мои два двести двенадцатых, мне будет гораздо легче. Гораздо. – Скрэггер увидел, как Руди сделал большой глоток ледяного пива из банки с поблескивающими капельками влаги на боку, и жажда стала донимать его еще сильнее. – Пятница – хороший день для рывка, потому что иранцы все будут на молитвенных собраниях или еще где-нибудь.

– А я не так уверен, Скрэг, – возразил Руди. – По пятницам радар у них по-прежнему работает. Они обязательно поймут, что что-то не так, когда мои четыре птички ринутся через залив, особенно когда узнают про твои три и две Дюка. Абадан весь словно наскипидаренный насчет вертолетов, особенно после НВС.

– Были еще какие-нибудь расспросы про НВС, Руди?

– Да. На прошлой неделе приходил Аббаси, тот самый пилот, который его сбил. Те же вопросы, ничего нового.

– Он знает, что пилотом НВС был его брат?

– Пока нет, Скрэг.

– Тому Лочарту дьявольски повезло. Просто дьявольски.

– Нам всем дьявольски везет. Пока, – заметил Старк. – Кроме Эрикки. – Он пересказал Скрэггеру то небольшое, что им было известно.

– Господи, а дальше что? Как мы сможем повернуть «Шамал», когда он все еще будет в Иране?

– Мы не сможем, Скрэг... я так думаю, – сказал Руди. – Мы не можем оставить его здесь.

– Это верно, но, может быть... – Старк сделал глоток кофе: его немного мутило от собственных тревог и слегка горчило во рту. – Может быть, Энди и не станет жать на кнопку. А мы тем временем будем изо всех сил надеяться, что Эрикки как-нибудь выкрутится или его отпустят до пятницы. Тогда у Энди будут развязаны руки. Черт, если бы это зависело от меня, от меня одного, будь я проклят, если бы рискнул осуществить «Шамал»!

– Согласен. – Руди тоже подташнивало.

– Если бы это были ваши вертолеты, ваша компания и ваше будущее, готов поспорить, вы бы рискнули. Я знаю, что я рискнул бы. – Скрэггер широко улыбнулся. – Что до меня, то я за «Шамал». Я должен быть за, старина, ни одна чертова компания не возьмет меня пилотом в моем возрасте, поэтому я просто должен, черт возьми, сделать так, чтобы Грязный Дункан и Энди Гав-Гав сохранили свой бизнес, если я хочу летать. – Чайник на плите завел свою песню, и Скрэггер поднялся. – Я сам заварю, Руди. Так как насчет тебя? Ты согласен или нет?

– Я согласен, если вы оба в деле и если это будет реально осуществимо. Но мне все это не нравится, и я вам прямо говорю: я поведу свои четыре машины только в том случае, если действительно увижу, что у нас есть шанс. Скрэг, вчера вечером мы поговорили с остальными пилотами. Марк Дюбуа и Папаша Келли сказали, что готовы попробовать, Блок и Форсайт сказали спасибо, но нет, благодарим покорно, так что у нас получается три пилота на четыре двести двенадцатых. Я попросил Энди прислать мне добровольца. – На лице Руди была написана тревога. – Каким-то образом я должен поднять в воздух четыре машины, причем все одновременно, а нам даже на запуск двигателей нужно просить разрешение, а тут еще «зеленые повязки» рассыпаны по всей базе, наш радист Джахан далеко не идиот, а потом есть еще Гнусный Нуми... – Он закатил глаза под самые брови.

– У тебя нет никаких проблем, старый хрен, – беспечно бросил Скрэггер. – Скажи им, что собираешься устроить победный воздушный парад в честь Хомейни в Абадане!

– Шел бы ты в задницу, Скрэг! – Музыка закончилась, и Руди перевернул кассету. Выражение его лица стало тверже. – Но я согласен с тобой: Энди нажмет на кнопку – и это «когда» наступит в пятницу. Я так скажу: если один из нас решит отказаться, мы все откажемся. Договорились?

Скрэггер нарушил молчание:

– Если Энди скажет лететь, я полечу. Мне придется полететь.

ПОРТ БЕНДЕР-ДЕЙЛЕМА. 15:17. «Универсал» Скрэггера свернул с основной дороги в широко раскинувшемся шумном городе на дорогу поуже, пронеслась по ней, потом вывернула на площадь перед мечетью. За рулем, как обычно, был Мохаммед, его палец практически не отрывался от кнопки клаксона. Дождь заметно поутих, но день оставался все таким же пасмурным и тоскливым. Минору дремал на заднем сиденье, держа на коленях запасную рацию. Скрэггер рассеянно смотрел вперед: столько всего нужно обдумать – планы, условные коды и как быть с Эрикки? Вот беда! Но уж если у кого и получится выбраться из этой передраги, так это у него. Готов Богом поклясться, что Эрикки как-нибудь да вывернется. А если не вывернется или Энди не станет жать на кнопку, чем ты тогда будешь заниматься? Об этом я стану беспокоиться на следующей неделе.

Он не видел, как из-за угла вылетела полицейская машина, пошла юзом на скользкой от дождя дороге и врезалась в них сзади. Мохаммед никак не мог избежать столкновения, и скорость полицейской машины, добавившаяся к их собственной, швырнула их боком через дорогу

на уличную лавку и толпу пешеходов, убив одну пожилую женщину, оторвав голову другой и многих ранив. Их машина провалилась колесами в джуб, по инерции перекувыркнулась через бок и со страшным металлическим скрежетом врезалась в высокую стену.

Скрэггер инстинктивно прикрыл лицо руками, но от последнего удара его голова ударилась о боковое стекло, и Скрэга на мгновение оглушило; пристегнутый ремень спас его от по-настоящему серьезной травмы. Водитель пострадал сильно: он вылетел в лобовое стекло и теперь лежал на капоте, а ноги торчали в салоне. Сзади сиденья защитили Минору, и он первым пришел в себя, по-прежнему бережно прижимая к себе рацию. Среди воплей и сумятицы Минору с трудом открыл свою дверцу и выбрался наружу, сразу очутившись в толчее прохожих и пострадавших. Никто не обратил на Минору внимания: японцы из «Иран-Тода» были обычным явлением на улицах города.

В этот момент к ним подбежали люди, сидевшие в полицейской машине, которую при столкновении развернуло так, что теперь она стояла поперек дороги со смятым передом. Полицейские протолкались к «универсалу», бросили один взгляд на водителя, потом со скрежетом открыли боковую дверцу и вытащили Скрэггера наружу.

Раздались злобные крики «Американец!», шум усилился, послышались новые вопли. Скрэггер стоял все еще полуоглушенный.

– Спа... спасибо, я... я в порядке... – Но его крепко держали и кричали на него громко и озлобленно. – Ради бога... – охнул он, – это не я был за рулем... Что, черт возьми, происхо...

Вокруг Скрэггера бушевала буря криков на фарси, паника и злоба, и один из подошедших полицейских защелкнул на руках Скрэга наручники, потом грубо потащил к полицейской машине и запихнул на заднее сиденье. Продолжая осыпать его проклятиями, сами полицейские сели в машину, и водитель завел двигатель.

На другой стороне дороги Минору безуспешно пытался пробраться сквозь толпу, чтобы помочь Скрэггеру, но остановился в отчаянии, когда увидел, как машина с ним понеслась по улице прочь.

Глава 51

НЕДАЛЕКО ОТ ДОШАН-ТАПЕХА. 15:30. Мак-Ивер ехал по дороге вдоль забора из колючей проволоки, окружавшего военный аэродром. Крылья и бока его машины были сильно помяты, вмятин и царапин было гораздо больше, чем раньше. Одна фара разбита и кое-как залеплена скотчем, сзади с одного бока красный тормозной фонарь отсутствовал, но двигатель работал по-прежнему уверенно и чисто, и зимние шины хорошо держали дорогу. По обочинам поднимались сугробы снега. Солнце не пробивалось сквозь плотные облака, висевшие в каких-нибудь тысяче двухстах футах над головой и застилавшие все, кроме предгорных холмов на севере. Было холодно, и он опаздывал.

С внутренней стороны ветрового стекла был прикреплен большой зеленый пропуск, и, увидев его, пестрая группа «зеленых повязок» и охранников аэропорта, стоявшая у ворот, замахала руками, пропуская его, потом опять сгрудилась у открытого костра, чтобы как-то согреться. Мак-Ивер направился к ангару «С-Г», но, прежде чем он до него добрался, Том Лочарт вышел из боковой двери, чтобы перехватить его.

– Привет, Мак, – сказал он, быстро усаживаясь в машину. Он был одет для полета, со своей дорожной сумкой и только что прилетел из Ковисса. – Как Шахразда?

– Извини, что так долго, ужасные пробки.

– Ты видел ее?

– Нет, пока не видел. Извини. – Он заметил, как Лочарт мгновенно напрягся. – Сегодня рано утром я опять туда ездил. Слуга открыл мне дверь, но, похоже, не понимал меня. Я отвезу тебя туда сразу же, как только смогу. – Он отпустил сцепление и развернулся к воротам. – Как все прошло в Загросе?

– Отвратительно, расскажу тебе обо всем через секунду, – торопливо проговорил Лочарт. – Перед тем как мы сможем уехать, нам нужно встретиться с начальником базы.

– А зачем? – Мак-Ивер нажал на тормоз.

– Они не сказали. Оставили записку у клерка, чтобы ты зашел к начальнику базы, когда приедешь сегодня. Какие-то проблемы?

– Никаких, о которых мне было бы известно. – Мак-Ивер отпустил сцепление и круто повернул руль.

Что там на этот раз? – думал он, пытаясь унять поднимающуюся внутри тревогу.

– Это могло бы быть связано с НВС?

– Будем надеяться, что нет.

– Что с твоей «Лулу»? Попал в аварию?

– Нет, просто какое-то хулиганье на улице, – ответил Мак-Ивер, думая о НВС.

– С каждым днем ситуация все напряженнее. Есть новости от Эрикки?

– Никаких. Он просто исчез. Азаде просиживает у телефона в офисе все дни напролет.

– Она живет у тебя?

– Нет, в субботу вернулась в свою квартиру. – Мак-Ивер направлялся к зданиям по другую сторону взлетно-посадочной полосы. – Расскажи про Загрос. – Он слушал не прерывая, пока Том не закончил свой рассказ. – Ужас, кошмар какой-то!

– Да, но Ничак-хан так и не подал знака, чтобы нас сбили. Если бы подал, думаю, он сумел бы отвертеться. Чертовски трудно опровергнуть историю про «террористов». Как бы то ни было, когда мы добрались до Ковисса, выяснилось, что Дюк и Энди поимели крупную ссору с Мастаком. – Лочарт рассказал о ней. – Но хитрость, похоже, срабатывает: вчера Дюк и Папаша перегнали двести двенадцатый к Руди, а сегодня утром Эхо-Танго-Лима-Лима прибыл, чтобы забрать тело Джордона.

– Ужасно. Я чувствую себя таким виноватым за старину Эффера.

– Наверное, у нас у всех такое чувство. – (Впереди появилось здание штаба базы с часовыми снаружи.) – Мы все вышли проводить его, когда гроб грузили в самолет, юный Фредди сыграл похоронную на своей волынке, вот, собственно, и все проводы, что еще тут можно сделать. Любопытно, что полковник Чангиз прислал почетный караул из состава ВВС и дал нам нормальный гроб. Станный народ эти иранцы, очень странный. Они выглядели так, словно им было по-настоящему жаль, что он погиб. – Лочарт говорил автоматически; все эти задержки сводили его с ума – сначала в Ковиссе пришлось ждать, потом по дороге сюда служба управления воздушным движением без конца его доставала, потом выяснилось, что нет транспорта, и он бесконечно долго ждал, пока приедет Мак-Ивер, и вот теперь новая задержка. Что случилось с Шахразадой?

Они были рядом с административным зданием, где располагались апартаменты начальника базы и офицерская столовая, где в прошлом они провели немало приятных часов. Дошан-Тапех был элитной военной базой: шах держал здесь часть своего парка личных реактивных самолетов и свой «фоккер френдшип». Теперь стены двухэтажного здания были, как оспинами, изрыты следами от пуль, местами разворочены снарядами, большинство окон стояли без стекол, некоторые были заколочены досками. Снаружи несколько часовых из «зеленых повязок» и неопрятно одетых военнослужащих прохаживались взад-вперед.

– Мир вам! Их превосходительства Мак-Ивер и Лочарт прибыли для встречи с начальником базы, – произнес Лочарт на фарси, и один из «зеленых повязок» махнул рукой, показывая, чтобы они входили. – Прошу вас, где находится кабинет?

– Внутри.

Они поднялись по ступеням к главному входу; в воздухе тяжело пахло горелым, кордитом и канализацией. Они едва поднялись до верхней ступеньки, как большая дверь с треском распахнулась и из нее торопливо вышел мулла, а с ним несколько «зеленых повязок», волочивших двоих молодых офицеров ВВС – их руки связаны, мундиры изорваны и в грязи. Лочарт охнул, узнав одного из них.

– Карим! – вырвалось у него, и теперь Мак-Ивер тоже узнал молодого иранца – Карим Пешади, обожаемый двоюродный брат Шахразеды, тот самый, кого он просил забрать разрешение на взлет НВС с диспетчерской вышки.

– Том! Во имя Аллаха, скажите им, что я не шпион и не предатель! – крикнул Карим по-английски. – Скажите им, Том!

– Ваше превосходительство, – обратился Лочарт к мулле на фарси, – здесь, безусловно, какая-то ошибка. Этот человек – пилот, капитан Пешади, верный помощник аятоллы, сторон...

– Кто вы, ваше превосходительство? – спросил мулла, черноглазый, приземистый, плотный. – Американец?

– Моя фамилия Лочарт, ваше превосходительство, я канадец, пилот, работающий на «Иран ойл», а это руководитель нашей компании, чей офис на другом конце летного поля, капитан Мак-Ивер, и...

– Откуда вы знаете этого предателя?

– Ваше превосходительство, я уверен, что это ошибка, он никак не может быть предателем, я знаю его, потому что он двоюродный брат моей жены и сы...

– Ваша жена иранка?

– Да, ваше пре...

– Вы мусульманин?

– Нет, ваше превос...

– Тогда будет лучше, если она разведется и таким образом спасет свою душу от осквернения. На все воля Аллаха. В отношении этих предателей нет никакой ошибки. Займитесь своим делом, ваше превосходительство. – Мулла сделал знак «зеленым повязкам».

Они тут же продолжили спускаться по лестнице, полунося, полуволоча молодых офицеров, которые громко протестовали и кричали о своей невинности. Мулла повернулся к двери главного входа.

– Ваше превосходительство, – настойчиво воззвал к нему Лочарт, догоняя его. – Прошу вас именем Единого Бога, я знаю, что этот молодой человек верен имаму, добрый мусульманин, патриот Ирана, я доподлинно знаю, что он был одним из тех, кто вышел против «бессмертных» здесь, в Дошан-Тапехе, и помогал револю...

– Остановитесь! – Взгляд муллы стал еще тверже. – Это не ваше дело, чужеземец. Нами больше не правят чужеземцы, чужеземные законы или подчиняющийся чужеземцам шах. Вы не иранец, не судья, не законодатель. Этих людей судили, им вынесен приговор.

– Умоляю вас проявить терпение, ваше превосходительство, тут должна быть какая-то ошибка, должна бы... – Лочарт крутанулся на месте, услышав недалеко за спиной винтовочный залп. Часовые внизу вглядывались через дорогу в сторону каких-то казарм и зданий. Со своего места наверху лестницы ему не было видно то, что видели они. Потом из-за одной из казарм вышли «зеленые повязки», закидывая винтовки на плечо. Они группой начали подниматься вверх по ступеням. Мулла жестом показал им, чтобы они заходили внутрь.

– Закон есть закон, – сказал мулла, глядя на Лочарта. – Ересь следует искоренять. Раз уж вы знаете его семью, можете сказать им, чтобы они молили Аллаха о прощении за то, что вырастили такого сына.

– А в чем он, как полагают, был виновен?

– Не «полагают», ваше превосходительство, – сказал мулла, и в голосе его появились гневные нотки. – Карим Пешади открыто признался в том, что украл грузовик и покинул расположение базы без разрешения, открыто признал, что участвовал в запрещенных демонстрациях, открыто высказывался против нашего будущего абсолютного Исламского государства, открыто протестовал против отмены антиисламского закона о браке, открыто защищал действия, противоречащие исламскому закону, был пойман при совершении действий с подозрением на саботаж, открыто отрицал полную абсолютность Корана, открыто оспаривал право имама быть *факихом* — знатоком мусульманского богословского права. – Мулла плотнее запахнул полы халата от холода. – Мир вам. – Он вернулся в здание.

На несколько секунд Лочарт потерял дар речи, потом перевел сказанное Мак-Иверу.

– «Действия с подозрением на саботаж», Том? Его поймали на вышке?

– Какое это имеет значение? – с досадой произнес Лочарт. – Карим мертв – за преступления против Бога.

– Нет, парень, – мягко произнес Мак-Ивер, – не против Бога, против их представления об истине, высказанного от имени Бога, которого они никогда не постигнут. – Он расправил плечи и вошел в здание.

Поплутав там некоторое время, они нашли кабинет начальника базы, и их проводили к нему.

За рабочим столом сидел майор. Мулла находился рядом с ним. Над их головами в качестве единственного украшения в маленькой неопрятной комнате висела фотография Хомейни.

– Я майор Бетами, мистер Мак-Ивер, – отрывисто произнес начальник базы по-английски. – Это мулла Тегерани. – Он бросил взгляд на Лочарта и перешел на фарси. – Поскольку его превосходительство Тегерани не говорит по-английски, вы будете переводить для меня. Ваше имя, пожалуйста.

– Лочарт, капитан Лочарт.

– Прошу вас, садитесь. Его превосходительство говорит, что вы женаты на иранке. Назовите ее девичью фамилию.

Взгляд Лочарта окаменел.

– Моя личная жизнь – это моя личная жизнь, ваше превосходительство.

– Только не для иностранного пилота-вертолетчика посреди нашей исламской революции против иноземного господства, – гневно проговорил майор, – и не для человека, знакомого с государственными преступниками. Вам есть что скрывать, капитан?

– Нет, разумеется, нет.

– Тогда, пожалуйста, отвечайте на вопрос.

– Вы полицейский? На каком основании вы...

Мулла прервал его:

– Я член комитета Дошан-Тапеха. Вы бы предпочли, чтобы вас вызвали для официального допроса? Прямо сейчас? Сию минуту?

– Я бы предпочел, чтобы меня не спрашивали о моей личной жизни.

– Если вам нечего скрывать, вы можете спокойно ответить на вопрос. Пожалуйста, выбор за вами.

– Бакраван. – Лочарт увидел, что это имя знакомо им обоим, и его желудок неуютно заворочался.

– Джаред Бакраван, заимодавец с базара? Одна из его дочерей?

– Да.

– Ее имя, пожалуйста.

Лочарт боролся с ослепляющей яростью, усиленной убийством Карима. Это и есть убийство, хотелось кричать ему, что бы вы там ни говорили.

– Ее превосходительство Шахразада.

Мак-Ивер внимательно наблюдал за ними:

– О чем тут идет речь, Том?

– Ни о чем. Ни о чем, расскажу позже.

Майор сделал пометку на листе бумаги:

– Каковы ваши отношения с предателем Каримом Пешади?

– Я знаю его около двух лет, он был одним из моих учеников-пилотов. Он двоюродный брат моей жены – был двоюродным братом моей жены, – и я могу лишь повторить, что невозможно даже представить его предателем Ирана и ислама.

Майор сделал еще одну пометку; его ручка громко скрипела по бумаге.

– Где вы проживаете, капитан?

– Я... я не могу сказать точно. Я останавливался в доме Бакравана рядом с базаром. Нашу... нашу квартиру конфисковали.

Молчание стусилось в комнате, вызывая клаустрофобию. Майор закончил писать, взял исписанный лист в руку и посмотрел прямо на Мак-Ивера:

– Во-первых, никакие иностранные вертолеты не разрешается перемещать внутрь или за пределы воздушного пространства Тегерана без разрешения штаба ВВС.

Лочарт перевел, и Мак-Ивер спокойно кивнул. Это не было новостью, за исключением того, что комитет международного аэропорта Тегерана только что выдал официальное письменное указание от имени всемогущего Революционного комитета о том, что только комитет имеет право утверждать и выдавать такие разрешения. Мак-Ивер получил разрешение на переброску своего оставшегося 212-го и одного из «алуэттов» в Ковисс «на временное пользование». Как раз вовремя, подумал он, сосредоточиваясь на майоре, но гадая при этом, что означала эта ожесточенная перепалка на фарси с Лочартом.

– Во-вторых, нам требуется полный список всех вертолетов, находящихся в данный момент в вашем ведении, где они расположены в Иране, номера их двигателей и количество и виды запчастей, которые вы содержите из расчета на один вертолет.

Лочарт увидел, как глаза Мак-Ивера широко раскрылись; его собственные мысли вращались вокруг Шахразады и того, зачем им понадобилось знать, где он живет и кем ей доводится Карим; слова, которые он переводил с одного языка на другой, не оседали в его сознании.

– Капитан Мак-Ивер говорит: «Очень хорошо. Это займет некоторое время из-за неустойчивой связи, но я соберу эту информацию для вас так быстро, как только смогу».

– Я бы хотел получить ее завтра.

– Если у меня получится собрать ее, ваше превосходительство, будьте уверены, что вы ее получите. Она окажется у вас как можно быстрее.

– В-третьих, все ваши вертолеты, находящиеся в Тегеране, с завтрашнего дня должны базироваться здесь и только отсюда совершать вылеты.

– Я обязательно передам ваше требование, майор, высшему руководству «Иран ойл».

Лицо майора окаменело.

– Только ВВС могут решать подобные вопросы.

– Конечно. Я немедленно свяжусь со своим руководством.

– Насчет этого вертолета... – сказал мулла и заглянул в документ, лежавший перед ним на столе. – НВС. Мы бы...

– НВС! – Мак-Ивер позволил своей панике взорваться в пароксизме праведного гнева, и Лочарт едва успевал переводить за ним. – Обеспечение безопасности является ответственностью военно-воздушных сил на той базе, и как они могли быть настолько небрежными, чтобы допустить наглый угон НВС, я не знаю! Сколько раз я жаловался на недостаток бдительности, непоявление часовых на посту, отсутствие охраны в ночное время. Украден вертолет за миллион долларов! Его нечем заменить! Я возбуждаю дело против военно-воздушных сил по поводу халатного отно...

– Это была не наша вина, – вскинулся майор, но Мак-Ивер оставил его реплику без внимания и продолжал развивать наступление, не давая ему рта раскрыть, как и Лочарт, который выражал тираду Мак-Ивера в подходящих иранских словах и выражениях, еще острее подчеркивавших небрежение долгом и коварство ВВС.

– ...уму непостижимой халатности, можно даже сказать, преступного предательства и сговора между другими офицерами, которые позволили какому-то неизвестному американцу пробраться в наш ангар под самым носом нашей так называемой охраны, получить разрешение на взлет от тех, кто, казалось бы, должен нас защищать, а потом нанести вред великому иранскому государству! Непростительно! Разумеется, это предательство, и совершено оно с заранее обдуманном намерением неизвестными лицами в офицерском чине, и я должен наста...

– Как вы смеете предполагать, что...

– Разумеется, это можно было сделать только в сговоре с офицером ВВС. Кто контролирует базу? Кто контролирует эфир? Кто сидит на диспетчерской вышке? Мы считаем, что ответственность лежит на ВВС, и я подаю жалобу высшему руководству «Иран ойл» с требованием возмещения ущерба, и... и на следующей неделе, на следующей неделе я обращусь за правосудием в Революционный комитет и к самому имаму, да хранит его Аллах! А сейчас, ваше превосходительство, прошу извинить нас, но мы отправимся дальше по своим делам.

Мак-Ивер направился к двери, Лочарт – за ним следом; оба были переполнены адреналином. Мак-Ивер чувствовал себя ужасно, в груди сильно ломило.

– Погодите! – приказал мулла.

– Ваше превосходительство?

– Как вы объясните, что предатель Валик, который «случайно» оказался партнером в вашей компании и родственником ростовщика и сторонника шаха Бакравана, прибыл в Исфahan на этом вертолете, чтобы забрать там других предателей, одним из которых был генерал Селади, еще один родственник Джареда Бакравана, тестя одного из ваших старших пилотов?

У Лочарта совсем пересохло во рту, пока он переводил эти роковые слова, но Мак-Ивер не колебался ни минуты и снова бросился в атаку:

– Я не назначал генерала Валика членом правления нашей компании, его назначили высокопоставленные иранцы в соответствии с вашим тогдашним законом. Мы не стремились получить иранских партнеров, именно иранский закон настаивал на этом, нам их навязали. Ко мне это не имеет никакого отношения. Что до всего остального – иншаллах, на все воля Бога! – С колотящимся сердцем он открыл дверь и вышел.

Лочарт закончил переводить.

– Салам, – сказал он и последовал за Мак-Ивером.

– Я этого так не оставлю, – крикнул им вдогонку майор.

НЕДАЛЕКО ОТ УНИВЕРСИТЕТА. 18:07. Они лежали рядом на мягких коврах перед горящими дровами, которые весело потрескивали в уютной комнате. Шахразада и Ибрагим Кияби. Они не касались друг друга, просто смотрели на огонь, слушали хорошую современную музыку на кассетном магнитофоне, погруженные в свои мысли, ощущая присутствие друг друга.

– Ты, бесценный дар Вселенной, – пробормотал он, – ты, чьи губы как рубины, чье дыхание пьянит, как вино, ты, язык Небес...

– О, Ибрагим, – рассмеялась она. – Что это еще за «язык Небес»?

Он приподнялся на локте и посмотрел на нее сверху, благословляя судьбу за то, что она позволила ему спасти ее от того безумного фанатика во время женского марша, ту самую судьбу, которая скоро приведет его в Ковисс, чтобы отомстить за убийство своего отца.

– Я пересказывал «Рубайят», – сказал он, улыбаясь ей.

– Так я тебе и поверила! Думаю, ты это сам придумал. – Она вернула ему улыбку, потом прикрыла глаза от света его любви, снова посмотрев на пылающие угли.

После первого марша протеста – уже шесть дней тому назад – они до самого вечера проговорили друг с другом, обсуждая революцию и открыв для себя общее дело в убийстве ее отца и его отца, будучи теперь вместе детьми одиночества, ибо матери их не понимали, лишь плакали, говорили «иншаллах» и даже не помышляли о мести. Их жизни перевернулись вверх дном, как жизнь всей страны. Ибрагим перестал быть правоверным – осталась лишь вера в силу и целеустремленность народа, ее вера пошатнулась, впервые она усомнилась, спрашивая себя, как Бог мог допустить подобное злодеяние и все остальные преступления, свершенные в последнее время, осквернение их земли и ее духа.

– Я согласна, Ибрагим, ты прав. Мы избавлялись от одного деспота не для того, чтобы получить взамен другого! Ты прав, деспотизм мулл с каждым днем становится все очевиднее, – сказала она тогда. – Но почему Хомейни выступает против тех прав, которые дал нам шах, разумных прав?

– Это неотторжимые права любого человека, никто не может их нам дать, ни шах, ни кто-то другой. Это как твое тело, которое является частью тебя самой, а не неким «полем, которое надлежит вспахать и засеять».

– Но почему имам против?

– Он не имам, Шахразада, просто аятолла, человек и фанатик. Он против, потому что делает то, чем жрецы и священники постоянно занимались на протяжении всей истории: использует свое видение религии, чтобы одурманить людей, сделать их бесчувственными, лишит разума, держать их зависимыми, неграмотными, чтобы никто не посягал на власть мулл. Разве он не хочет, чтобы только муллы занимались образованием? Разве он не заявляет, что одни только муллы понимают закон, изучают закон, обладают знанием закона? Словно им одним доступно все знание!

– Я никогда об этом не думала с такой точки зрения. Я принимала на веру так много, слишком много. Но ты прав, Ибрагим, после твоих слов мне все становится ясно. Ты прав, муллы верят только в то, что есть в Коране. Словно то, что было правильным в дни Пророка, да пребудет с ним мир и покой, должно быть применимо и сегодня! Я отказываюсь быть чьим-то имуществом без права голоса и без права выбирать...

Они открыли для себя столько общего в мыслях: он – современный человек с университетским образованием, она – с желанием быть современной, но не уверенная, как ей этого достичь. Они делились своими секретами и тайными желаниями, понимая друг друга с полуслова, пользовались одними и теми же нюансами, принадлежали к одному и тому же наследию – он был настолько похож на Карима своей речью и внешностью, что они могли бы быть братьями.

В ту ночь она уснула счастливой, а на следующее утро рано выскользнула из дому, чтобы опять с ним встретиться. Они пили кофе в маленьком кафе, она была в чадре ради безопасности и чтобы ее не узнали, они много смеялись вместе, по каждому поводу и безо всякого повода, иногда были серьезными. Оба чувствовали подспудные течения, говорить о них не было нужды. Потом был второй марш протеста, еще более массовый, чем первый, лучше организованный и встретивший меньше сопротивления.

– Когда тебе нужно возвращаться, Шахразада?

– Я... я сказала маме, что буду поздно, что пойду в гости к подруге на другом конце города.

– Я отвезу тебя туда прямо сейчас, и ты можешь уйти оттуда быстро, а потом, если хочешь, мы могли бы поговорить еще или даже лучше: у меня есть друг, у которого есть квартира и несколько замечательных пластинок...

Это было пять дней назад. Иногда его друг, еще один студенческий лидер Туде, был здесь, иногда здесь бывали другие студенты, молодые мужчины и женщины, не все из них коммунисты – новые идеи, свободный обмен мнениями, кружащие голову мысли о жизни и любви, о том, что значит жить свободно. Иногда они оставались здесь одни. Божественные дни: демонстрация, беседы, смех, чудесные пластинки и наполненные покоем ночи в доме у базара.

Вчера – победа. Хомейни уступил, публично заявив, что женщин не принуждают носить чадру при условии, что они покрывают волосы и одеваются скромно. Вчера вечером они гурьбой праздновали победу, танцуя от радости в маленькой квартире, все – такие юные, они обнимались, потом она снова поехала домой. Но вчера она всю ночь видела сны, где он и она были вместе. Эротические сны. Сегодня утром она в полудреме лежала в постели, напуганная, но очень взволнованная.

Кассета закончилась. Это была запись одного из дисков «Карпентерс», медленная, романтическая музыка. Ибрагим перевернул кассету, и вторая сторона оказалась еще лучше. Осмелюсь ли я? – полусонно размышляла Шахразада, чувствуя на себе его взгляд. Через щель в шторах она видела, что небо уже потемнело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.